

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ЕВРАЗИИ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАНЫМ

СССР • МОСКВА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА
ЕВРАЗИИ
ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ
ДАНЫМ

Москва — 1980

**ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОРДЕНА ЛЕНИНА
ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

Выпуск № 51

**Печатается по постановлению Ученого совета ГИМ
ISSN 0132—9898**

Редколлегия:

кандидат исторических наук *Т.Б.Попова*

кандидат исторических наук *Д.Л.Таллис*

кандидат исторических наук *М.В.Фехнер*

кандидат исторических наук *А.И.Шкурко*

© Государственный орден Ленина Исторический музей, 1980

Предлагаемый читателю сборник, составленный из работ научных сотрудников Государственного Исторического музея, охватывает огромный отрезок времени — от эпохи палеолита до средневековья включительно. В него вошли статьи, являющиеся результатом как обработки музейных коллекций, большей частью впервые публикуемых, так и полевых исследований авторов. Этот новый впервые введенный в научный оборот материал представляет несомненный интерес для работников музеев, историков и археологов.

This collection of works of researchers of the Central History Museum covers a wide chronological scale — from the Paleolithic to the Middle Ages inclusive. It contains articles based on an analysis of museum collections, most of which are published for the first time, as well as field investigations by the authors. This new material first introduced into scientific use is of indisputable interest to museum workers, historians and archaeologists.

ФИГУРКА МАМОНТА СО СТОЯНКИ ЕЛИСЕЕВИЧИ

В палеолитическом искусстве малых форм количество целых изображений мамонта невелико, поэтому каждая новая находка представляет собой значительное явление. С нашей точки зрения, особый интерес заключается не только в самом факте находки, но и в месте и в условиях ее расположения в культурном слое стоянки.

В 1976 году Государственный Исторический музей продолжал исследование позднелеполитической стоянки Елисеевичи Брянского района Брянской области. Вскрывалась площадь к востоку от раскопа 1935 года. При раскопках 1935 года „было установлено, что значительная часть южной половины раскопа I покрыта сплошным, довольно толстым и ярко выраженным очажным слоем. В разрезах южной части восточной стены и восточной части южной стены этот слой выступал сплошной полосой черного цвета, толщиной до 0,36 м, сходящей к краям на нет”¹. Протяженность очажного слоя по восточной стенке — 2,77 м. Он утолщается в направлении с севера на юг с 0,01 м до 0,36 м в Ю — В углу раскопа. По южной стенке протяженность очажного слоя — 3,85 м, он утолщается с запада на восток до 0,36 м. Раскопами 1948 года была вскрыта вся линза очажного слоя, которая явилась „полом древнего жилища”. В тот год не была вскрыта только северо-восточная часть края жилища площадью около 4,25 кв. м². Очевидно, этот северо-восточный край очажного слоя и был вскрыт нами в 1976 году. Протяженность вскрытого участка слоя с севера на юг — 2,2 м. Он срезан раскопом 1935 года с запада и раскопом 1948 года с юга. В восточном направлении очажный слой имеет протяженность около 1 м и выклинивается в нескольких сантиметрах от обрыва. Мощность слоя у обрыва 1—2 см. Исследованный участок очажного слоя представляет собой незначительную часть чаши, край которой под наклоном с СВ на ЮЗ спускается ко дну. Чаша заполнена углем (уголь костный), кремневыми отщепами, обломками пластин, костными остатками. Костные остатки представлены большим количеством костей песка, обломками ребер, бивней и пластин бивней мамонта, расслоившимися зубами мамонтов. Из более крупных костей здесь обнаружены обломки двух небольших лопаток мамонта и два крупных обломка бивней: по внешней дуге длина одного — 95 см, другого — 110 см. Крупные кости, лежащие в верхней части очажного слоя, не имеют следов огня, даже если на них находились угли. Кости более глубокой части и особенно по северо-восточной стенке частично обожжены. Отдельные экземпляры костных углей достигают 5 см в поперечнике. На исследованном участке нижняя часть зольника представляет собой узкую канавку шириной до 10 см, длиной — 85 см. Направление канавки ЮВ—СЗ. Длина определяется срезом раскопов 1935 и 1948 годов. Края канавки ступенчатые и обозначаются плотно прижатыми к ним костями песка, золой, кремнем. По всей канавке преобладают кости песка. Разница в уровне залегания верхних и

нижних находок, то есть глубина канавки, составляет 45—47 см. На дне канавки находились два куска гранита со следами огня. Очевидно, третий камень, вскрытый на той же глубине в 1935 году, принадлежит к нижней части очажной массы.

Картина, вскрытая на небольшом участке раскопа 1976 года, соответствует описанию жилой площадки раскопа 1948 года, где К.М.Поликарпович отмечал в нижней части очажной массы так же „ступенчатые и пологие участки стен“.³ Это подтверждает первоначальное предположение, что нами вскрыт СВ угол описанного К.М.Поликарповичем жилища. В таком случае необычной кажется форма нижней части зольника на вскрытом в 1976 году участке.

С углублениями типа „канавки“ на дне хозяйственных ям нам пришлось встречаться на стоянке Тимоновка II. Там это было связано с палеокриогенными процессами, с древним термокарстом.

Чем вызвано подобное явление на стоянке Елисеевичи пока не очень ясно, но возможно, что это процессы того же порядка. Наше предположение базируется на особенности заполнения зольника на вскрытом участке. Зольная масса в краевой части местами переслаивается линзами светлой лессовой супеси толщиной 2-3 см. Судя по текстуре этих линз, они могли появиться в результате каких-то замывов, затеков по мелким трещинам. Отсутствие следов огня на костях в верхней части очажной массы, даже если она их перекрывает, может свидетельствовать о последующих смывах зольной массы с прилегающих участков на более низкий уровень. Время, причины и последовательность нарушения структуры зольника установить пока трудно, ясно только, что это вторичный процесс — процесс разрушения, а не накопления.

На площади зольника около 2,2 кв. м обнаружено 3052 кремней; из них нуклеусов, их обломков, кусков со сколами — 103, пластин и их обломков — 549, отщепов — 2 337, орудий и предметов с вторичной обработкой — 63. Кроме кремня здесь обнаружены пластины бивня и куски бивней 15—20 см длины, но без следов обработки поверхности, кости конечностей песка с насечками. Перед нами место обработки кремня и, очевидно, первичного членения бивня и кости. И именно здесь, в верхней части зольника среди костей песка и обломков бивней, была обнаружена фигурка мамонта (рис. 1). Она расположена на 10 см к востоку от ЮВ угла раскопа 1935 года в нескольких метрах к ЮВ от места находки чуринг с орнаментом и женской статуэтки.

Фигурка мамонта сделана из известковистой конкреции, путем подправки естественной формы. Поверхность конкреции имеет серый цвет, она шероховата и покрыта мелкими трещинами различных очертаний и направлений. Одна из трещин глубокая, вертикальная, проходит по левой стороне изображения и делит его почти пополам.

Подправка конкреции выполнена, вероятно, приемом резания. Фигурка представляет собой изображение мамонта с относительно длинным туловищем. Ее размеры: длина 40 мм, высота 30 мм, ширина 18 мм. Облик животного передан лишь в общих чертах. Спина круто поднимается спереди, образуя характерный горб, но за ним контур спины плавно

спускается к крупу. Небольшая шишковатая голова отделена от спины крутой выемкой шеи.

На правой стороне фигурки голова и хобот отделены от передней части тела глубокой прорезанной линией длиной 18 мм, идущей наискось от головы к передним ногам. На левой стороне дополнительной обработки естественной поверхности нет. Основание фигурки оформлено широкой, неглубокой выемкой, которая разделяет передние и задние конечности. На правой стороне эта выемка сделана лучше, с четкими следами снятия известковой корки. На левой стороне она слегка намечена. Фигурка достаточно устойчива, и может стоять.

Как и большинство статуэток мамонта, это изображение достаточно схематично, но общий контур животного передан настолько точно, что не вызывает сомнения в видовом его определении. Перед нами изображение взрослого мамонта, так как по мнению некоторых исследователей более длинное туловище характерно для взрослых особей⁴. Мамонт передан в движении. Оно выражено скупыми, предельно лаконичными средствами: с левой стороны косым срезом обозначена отставленная назад задняя нога, с правой — прорезанной наискось линией определена правая нога, выдвинутая вперед. Палеолитический резчик по камню обладал острой наблюдательностью и сумел тремя-четырьмя подправками естественной формы передать облик могучего, величественного животного. Некоторый схематизм в передаче образа мамонта может свидетельствовать о развитии абстрактного мышления. Если принять во внимание великолепный геометрический орнамент, гравированный на пластинах бивня, найденных на стоянке Елисеевичи, то можно предположить существование у жителей этого поселения достаточно отвлеченных представлений и условной манеры их выражения. При свободном владении изобразительными средствами нескольких штрихов было достаточно, чтобы передать образ хорошо известного животного.

Скульптурные изображения мамонта известны на территориально близких к Елисеевичам стоянкам в бассейне Дона — Костенки I, Костенки IV, Аносовка II, где они сделаны из небольших обломков мергеля. Изображение мамонта из кости найдено так же на стоянке Авдеево⁵. Однако фигурка из Елисеевичей не находит себе прямых аналогий среди этих изображений. Наиболее четко ее отличают две особенности: вытянутые пропорции тела и передача элементов движения. Известные статуэтки из перечисленных стоянок, как правило, передают образ животного статично. По пропорциям и динамике фигурка елисеевического мамонта ближе всего к гравированному изображению из стоянки Мальта близ Иркутска⁶. Но, учитывая огромное расстояние, разделяющее эти стоянки и различную технику исполнения (скульптура в Елисеевичах и гравировка в Мальте), мы не настаиваем на прямых аналогиях.

Фигурка мамонта, найденная на стоянке Елисеевичи, — пока единственное изображение этого животного в позднелеполитических памятниках днепровского бассейна. Различия в трактовке образа этого зверя на различных стоянках четко прослеживаются и могут быть объяснены, с нашей точки зрения, различными традициями изобразительного творчества этих регионов.

Обращаясь вновь к месту находки скульптуры мамонта, следует еще раз подчеркнуть то, что она была найдена в нескольких метрах к ЮВ от места находки чуринг и женской статуэтки. Отсутствие плана раскопа 1935 года затрудняет точное определение их взаиморасположения. Исходя из указанных К.М.Поликарповичем размеров зольника в ЮВ углу раскопа 1935 года⁷, у нас есть основания относить все эти находки к одной структуре — краю зольника (жилища по К.М.Поликарповичу). Однако условия захоронения этих предметов искусства различны: статуэтка обнаружена „на самом дне культового скопления“ под чурингами, которые находились „в небольшом углублении“⁸; изображение мамонта найдено в верхней части зольника среди обломков бивней мамонта и костей песка. Возможно, различные условия их захоронения определяют различное их значение и использование, однако вопрос этот пока остается открытым. Ясно одно: расположение фигурки мамонта, женской статуэтки, чуринг в СВ части зольника свидетельствует о том, что зольник представляет собой явление особое. Прав был К.М.Поликарпович, когда выделил его из всех материалов стоянки и особо остановился на его описании как жилища⁹. Эта интерпретация может вызывать сомнения, но отклонять ее так неаргументированно, как это сделал В.Д.Сергин¹⁰, преждевременно. Не исключено, что основной частью Елисеевического поселения являлся именно зольник, к северу и западу от которого размещались конструкции из костей мамонта.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ПОЛИКАРПОВИЧ К.М. Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск. 1968, стр. 53.
- ² ПОЛИКАРПОВИЧ К.М. Указ. соч. стр. 54.
- ³ ПОЛИКАРПОВИЧ К.М. Указ. соч. стр. 55.
- ⁴ ГАРУТТ В.Е. Мамонт в изображении человека верхнего палеолита МИА, 79, М., 1960, стр. 54.
- ⁵ АБРАМОВА З.А. Палеолитическое искусство на территории СССР. САИ, вып. А 4-3, М., 1962, стр. 17, 23, 24, 31, табл. XIV, XXIII, XXVIII.
- ⁶ АБРАМОВА З.А. Указ. соч. стр. 47.
- ⁷ ПОЛИКАРПОВИЧ К.М. Указ. соч. стр. 53—54.
- ⁸ ПОЛИКАРПОВИЧ К.М. Указ. соч. стр. 116—117.
- ⁹ ПОЛИКАРПОВИЧ К.М. Указ. соч. стр. 53—65.
- ¹⁰ СЕРГИН В.Я. О первом жилищно-хозяйственном комплексе Елисеевичей. КСИА, вып. 141, М., „Наука“, 1975, стр. 58.

ПОГРЕБЕНИЯ НА СТОЯНКЕ ВЛАДЫЧИНСКАЯ-БЕРЕГОВАЯ

За последние десять лет на ряде поселений волосовской культуры были открыты захоронения. В районах течения Оки на стоянке Володары в Горьковской области¹ было раскопано семь захоронений и семь захоронений в Рязанской области: на стоянке Ибердус II, большое коллективное захоронение в волосовском горизонте культурного слоя стоянки Черная Гора² и пять захоронений на стоянке Владычинская-Береговая. Кроме того, работами Верхневолжской экспедиции был раскопан ряд захоронений на территории Ивановской и Калининской областей: на Языковской стоянке, на стоянке Сахтыш I и Сахтыш VIII³.

Сходство способа захоронений, прослеживаемое на всех этих памятниках, позволяет говорить о существовании у волосовских племен особого погребального обряда.

В этом плане большой интерес представляет своеобразное ритуальное сооружение, связанное с захоронениями, открытое в 1974 году на стоянке Владычинская-Береговая в Клепиковском районе Рязанской области на левом берегу р. Пры.

Стоянка является многослойным памятником с мощным (до 2,5 м) культурным слоем. Верхний горизонт относится к позднему этапу рязанской культуры, средний — к волосовской культуре, третий нижний — к среднему этапу рязанской культуры. Ниже современного уровня реки встречается керамика протоволосовского⁴ и верхневолжского типов⁵.

Все захоронения залегают на глубине 1,65 — 1,8 м. Дно могильных ям находится ниже современного уровня реки в третьем горизонте культурного слоя поселения. Контуры ям, а также выкиды из них четко прослеживаются в профилях (рис. 1). Верхняя граница могильных ям находится на глубине 1,1 — 1,25 м в волосовском горизонте культурного слоя.

Глубина могильных ям не превышает 0,8 м. Ямы постепенно сужаются книзу. Ширина их по верху достигает 2,5 м, по низу — 1,65 м. На дне прослеживаются угольные линзы и вкрапления охры. Никаких вещей при погребениях не найдено. Погребения №№ 1 — 3 (рис. 1) расположены по одной линии в направлении на С-В-В на небольшом (1,2 — 1,3 м) расстоянии друг от друга. Полностью сохранился скелет только в погребении № 1. Он лежит на спине с вытянутыми ногами, левая рука слегка согнута в локте, кисть правой руки находится около нижней челюсти, голова слегка повернута влево.

Скелет в погребении № 2 лежит на спине со слегка согнутыми в коленях ногами и вытянутыми вдоль туловища руками. Череп отсутствует.

От скелетов в погребениях №№ 3 и 4 сохранилось лишь несколько костей. Над могильной ямой погребения № 4 находится небольшое кострище с интенсивным углистым слоем. Под выкидом, прослеженным в плане, найдены сильно пережеванные обломки кремневых орудий, заполнявших небольшое углубление (рис. 1).

По одной линии с погребением № 4 на расстоянии около 5 м, на глубине 1,8 м обнаружено несколько человеческих костей. Около них прослеживались вкрапления охры и углистые линзы. Вероятно, это разрушенное погребение, однако контуров могильной ямы проследить не удалось.⁶

Между захоронениями обнаружено своеобразное ритуальное сооружение. Оно представляло собой постройку подпрямоугольной формы с деревянным перекрытием, с основанием, углубленным в землю на 0,6 м. Площадь ее около 25 м². Постройка, вероятно, сгорела. По периметру углубления прослежены остатки сгоревших бревен или досок (в виде углистого тлена). Ширина их не превышала 0,2 — 0,3 м (рис. 1). В центре сооружения находилось небольшое кострище, окруженное прокаленным песком. В нем найден толстостенный круглодонный сосуд, изготовленный из глины с примесью толченых раковин. Орнамент, покрывающий всю поверхность сосуда, состоит из горизонтальных поясков, образованных узкими овальными вдавлениями. У восточной и западной стен постройки находились еще два кострища, заполненные мелкими, сильно пережеванными, а иногда даже обугленными костями животных. В западном кострище они не только заполняли яму, но ими был набит толстостенный круглодонный сосуд из глины с примесью толченых раковин. В средней части сосуда — три круглых сквозных отверстия. Орнамент, покрывающий всю поверхность сосуда, состоит из горизонтальных и вертикальных поясков, образованных листовидными неглубокими вдавлениями. Подобные орнаментальные рисунки характерны для раннеолитической верхневолжской керамики. Сосуд стоял на глиняной подстилке, толщиной в 5 — 6 см. Рядом с ним находилась кучка сильно пережеванных кремневых орудий и отщепов: два скребка, нож со скошенным лезвием, заготовка небольшого долота, расколовшаяся под действием огня на две части, и 14 пережеванных отщепов и обломков орудий. На краю этого кострища найден разбитый пополам своеобразный полировальный камень пестообразной формы с семью узкими гранями (длина орудия 40 см). Следы на округлых концах свидетельствуют об использовании их в качестве наковаленки (рис. 2).

На краю восточного кострища лежал массивный сланцевый шлифованный клиновидный топор (рис. 2). Вокруг кострища наблюдаются большие скопления костей животных, а также вкрапления охры, которая в некоторых случаях заполняла небольшие углубления. Интересен состав костей, найденных внутри постройки.⁷ Большинство из них принадлежит молодым животным: лосю, оленю, кабану, медведю, бобру, кунице и зайцу. Встречаются также кости птиц и рыб.

Отдельно определены пережеванные кости из кострищ, среди которых оказались кости, принадлежавшие шести видам молодых животных.

Виды животных	Восточное кострище	Западное кострище
Лось	3 особи	3 особи
Олень	3 особи	2 особи
Кабан	3 особи	2 особи
Медведь	2 особи	—
Бобр	1 особь	—
Куница	—	1 особь

Кроме того, в слое кострищ находились обугленные кусочки эпифизов, диафизов, бугры от трубчатых костей, кусочки позвонков, головок и суставов животных. Все эти кости, видимо, долго горели, однако глиняная подстилка и сосуд, в котором они находились, только закопчены. Можно предположить, что кости были положены в сосуд уже после их сожжения где-то в другом месте.

Интересный комплекс прослежен на участках Б-1, В-1 (рис. 1). Здесь среди множества разбросанных костей животных, птиц и рыб находились два больших круглодонных сосуда, изготовленных из глины с примесью толченых раковин. Вся поверхность сосудов покрыта небрежными округлыми ямчатыми вдавлениями. На одном из них ямки перерезаны нарезными полосами, такой орнамент характерен для керамики прото-волосовского типа. Этот комплекс находился вблизи погребений, на глубине 1,2 м, то есть на уровне верхней границы контуров могильных ям.

Принадлежность захоронений и ритуального сооружения к волосовской культуре не вызывает сомнений. Об этом прежде всего свидетельствуют стратиграфические данные. Весь материал, связанный с захоронениями (глиняные сосуды, кремневые и каменные орудия), идентичен материалу, собранному в волосовском горизонте культурного слоя.

Своеобразный погребальный обряд, прослеживаемый на стоянке Владычинская-Береговая, повторяет основные черты погребального обряда волосовских племен, для которых характерны ингумация покойников и неустойчивость ориентировки погребенных. Они лежали как в вытянутом, так и в скорченном положении, с вытянутыми ногами и согнутыми в локте руками или, наоборот, с вытянутыми вдоль туловища руками и с согнутыми ногами. Некоторые погребения сопровождались вещами, однако во многих случаях вещей при погребениях не было. Для погребального обряда волосовских племен характерно наличие угольных линз на дне могильных ям и окрашивание погребенных охрой. В качестве примера можно привести захоронения на однослойном волосовском поселении Володары. Во всех семи захоронениях, обнаруженных на данном поселении на дне могильных ям, прослеживались угольные линзы и вкрапления охры. В некоторых случаях охрой были окрашены черепа и кости скелетов. В могильной яме одного погребения находилось большое кострище с пережженными кремневыми орудиями и отщепами. На краю кострища точно так же, как и в ритуальных кострищах стоянки Владычинская — Береговая, лежало большое кремневое полированное желобчатое долото и стоял глиняный сосуд. В другом погребении огонь

был заменен охрой, лежащей на кучке кремневых орудий и отщепов.⁸ На стоянке Черная гора в волосовском горизонте культурного слоя на дне могильной ямы коллективного захоронения прослеживались мощные угольные линзы, в которых встречались пережженные кости животных, главным образом, медведя. На черепах погребенных, густо засыпанных охрой, были заметны следы действия огня.

Как известно, охра играла важную роль в верованиях подавляющего большинства древних племен, начиная с эпохи палеолита. В их представлении охра являлась символом огня, и наравне с огнем присутствовала в погребальном обряде. Интересное наблюдение приводит Н.Н. Гурина, описывая захоронения Оленеостровского могильника. В могильной яме погребения № 25 находилось небольшое углубление, заполненное охрой и пережженными костями животных и птиц. Так же, как в ритуальных кострищах на стоянке Владычинская — Береговая, в которых находились пережженные фрагменты костей, в погребении № 25 Оленеостровского могильника найдены зубы, копыта без фаланг, отдельные фаланги и челюсти мелких животных. По справедливому замечанию Н.Н. Гуриной, такие кости не могли служить „пищей“ умершему, а скорее являлись заменой самих животных, которые должны были следовать умерщвленными за покойником.⁹ Такое же назначение, вероятно, имели пережженные или намеренно сломанные орудия, сопровождавшие погребенных.

Интересной особенностью погребального обряда волосовских племен являются своеобразные ритуальные скопления орудий, условно названные нами „кладами“. Восемь таких „кладов“ найдено на стоянке Володары.¹⁰ Они делятся на два типа: к первому типу относятся скопления кремневых орудий и отщепов, заполнявших яму кострища или находившихся в кучке в густом слое охры. Состав инвентаря „кладов“ идентичен инвентарю некоторых погребений. Во всех „кладах“ имеются орудия со следами действия огня или сломанные. Таким же ритуальным „кладом“ являются пережженные орудия в западном ритуальном кострище на стоянке Владычинская — Береговая. Интересно отметить, что во всех ритуальных „кладах“ на стоянке Володары, а также в Волосовском кладе имеются небольшие точильные или полировальные камни. Точильный камень имеется и в одной могильной яме на стоянке Володары. Следовательно, не случайно около западного ритуального кострища на стоянке Владычинская — Береговая найден полировальный камень.

Ко второму типу относится „клады“, в которых только часть инвентаря находится в слое кострища или лежит грудой вне кострища, большая часть орудий рассыпана среди угольных линз и вкраплений охры.

Наиболее близкой аналогией ритуальному сооружению стоянки Владычинская — Береговая является „клад“ № 8 на стоянке Володары¹¹. Этот „клад“ сосредоточен на площади размером около 30 м². По всей площади прослежены угольные линзы и вкрапления охры. На ее северном конце находится небольшое кострище, вокруг которого разбросаны кости животных, птиц и рыб. Рядом с кострищем в неглубокой округлой ямке под густым слоем охры стоял круглодонный глиняный сосуд с ямчатым

орнаментом протоволосовского типа. Около сосуда, также в слое охры, найдена кучка пережженных кремневых орудий. На южном конце площади, среди скопления костей животных, в ямке под густым слоем охры лежали кремневые и костяные орудия. Рядом с ними обгорелое костяное долото и четыре кремневых орудия со следами действия огня. Между этими двумя комплексами, среди угольных линз и вкраплений охры были как бы набросаны кремневые полированные желобчатые долота (5 штук) и два массивных клиновидных топора. На большинстве орудий нет никаких следов сработанности. По обеим сторонам ритуальной площадки, на расстоянии 3 — 5 м, находились захоронения.

„Клад“ № 8 на стоянке Володары и ритуальное сооружение на стоянке Владычинская-Береговая имеют много сходных черт. Сосуд с пережженными костями и пережженные кремневые орудия на стоянке Владычинская-Береговая находились на ритуальном кострище. На стоянке Володары огонь был заменен охрой, в слое которой обнаружены глиняный сосуд и пережженные кремневые орудия. На стоянке Владычинская-Береговая около ритуальных кострищ находился клиновидный топор и полировальный камень, а на стоянке Володары — семь полированных орудий. То же самое наблюдалось в могильной яме одного из погребения на стоянке Володары: около кострища лежало большое полированное желобчатое долото и находился маленький сосудик с ямчатым орнаментом протоволосовского типа. Здесь прослежены также угольные линзы и вкрапления охры, а также скопления костей животных, птиц и рыб, которые, вероятно, являются остатками тризны.

Не исключена возможность, что ритуальная площадка на стоянке Володары так же, как и на стоянке Владычинская-Береговая, представляла собой полуподземное сооружение с деревянным перекрытием.

При изучении отмеченных выше погребальных комплексов на поселениях волосовских племен обращает на себя внимание большое своеобразие и известная оригинальность погребального обряда, выделяющего волосовские племена из других неолитических племен. В то же время некоторые атрибуты их погребального обряда, как то: присутствие охры и огня в могильных ямах, неустойчивость трупоположений и их ориентировки, а также сходство некоторых типов вещей, положенных в могильную яму (главным образом украшений), сближают волосовские племена с другими племенами эпохи неолита. Такое же сходство прослеживается в содержании и формах искусства неолитических племен. Это сходство объясняется прежде всего единством экономики и единством мировоззрения людей.

Своеобразие и оригинальность погребального обряда волосовских племен заключается в наличии ритуальных „кладов“ и сооружений специальных культовых площадок или культовых помещений, где, по всей вероятности, совершалась тризна, сопровождаемая какими-то определенными обрядовыми действиями, смысла которых мы, конечно, не в силах полностью разгадать.

В заключение следует остановиться на вопросе о сходстве глиняных сосудов, которые являются одним из атрибутов погребального обряда

волосовских племен, с раннеолитической керамикой верхневолжского и протоволосовского типов. Эта керамика имеется на ряде памятников в Ярославской, Калининской, Ивановской, Московской, Рязанской областях¹².

Как уже было отмечено выше, орнаментальные рисунки сосудов из ритуального кострища на стоянке Владычинская-Береговая характерны для верхневолжской культуры. Орнамент ритуальных сосудов стоянки Володары, а также двух сосудов со стоянки Владычинская-Береговая характерен для керамики протоволосовского типа.

Верхневолжская культура датируется по С¹⁴, а также по пыльцевым диаграммам первой половиной IV тысячелетия до н.э. (стоянка Ивановская III имеет дату 4800 ± 25 лет). Керамика протоволосовского типа синхронна развитой ямочно-гребенчатой керамике и датируется концом первой четверти III тысячелетия до н.э.¹³.

Погребальный комплекс стоянки Владычинская-Береговая также имеет абсолютную дату по С¹⁴. Образец для анализа — древесный уголь был взят из западного кострища в ритуальном сооружении. Результат анализа — 4300 ± 60 лет или 2325 лет до н.э. Следовательно, орнаментация сосудов, сопутствующих погребальному обряду волоховских племен является пережиточной.

В настоящее время, не имея достаточного количества материала, нельзя сделать какие-либо окончательные выводы. В качестве гипотезы можно высказать предположение, что происхождение волосовской культуры следует связывать с общим ходом развития раннеолитических племен, характеризующихся ямочно-зубчатой и верхневолжской керамикой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦВЕТКОВА И.К. Погребения стоянки Володары. КСИИМК, вып. 15, 1948; ОНА ЖЕ, Отчеты о работе Горьковского отряда Чебоксарской экспедиции за 1970–1973 гг. Архив ИА АН СССР.

² ЦВЕТКОВА И.К. Отчет о работе Рязанской экспедиции за 1962 и 1968 гг., Архив ИА АН СССР.

³ КРАЙНОВ Д.А. Хронология раннего неолита Верхнего Поволжья. КСИА, 153, 1977.

⁴ Под этим термином подразумевается толстостенная керамика с крупно-ямочным или ямчатым орнаментом. Она изготовлена из глины с примесью толченых раковин, дресвы или песка. Такая керамика, найденная в нижнем горизонте культурного слоя стоянки Владычинская — Береговая, была названа нами древневолосовской (И.К. Цветкова. Работы Рязанской экспедиции. Археологические открытия, 1970). Термин протоволосовская керамика был введен в археологическую литературу Д.А. Крайновым на основании находок такой керамики в нижнем горизонте культурного слоя на ряде памятников в Ярославской, Ивановской и Калининской областях (Д.А. Крайнов. Спорные вопросы неолита. Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976 г.).

⁵ КРАЙНОВ Д.А. Верхневолжская раннеолитическая культура. СА, 1977, № 3.

⁶ На стоянке известно еще одно захоронение, открытое в 1928 году О.Н.Бадером, который относит его к волосовской культуре (О.Н.Бадер. Окский бассейн в эпоху бронзы. М., 1970). Погребение сопровождалось бронзовыми украшениями. Судя по стратиграфии, оно позднее. Погребение находится в волосовском горизонте культурного слоя траншеи, врезавшейся своим восточным концом в раскоп 1970 года. Т.Б.Попова относит это погребение к поздняяковской культуре. (Т.Б.Попова. Племена поздняяковской культуры. Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. Труды ГИМ, вып. 44).

⁷ Костный материал определен кандидатом биологических наук Е.Г.Андреевой.

⁸ ЦВЕТКОВА И.К. Погребения стоянки Володары. КСИИМК, вып. 15.

⁹ ГУРИНА Н.Н. Оленеостровский могильник. МИА, 47. М—Л., 1956.

¹⁰ ЦВЕТКОВА И.К. Ритуальные „клады“ стоянки Володары. Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.

¹¹ „Клад“ № 8 раскопан в 1973 году и не вошел в публикацию.

¹² КРАЙНОВ Д.А. Верхневолжская ранненеолитическая культура. СА № 3, 1978.

РАУШЕНБАХ В.М. К вопросу о верхневолжской керамике в бассейне р. Дубны. Статья в этом же сборнике.

ЦВЕТКОВА И.К. Работа Рязанской экспедиции. АО, за 1974.

¹³ КРАЙНОВ Д.А. и ХАТИНСКИЙ Н.А. Хронология и палеогеографический фон древнейших неолитических поселений центра Русской равнины. Первобытный человек и природная среда. М., 1974.

К ВОПРОСУ О
ВЕРХНЕВОЛЖСКОЙ КЕРАМИКЕ В ПАМЯТНИКАХ
БАССЕЙНА Р. ДУБНЫ

В последние годы работами верхневолжской экспедиции Института Археологии под руководством Д.А.Крайнова и голоценового отряда института географии под руководством Н.А.Хотинского был открыт ряд памятников с ранненеолитическими комплексами.

На основании изучения этих комплексов была выделена верхневолжская культура¹.

Основанием для выделения этой культуры явилось открытие указанными авторами ряда памятников в Ярославской, Ивановской и Калининской областях с чистыми несмешанными слоями с гребенчато-штриховой или гребенчато-прочерченной керамикой.

Учитывая, что в памятниках бассейна р.Дубны, в перемешанных слоях гребенчато-штриховая керамика найдена в очень большом количестве, мы сочли необходимым проанализировать материал этих памятников в свете указанных новых открытий. Это тем более интересно, что обсуждаемая ниже керамика стоянок Никола-Перевоз, близкая к керамике верхневолжской культуры, весьма выразительна.

Следует заметить, что на находки гребенчато-штриховой керамики в памятниках Волго-Окского бассейна неоднократно обращали внимание многие исследователи (Б.С.Жуков, М.Е.Фосс, В.М.Раушенбах и другие). Однако только Б.С.Жуков высказал предположение о ее древнейшем происхождении, опираясь на стратиграфические данные Языковской стоянки²; М.Е.Фосс появление указанной керамики, обнаруженной ею на стоянке Бисерова озера, связывала с более поздним продвижением на эту территорию племен днепро-донецкой культуры³.

Автором данной статьи в свое время также было отмечено наличие подобной керамики на поселении Никола-Перевоз II, однако без установления датировки этого материала⁴.

Государственным Историческим музеем в течение ряда лет велись исследования памятников в бассейне р. Дубны на территории Талдомского района Московской области.

К настоящему времени на правом берегу р. Дубны (у деревни Сущево) исследовано несколько памятников: Никола-Перевоз I, расположенный близ церкви, Никола-Перевоз II, в 400 — 500 м севернее Никола-Перевоз I, Никола-Перевоз III — в 70 м южнее Никола-Перевоз II, являвшийся, возможно, самостоятельным поселением, и на окраине д. Сущево-Сущевская стоянка.

Необходимо отметить, что Б.С.Жуков также проводил небольшие раскопки на поселении Никола-Перевоз, и, как явствует из отчета А.Е.Алиховой (бывшей) у Б.С.Жукова на этих раскопках производителем

работ), им были заложены шурфы на „стоянке, расположенной в 50 м от I“ названной ими II Никола-Перевозовской стоянкой⁵

В настоящее время на поселении Никола-Перевоз I вскрыта площадь около 2500 кв. м и выяснено, что поселение тянулось более чем на 100 м вдоль берега, так что упоминаемая А. Е. Алиховой II стоянка являлась ничем иным, как продолжением большого поселения Никола-Перевоз I.

Поселения же Никола-Перевоз II и III были открыты только в 1962 году значительно севернее названной выше стоянки.

На поселении Никола-Перевоз I за годы раскопок было обнаружено две нетронутые и одна разрушенная землянки племен Волосовской культуры, одна большая землянка племен дьяковской культуры, коллективное погребение фатьяновцев и несколько славянских погребений.

Кроме того, в культурном слое найдено значительное число керамики льяловской культуры и керамики, условно названной нами гребенчато-штриховой.

Материалы этого поселения, исключая фатьяновское погребение, в силу ряда причин еще не нашли должного освещения в археологической литературе.

В задачу данной статьи не входит анализ всего найденного здесь материала; в ней будет рассмотрен лишь тот материал, который может быть связан с понятием верхневолжская культура, то есть главным образом керамика гребенчато-штрихового типа.

К сожалению, в археологической литературе не дано еще развернутой характеристики этой культуры, поэтому мы имеем возможность оперировать сравнительно небольшим кругом данных.

Как уже отмечалось выше, культурный слой стоянки Никола-Перевоз I сильно перемешан. По всей площади огромного раскопа не удалось проследить никаких стерильных прослоек между отдельными горизонтами.

Более того, выкопанные волосовскими и дьяковскими племенами землянки создали еще большую перемешанность слоя. Поэтому попытка стратиграфически расчленить по условным горизонтам культурный слой не дала ощутимых результатов, так как, естественно, в раскопанных землянках сохранилось больше керамики той культуры, чьим племенам принадлежало жилище, чем в соседних участках памятника.

В связи с этим для выяснения последовательности возникновения древних поселений на Никола-Перевозе, мы попытались произвести статистические подсчеты, исключив материалы участков, на которых были открыты древние жилища. Для этой цели были использованы материалы из раскопок 1960, 1961 и 1964 годов. Среди этого материала было свыше 5000 фрагментов керамики, которая распределилась по условным горизонтам следующим образом (в процентах для каждого горизонта):

Т а б л и ц а 1

Горизонт	Гребенчато-штриховая	Льяловская	Волосовская	Фатьяновская	Дьяковская	Без орнамента
I	39,5	18,8	4,9	2,9	26	7,9
II	43,3	23,8	7,5	7,4	12,8	5,2

Горизонт	Гребенчато-штриховая	Льяловская	Волосовская	Фатьяновская	Дьяковская	Без орнамента
III	54,3	28,6	5,1	1,5	8,0	2,5
IV	46,6	27,1	14,5	1,0	4,8	6,0

Таблица показывает, что гребенчато-штриховая керамика доминирует во всех слоях памятника. Следует особо отметить, что фрагменты керамики гребенчато-штрихового типа и льяловской культуры распределяются по горизонтам пропорционально.

В таблице 2 приведены данные о распределении этих фрагментов по горизонтам в процентах по отношению к общему количеству фрагментов керамики льяловской культуры (1282 фрагмента) и гребенчато-штриховой (2390 фрагментов).

Таблица 2

Горизонты	I	II	III	IV	V
Гребенчато-штриховая	16,9	32,4	40,6	8,0	2,1
Льяловская	15,8	33,4	40,0	8,7	2,1

В раскопах, где прослежены волосовские землянки, наблюдается следующая картина (в процентах для каждого горизонта).

Таблица 3

Горизонт	Гребенчато-штриховая	Льяловская	Волосовская	Фатьяновская	Дьяковская	Без орнамента
I	13	11	4	10	49	13
II	11,2	8,2	5,5	5,9	65,0	4,2
III	23,7	17,5	16,9	8,6	24,8	8,5
IV	16,6	11,7	56,0	6,0	6,4	3,3

На этих участках, как хорошо видно из приведенной таблицы, в I и II горизонтах доминирует сетчатая керамика дьяковской культуры, а в нижней части слоя, в IV горизонте, — керамика волосовской культуры.

Следует при этом отметить, что количество фрагментов керамики гребенчато-штрихового типа и льяловской культуры и здесь изменяется в прямо пропорциональной зависимости друг к другу.

Анализ распределения материала по всей площади вскрытого поселения дает основание утверждать, что северная часть поселения более насыщена керамикой волосовской культуры, а южная часть — гребенчато-штриховой. В связи с этим в 1959 году нами был заложен небольшой раскоп в 84 кв.м, в юго-юго-западной части стоянки, названный нами Раскоп № 3.

В этом раскопе наблюдалось полное отсутствие керамики волосовской культуры и превалирование гребенчато-штриховой.

Всего в этом раскопе зарегистрировано 1840 предметов.

Находки керамики распределились следующим образом:

Т а б л и ц а 4

Горизонт	Гребенчато-штриховая	Льяловская	Волосовская	Фатьяновская	Дьяковская	Без орнамента
I	39,1	25	—	1,7	28	6,2
II	51,0	34,8	—	1,4	10,7	2,1
III	60,5	31,0	—	1,9	4,7	1,9
IV	61,5	37	—	1,5	—	—

Как видно из таблицы 4, гребенчато-штриховая керамика встречается в основном с керамикой льяловской культуры. Причем, процент той и другой увеличивается к нижним горизонтам, что дает основание высказать предположение об их относительной древности, а доля гребенчато-штриховой керамики почти вдвое превышает долю льяловской.

Хотелось подчеркнуть, что и в таблицах 1 и 2 процент гребенчато-штриховой керамики во всех слоях выше льяловской.

Остановимся кратко на характеристике самой керамики этого поселения.

В раскопе № 3 найдено небольшое число сетчатой керамики дьяковской культуры. Ниже в большом количестве найдены фрагменты льяловской керамики, сравнительно позднего облика. Среди льяловской посуды уже нет сосудов, покрытых сплошным ямочным узором, на них редко встречаются ногтевые вдавления. Часто наблюдаются оттиски гребенчатого штампа, иногда нанесенные поверх глубоких ямок. В основном эта керамика сходна с керамикой памятников среднего этапа льяловской культуры. Гребенчато-штриховая керамика, как в этом раскопе, так и на всей площади памятника, характеризуется следующими чертами:

1. Сосуды толстостенные, хорошего обжига изготовлялись из глины с большим содержанием крупно-топченной дресвы, они имели прямые венчики, иногда слегка сужающиеся или с прямым обрезом, округлые днища.

2. В орнаментации сосудов доминируют различные варианты прочерченного узора, оттиски гребенчатого или зубчатого штампа, небольшие ямчатые вдавления, выполненные оттиском угла штампа приемом отступающей лопаточки или, так называемым, накольчатым.

3. Прочерченные линии и оттиски гребенки часто образуют крупные треугольники. Глубокие, с коническим дном ямки используются только как дополнительный элемент орнамента и наносятся в виде пояска по верхней части сосуда, либо в придонной его части, либо в середине тулова. Часто встречаются узоры в виде ромбической сетки (рис. 1).

Все эти типы керамики близки керамике стоянок Ивановской III, Сахтыш VIII из раскопок Д. А. Крайнова и стоянок Языково I и III Спасской, опубликованных Ю. Н. Урбаном⁶.

Правда, необходимо отметить, что в керамике стоянки Языково I, по свидетельству Ю.Н.Урбана, преобладают узоры, выполненные техникой отступающей лопаточки, а в Никола-Перевоз I доминируют узоры, выполненные оттисками гребенки, а также штриховые узоры, что, возможно, является более поздним признаком по сравнению со стоянкой Языково I.

Естественно, возникает вопрос о кремневом инвентаре, сопровождающим эту керамику, учитывая, что в памятниках верхневолжской культуры кремневый инвентарь обычно носит мезолитоидные черты.

Конечно, провести анализ — какой кремень относится к той или иной культуре — по всему раскопу Никола-Перевоз I, учитывая перемешанность его культурного слоя, не представляется возможным.

Поэтому, единственное, что имело смысл сделать, — это выделить кремневые орудия из раскопа III, где полностью отсутствовала волосовская керамика, а гребенчато-штриховая керамика сопровождалась только льяловской.

В этом раскопе было найдено 1840 предметов, из них всего около 150 кремневых орудий и их обломков.

Среди кремневых изделий 55 ножевидных пластин, 31 концевой скребок и 24 скребка из отщепов 5 сечений ножевидных пластин. Наконечники стрел представлены 6 экземплярами, один из них изготовлен из ножевидной пластины, а остальные обработаны двусторонней ретушью. Кремневый инвентарь, хотя и мало выразительный, все же обращает на себя внимание, поскольку доминирующее положение занимают ножевидные пластины и скребки, изготовленные из ножевидных пластин, а не из отщепов, как прослеживается в памятниках волосовской и льяловской культур более позднего времени (рис. 4). При этом следует учитывать, что и в этом раскопе гребенчато-штриховую керамику сопровождает льяловская и, следовательно, кремневый инвентарь не может быть отнесен только к носителям гребенчато-штриховой керамики.

Таким образом, исходя из анализа распределения материала по горизонтам, можно заключить, что гребенчато-штриховая керамика, весьма близкая по орнаментации керамике верхневолжской культуры, не может быть более поздней, чем льяловская на поселении Никола-Перевоз I.

Несколько иная картина наблюдается на стоянке Никола-Перевоз II. Стоянка Никола-Перевоз II обнаружена на пойменной террасе р. Дубны, удаленной от берега реки на 150 — 200 м. В данном месте в настоящее время в пойме наблюдается небольшое повышение. С севера поселение окаймлено овражком, с юга — маленьким ручьем с заболоченными берегами.

Здесь и было заложено три раскопа: один — основной, на повышенном месте (Никола-Перевоз II или раскоп „А”), второй в 50 м к северу от него за овражком (раскоп „В”), третий в 70 м к югу от раскопа „А” за ручьем (раскоп „Б” или Никола-Перевоз III).

Необходимо отметить, что, хотя все эти три раскопа находились в сравнительной близости друг от друга, тем не менее материал, обнаруженный в них, имеет некоторые отличительные черты.

Площадь поселения Никола-Перевоз II сравнительно невелика и составляет около 700 — 800 кв. м. Не исключено, что это было временное поселение. Никаких жилищ на стоянке не обнаружено.

В раскопе „А“ культурный слой имеет смешанный характер. Здесь найдены поздняяковские погребения, в верхних горизонтах — сетчатая керамика племен дьяковской культуры и небольшое число фрагментов волосовской, а в нижних — значительное количество керамики с гребенчато-штриховыми элементами орнамента и льяловской.

Среди всего керамического материала преобладающее место занимает керамика льяловской культуры (60%). Около 23% найденной керамики следует отнести к гребенчато-штриховой. Она представлена фрагментами толстостенных сосудов с примесью дресвы в глиняном тесте, края прямые, иногда орнаментированные отрисками гребенки по обрезу венчика, днища округлые. Орнаментация этой группы керамики отличается обилием и разнообразием отрисков гребенчатого штампа. Используются и штриховые элементы узора, а отриски отступающей лопаточки чрезвычайно редки. Орнаментом покрывалось все тулово сосуда (рис. 2). Отдельную группу составляют обломки сосудов, нарядно украшенные поясами наклонных отрисков гребенки, чередующихся с поясами зигзаговых линий, по краю идут очень глубокие ямчатые вдавления, выполненные гребенчатым штампом. Обрез края также орнаментирован глубокими отрисками гребенки (рис. 2, 2,5). На внутренней и внешней поверхностях сосудов часто наблюдаются расчесы. По своей орнаментации эта группа керамики напоминает волосовскую. От волосовской она отличается тем, что сосуды вылеплены из глины с примесью крупной дресвы, очень хорошего, звонкого обжига. Возможно, эту группу керамики можно было бы назвать протоволосовской. Подобная керамика была найдена И. К. Цветковой в нижнем горизонте культурного слоя (ниже современного уровня реки) на стоянке Владычинская — Береговая, где она встречена с верхневолжской керамикой⁷.

Керамика льяловской культуры на этом поселении представлена отнюдь не ранними ее типами.

В орнаментации сосудов часто используются гребенчатые отриски, почти не встречаются полулунные вдавления, сама ямка не всегда имеет коническое дно, и, наконец, гребенчатые отриски часто наносятся поверх ямок — признак, типичный для поздней керамики льяловской культуры.

Еще более четкий гребенчатый характер имеет керамика из поселения Никола-Перевоз III. Здесь вскрыт очень небольшой рекогносцировочный раскоп (24 кв. м). Слой невелик, от 40 до 60 см мощности, хотя и насыщен большим количеством керамики. Всего здесь найдено 370 фрагментов. Среди них только 10 черепков дьяковской культуры, 3 волосовских и 78 льяловских, остальные 279 фрагментов с элементами гребенчатого орнамента. Керамика с гребенчатыми элементами орнамента четко делится на три группы.

Первая группа состоит из обломков сосудов толстостенных (до 8 мм), глиняное тесто имеет примесь крупной дресвы, а иногда с едва заметной примесью шамота. У сосудов края прямые, днища округлые. Гребенчатыми элементами орнамента покрыто все тулово сосуда. Иногда

орнамент нанесен в виде поверхностных оттисков гребенчатого штампа в сочетании с редкими ямками (рис. 3, 6, 1, 2)

Второй тип — сосуды с прямым либо едва отогнутым венчиком, по краю сосуда глубокие гребенчатые вдавления овальной или четырехугольной формы. Композиции орнамента разнообразны. Часто встречаются пояса оттисков короткого гребенчатого штампа, образующие овальные вдавления (рис. 3, 4). Иногда оттиски гребенчатого штампа образуют фигуры в виде треугольников (рис. 3, 5); все сосуды этой группы изготовлены из глины с примесью дресвы.

Керамика этой группы широко представлена в Никола-Перевоз II, раскоп А — тип, названный нами условно протоволосовским. Вся эта керамика найдена в основном во втором горизонте, т.е. на глубине от 20 до 40 см.

Ниже, в третьем горизонте, найдено 27 фрагментов керамики, резко отличных и по тесту глины, и по орнаменту. Эту керамику нужно отнести к третьей группе.

Сосуды здесь тонкостенные, изготовлены из тонкоотмученной, без видимых примесей глины, края прямые, венчик утоньшен, с косым срезом. На внутренней поверхности венчика часты пояски вдавлений или нарезки по срезу. Орнамент в виде овальных вдавлений, образующих елочку (рис. 3, 6, 7).

Орнамент сильно разрежен — он расположен зоной в верхней части сосуда и частично по тулову, остальная поверхность, видимо, неорнаментирована. Черепки ярко-желто-розоватого цвета. Эта керамика находит себе аналогии в небольшой группе керамики, найденной И. К. Цветковой и на стоянке Владыченская.

Стратиграфически, и здесь, на Никола-Перевозе III эта керамика найдена в нижнем горизонте, и, соответственно, должна быть древнее гребенчатой.

На стоянке Владыченская — Боровая подобная керамика сопровождается керамикой раннего этапа рязанской культуры и пластинчатым кремнем.

Керамика льяловской культуры, сопровождающая: верхневолжскую керамику, не может быть отнесена к раннему этапу льяловской культуры.

Изделий из кремня на стоянке Никола-Перевоз III обнаружено небольшое число. Среди них — полированное долото, сильно сработанное полированное тесло, обломок заготовки наконечника копья. Все эти предметы не выпадают из круга предметов соответствующих памятникам развитого неолита. Из более ранних форм кремня можно указать на наконечник стрелы из ножевидной пластины с подправкой ретушью черешка и кончика пера, длинную ножевидную пластину, концевой скребок и сечение пластины (рис. 5).

В целом, гребенчатая керамика из этого памятника в какой-то степени отличается от гребенчато-штриховой керамики Никола-Перевоз I. Прежде всего на этих сосудах нет штриховых элементов орнамента, а также оттисков отступающей лопаточки.

Ю. Н. Урбан⁸ указывает, что гребенчатую керамику он рассматривает, как второй тип верхневолжской керамики. Это заключение нам пред-

ставляется весьма правдоподобным. Что же касается его предположения о том, что должен существовать еще пласт гребенчато-ямочной керамики, из которой он считает возможным вывести льяловскую культуру, то это положение нам представляется спорным. Даже в тех памятниках, где есть гребенчато-ямочная керамика, гребенчатые элементы настолько преобладают, что выведение из них ямочно-гребенчатой маловероятно. Ведь именно в ранних памятниках льяловской культуры господствуют не гребенчатые элементы орнамента, а ямочные (Сушево, Гридино и другие).

В этом плане нам представляется, что керамика волосовской культуры значительно ближе гребенчатой, а следовательно, и верхневолжской, ибо значительное число элементов орнамента в этих двух культурах идентичны.

Обращает на себя внимание и то, что в ряде памятников верхневолжская керамика имеет в тесте глины примесь толченой раковины, примесь, характерную и для ранней волосовской керамики. Однако это лишь предварительные соображения, и высказывать сейчас, на современном уровне знаний, что-либо определенное по затронутому вопросу преждевременно.

Хотелось бы в этой небольшой статье коснуться вопроса еще об одном памятнике Никола-Перевозской группы. Речь идет о Сушевской стоянке. Д. А. Крайнов в своих докладах неоднократно подвергал сомнению микролитической комплекс кремня Сушевской стоянки, и тем самым, ее ранний возраст.

К сожалению, в настоящее время Сушевская стоянка полностью разрушена дорожным строительством, и нет возможности провести дополнительные раскопки. Поэтому приходится довольствоваться анализом существующего материала.

В Сушевской стоянке найдена только льяловская керамика, и только раннего типа⁹. Черепки тонкие, звонкого обжига с примесью дресвы, орнамент преимущественно ямочный, с редкими оттисками гребенки и ногтевых вдавлений. Ни одного черепка только с гребенчатым или гребенчато-штриховым орнаментом не найдено. Только в верхнем горизонте, под дерном, найдено два черепка, без орнамента, вылепленных на гончарном круге, видимо, славянского времени. Очень интересен кремнь. На этой стоянке найдено более 170 предметов из кремня. Среди них 110 ножевидных пластин, 10 сечений, около 10 нуклеусов, 10 концевых скребков, 12 скребков из отщепов, несколько резцов и 5 наконечников стрел, изготовленных из ножевидных пластин с подправкой ретушью кончика пера и черешка. Несколько рубящих орудий, изготовленных приемами ретуши с частичной подшлифовкой.

Иными словами, инвентарь Сушевской стоянки, в основном, имеет мезолитоидный характер.

Необходимо заметить, что Сушевская стоянка не единственный памятник льяловской культуры с подобным инвентарем. Близкой ей надо считать поселение Никола-Перевоз II, раскоп „В“.

Стратиграфия здесь несколько иная, чем в раскопе „А“. Здесь, под слоем мощного, с болотными кочками дерна залегает сильно гумусси-

рованный торфянистый слой до 35 см, в нижних горизонтах он постепенно переходил в серо-желтый суглинок, подстилаемый водоносным песком.

На этом памятнике вскрыта сравнительно небольшая площадь в 60 кв.м, где зарегистрировано 774 предмета, из них 210 изделий из кремня. Основную массу находок составляет керамика льяловской культуры, только 42 фрагмента с гребенчатым орнаментом и 8 фрагментов керамики волосовской культуры.

Льяловская керамика очень тонкостенная, с ранними элементами орнамента, близкая Суцевской керамике. Керамика с гребенчатыми элементами орнамента не имеет штриховых, нарезных и накольчатых элементов и близка керамике Никола-Перевоз III, но значительно более тонкостенная с той же примесью дресвы, что и льяловская. Единичные волосовские черепки явно более поздние, да и с растительной примесью в тесте глины. Что касается стратиграфического распределения отдельных типов керамики, то сетчатая керамика дьяковской культуры найдена только в дерновом слое (12 фрагментов), а 8 волосовских черепков — под дерном в верхнем горизонте.

Следует сказать, что и в этом раскопе керамика гребенчатая и льяловская сохранились на всех уровнях культурного слоя. Причем, как и на Никола-Перевоз I, с увеличением процентного содержания в слое одного типа керамики пропорционально увеличивается и второй.

Кремневый инвентарь отличается обилием ножевидных пластин. Так, из 210 изделий из камня 100 экземпляров составляют ножевидные пластины, не считая вкладышей и ножей, изготовленных из пластины.

Таким образом, льяловская керамика раннего типа и на этом памятнике сопровождается инвентарем с большой долей ранних форм кремня. Гребенчатая же керамика, близкая по типу найденной на Никола-Перевоз III (где ранние формы кремневых орудий сравнительно редки), не может быть идентифицирована с гребенчато-штриховой или верхневолжской. Возможно она является более поздним этапом развития последней, с которым трудно связывать ранние формы кремневого инвентаря.

Проведенный анализ группы памятников Никола-Перевоз позволяет сделать следующие выводы:

1. В смешанных слоях многослойных памятников Никола-Перевоз I и II значительную долю занимает гребенчато-штриховая керамика, которую в настоящее время относят к верхневолжской культуре.

2. Найденная в поселении Никола-Перевоз III гребенчатая керамика, видимо, относится к более поздней стадии развития верхневолжской культуры.

3. Во всех памятниках находки верхневолжской керамики сопровождаются практически прямо пропорциональным количеством керамики льяловской культуры, причем ее среднего этапа.

4. Учитывая, что древнейшее поселение льяловской культуры — Суцевская стоянка — характеризуется находками мезолитоидного кремня, хронологическая последовательность памятников верхневолжской и льяловской культур все еще остается неясной.

В этой связи следовало бы рассмотреть проблему относительной хронологии культур с более широким территориальным охватом, не только территории Верхней Волги, но и Волго-Окского бассейна в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ КРАЙНОВ Д. А., ХОТИНСКИЙ Н. А., УРБАН Ю. Н., МОЛОДЦОВА Е. М. Древнейшая раннеолитическая культура Верхнего Поволжья. ВАН, 1973, № 5, стр. 80—84.

² ЖУКОВ Б. С. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых археологических культур Восточной Европы по данным изучения керамики. Этнография, 1929, № 1, стр. 65—69.

³ ФОСС М. Е. Неолитическая стоянка Бисерово Озеро, КСИИМК, вып. 75, 1959.

⁴ РАУШЕНБАХ В. М. Стоянка Никола-Перевоз II на р. Дубне в Московской области. Экспедиции Государственного Исторического музея. М., 1969.

⁵ АЛИХОВА А. Е. Краткий отчет по раскопкам I и II Никола-Перевозских стоянок. Архив ЛОИА

⁶ УРБАН Ю. Н. К вопросу о раннеолитических комплексах в Калининском Поволжье — Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976, стр. 64—70.

⁷ ЦВЕТКОВА И. К., ФРОЛОВ А. С. Стоянки на р. Пре у д. Владычино. Археологические открытия 1974 года. М., 1975, стр. 98.

⁸ УРБАН Ю. Н. Указ. соч., стр. 70.

⁹ РАУШЕНБАХ В. М. Древнейшая стоянка льяловской культуры. СА, 1964, № 2.

ФИГУРНЫЕ НАЛЕПЫ НА СОСУДАХ СО СТОЯНОК ВОЛОСОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

На стоянке Волосово (Владимирская область, город Муром) среди многочисленных обломков керамики был найден фрагмент верхней части толстостенного сосуда, орнаментированного оттисками зубчатого штампа. С внешней стороны, непосредственно у края утолщенного венчика, сохранился налеп в виде фигуры человека в полный рост с раскинутыми в стороны руками¹ (рис. 1). Изображение было сделано простыми пальцевыми зажимами. Общая высота фигурки — 6,3 см, наибольшая ширина — 5,8 см. Голова не выделена, лицо не моделировано. Туловище — узкое, ноги широко расставлены. Фигурка покрыта оттисками того же штампа, что и остальная часть обломка. К сожалению, сохранившийся фрагмент (длина — 8,6 см, ширина — 8,6 см) не позволяет полностью восстановить форму сосуда, однако совершенно очевидно, что он был широкогорлым с прямыми стенками, суживающимися в придонной части. С внутренней стороны четко просматриваются следы сглаживания плоской палочкой. Изнутри же на стенку был нанесен зубчатым штампом горизонтальный зигзаг. Толщина стенок сосуда около 1,5 см. Обжиг неравномерный, в тесте значительная примесь раковины. Фрагмент небольшой, и проследить характер орнаментальной композиции не представляется возможным, что, конечно, затрудняет его датировку. Однако примесь раковины в тесте и наличие зигзага на внутренней стороне стенки позволяют отнести его ко времени раннего этапа волосовской культуры, то есть ко 2-й половине III тысячелетия до н.э.²

Изображения человека на неолитических сосудах встречаются редко³. Что же касается рельефных изображений в волосовской культуре, то оно зафиксировано впервые. Нам уже приходилось писать о том, что для волосовской культуры вообще, и для волосовской стоянки в частности, характерно преобладание в мелкой пластике преимущественно кремневых антропоморфных фигурок⁴. При этом подчеркивалось, что в их трактовке прослеживается определенный устойчивый канон: фронтальность, схематизм, передача рук (там, где они обозначены) небольшими выступами и разделение ног параболоидной кривой. Отличия в деталях позволили условно разделить эти изображения на типы. Тогда же было высказано предположение, что стилистическая устойчивость этих типов может быть объяснена их разным смысловым значением. Эта устойчивость еще раз подтвердилась новыми находками на стоянках волосовской культуры⁵. Таким образом, археологический материал совершенно четко фиксирует значимость определенной иконографии этих изображений в жизни ее создателей. находка сосуда с человеческой фигуркой, выполненной в характерной для волосовских антропоморфных изображений манере, лишний раз доказывает устойчивость этого образа.

Ближайшую аналогию нашему изображению мы находим в Прибалтике⁶ (рис. 2). При раскопах стоянки Швянтойи 3 (Паланга) в том же слое, где были найдены роговые жезлы с головами лосей, был обнаружен фрагмент неглубокого остродонного сосуда, в верхней части которого находилась рельефная человеческая фигурка в полный рост. Стилистически это изображение на сосуде со стоянки Волосово. Сделано оно тоже на основе налепа, голова не детализирована, руки раскинуты в стороны, ноги широко расставлены. Фигура несколько непропорциональна, и создается впечатление, что или руки выступают из головы, либо голова наклонена вперед. Поверхность сосуда украшена вертикальными бороздками, проведенными пальцами. Как отмечает автор раскопок, по керамике памятник относится к западному или сарнатскому варианту нарвско-неманской культуры и может быть также датирован 2-й половиной III тысячелетия до н.э.⁷

Изображения человека широко известны и в резной скульптуре каменного века Восточной Прибалтики⁸. В частности, на стоянке Швянтойи II был найден деревянный идол в виде кола, на верхнем конце которого было моделировано лицо⁹. Вообще, начиная с середины III тысячелетия до н.э. и особенно во II тысячелетии до н.э., образ человека получает широкое воплощение в искусстве племен севера Восточной Европы, отражая, очевидно, определенную ступень развития первобытного мышления.

Несмотря на то, что с момента выделения волосовской культуры прошло более 40 лет¹⁰, вопрос о ее генезисе до сих пор остается дискуссионным. В печати периодически возобновляются горячие споры по этой проблеме. И.К.Цветкова, давно занимающаяся историей волосовских племен, связывает происхождение этой культуры с местной культурой ямочно-гребенчатой керамики¹¹. О.Н.Бадер, начиная с 50-х годов, настойчиво проводит мысль, что истоки волосовской культуры следует усматривать в Камском неолите. Он пишет: „... именно с камской, западно-уральской неолитической культурой наиболее вероятно генетическая связь волосовской культуры, на что в аргументированной форме автор впервые указал в 1953 г.“¹² В связи с выделением на Северо-Западе и в Восточной Прибалтике памятников нарвской культуры¹³, сходных по целому ряду признаков с памятниками волосовского типа, О.Н.Бадер высказывает предположение, что возможно эти памятники входят в „какую-то очень большую, но все же единую культурную зону, исторически, так или иначе, связанную с Уралом“¹⁴. Таким образом, и в своих последних работах он продолжает отстаивать тезис о распространении древнефинского населения с востока. Эта гипотеза последовательно поддерживается и развивается А.Х.Халиковым¹⁵. А.Л.Никитин в работе, посвященной этой проблеме, на основании доказанного, по его мнению, существования „янтарного пути“, говорит о северо-западном происхождении „волосовцев“ и их связи с ареалом прибалтийских неолитических культур¹⁶.

Даже беглый без анализа аргументации разбор существующих мнений о генезисе волосовской культуры показывает сложность и запутанность

проблемы. Однако тот факт, что авторы двух крайних точек зрения рассматривают происхождение „волосовцев“ в неразрывной связи с историей древнейшего населения Восточной Прибалтики, очень существен. Действительно, археологические исследования последних лет на северо-западе страны, а также работы экспедиции Д.А. Крайнова на Верхней Волге позволили аргументированно говорить о наличии тесных связей между этими районами в рассматриваемый период¹⁷. Характер и причины этой связи пока еще не ясны, но очевидность ее неоспорима. Она проявляется в целом ряде черт, характеризующих материальную и духовную культуру этих племен. И одним из ее конкретных проявлений являются разбираемые нами рельефные изображения людей на сосудах. Одновременно — это лишний аргумент в пользу высказанного нами ранее тезиса о стилистической близости мелкой пластики Восточной Прибалтики с волосовской мелкой пластикой¹⁸. Найденные на волосовских стоянках Верхней Волги другие скульптурные изображения, и прежде всего плоские костяные фигурки птиц, стилистически сопоставимы с аналогичными материалами из стоянок и погребений Восточной Прибалтики.

О тесных контактах с Западом, вероятно, свидетельствует и находка в ранневолосовской стоянке Никола-Перевоз II глиняной, так называемой эмбрионовидной фигурки¹⁹. Концентрация находок подобных изображений именно на западе, в районах Прибалтики, Финляндии, на Карельском перешейке²⁰ и почти полное их отсутствие в центральных областях и на Урале служит веским доказательством их западного происхождения. Стилистически эти фигурки однородны, порою почти тождественны, на что обратила внимание еще М.Е. Фосс²¹, и составляют компактную, выполненную в устойчивых традициях, группу изображений. Вот почему упомянутая выше фигурка со стоянки Никола-Перевоз II должна рассматриваться как результат постоянных западных контактов волосовцев. Насколько далеко простирались иногда эти контакты, можно судить по находке на поселении Большой Ларьяк (Средняя Обь) „эмбрионовидной“ фигурки, стилистически близкой фигуркам из Кубенино²².

В свете этих фактов высказанное нами ранее предположение об уральских истоках этого типа фигурок должно быть признано ошибочным²³.

Появление новых данных в пользу западных параллелей не снимает окончательно вопроса об уральском компоненте в волосовской и близких ей культурах. Одним из доказательств восточной прародины волосовцев считается сходство некоторых мотивов керамической орнаментики с уральскими мотивами²⁴. Они, так же как и аналогичные элементы орнамента на керамике ранних культур Восточной Прибалтики, рассматриваются как результат продвижения отдельных групп населения на запад и связываются с Уралом и Приуральем²⁵. При этом отмечается, что расселение проходило волнами, одна из которых прошла еще в мезолите, а вторая непосредственно связана с распространением волосовских племен на запад, вплоть до Прибалтики. Для подтверждения этой гипотезы использовались не только археологические материалы, но и данные лингвистики и антропологии. О.Н. Бадер подчеркивает, что антрополо-

гические материалы четко фиксируют участие в заселении Прибалтики и лесной полосы не только европеоидов с юга, но и людей восточного ослабленно монголоидного типа²⁶. Для доказательства этого предположения привлекались и материалы по искусству. Правда, в отношении последних существует и противоположная точка зрения И. Лозе, анализируя резную скульптуру Восточной Прибалтики, полностью отрицает ее генетическую близость с уральской и рассматривает эти группы материала лишь в плане сюжетного сходства²⁷.

В этой связи интересна находка на Владычинско-Береговой стоянке фрагмента верхней части сосуда с рельефным изображением морды зверя на венчике сосуда (рис. 3). Этот черепок был найден в среднем, волосовском, слое стоянки. Ее верхний слой с материалом позднерязанской культуры был почти полностью разрушен²⁸. По характеру теста и орнаменту фрагмент принадлежит именно к позднерязанской керамике, которую И. К. Цветкова датирует первой половиной II тысячелетия до н.э.²⁹ Обломок сосуда покрыт так называемым ажурным орнаментом, состоящим из чередования вертикальных оттисков гребенчатого и веревочного штампа с тремя горизонтальными рядами ямочных вдавлений неправильно ромбической формы с отпечатками внутри веревочного узелка. Оттисками веревочного штампа украшен также край прямого венчика и внутренняя сторона обломка. На ней четко прослеживаются штрихи беспорядочного сглаживания поверхности. Помимо этого, на внутренней стороне длинными оттисками веревочки, очевидно намотанной на палочку, нанесен широкий горизонтальный зигзаг. Ширина фрагмента — 8 см, наибольшая высота — 11,5 см. Морда зверя, обращенная наружу, не детализирована. Она вытянута вперед, длина ее — 2,5 см. На ней ясные следы нагара. Треугольные уши стоят торчком, их концы обломаны. На левом ухе — крестообразная насечка. Обобщенность трактовки не позволяет судить о виде животного.

Несмотря на то, что в орнаментации черепка преобладают черты, характерные для рязанской культуры, оттиски гребенчатого штампа говорят о ее гибридности. Очевидно, длительное сосуществование рязанских и волосовских племен на этой стоянке привело к взаимной ассимиляции и к появлению гибридной керамики. Во всяком случае до сих пор ни в той, ни в другой культуре не встречены зооморфные налпы на керамике.

Ближайшую аналогию описанному фрагменту мы находим среди уральских материалов. На стоянке Береговая I (Горбуновский торфяник Зауралья) был обнаружен фрагмент сосуда, на венчике которого рельефно изображена голова зверя, только обращенная внутрь³⁰. Торчащие уши тоже имеют треугольную форму. Сосуд и морда орнаментированы оттисками гребенчатого штампа, которые покрывают и внутреннюю часть сосуда. В. И. Мошинская обратила внимание на распространение на Урале и в Западной Сибири керамики с рельефными изображениями³¹. Как правило, они располагаются на краю сосуда и обычно представлены лишь недетализированными головами зверей. Нередко встречаются и редуцированные формы, когда голова зверя имеет форму простого выступа на сосуде. По характеру расположения В. И. Мошинская делит эти изобра-

жения на две группы: А) обращенные мордами внутрь сосуда; Б) обращенные мордами наружу. При этом она указывает, что группа „А“ распространена шире и в пространстве и по времени. Первоначально В. И. Мошинская полагала, что группа „Б“ характерна лишь для неолитического времени. Но находка сосудов с рельефной головой медведя и изображением хищной птицы на стоянке Тух-Эмтор (Средняя Обь) эпохи развитой бронзы расширили ее временной диапазон³². Находка на стоянке Тух-Эмтор особенно интересна потому, что в сложении еловской культуры, к которой принадлежит этот памятник, значительную роль сыграл зауральский компонент. Именно на Урале традиция зооморфного декора на керамике как рельефного, так и графического, уходит своими истоками в период среднего и даже раннего неолита (стоянки Кокшарово, Козлов мыс). Именно на уральских памятниках мы встречаем изображения голов животных с резными черточками на морде. Вышеизложенное позволяет предположить, что зооморфный декор на сосуде со стоянки Владычинско-Береговая является отражением в мелкой пластике каких-то восточных влияний.

Описанные в этой работе два образца древнего пластического искусства с волосовских стоянок дают материал для раздумий над важнейшими этногенетическими проблемами Восточной Европы и, не позволяя делать какие-либо окончательные выводы, показывают сложность исторических процессов, протекавших здесь в древности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сноска на стр. 1.

² ЦВЕТКОВА И. К. Племена рязанской культуры. Сб. „Окский бассейн в эпоху камня и бронзы“. Тр. ГИМ, вып. 44, М., 1970, стр. 138.

³ ИСАЕНКО В. Ф. Некоторые произведения искусства неолитической эпохи Полесья. Тезисы докладов на конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969, стр. 46–47, рис. 1.

⁴ СТУДЗИЦКАЯ С. В. Отражение этнических процессов в мелкой пластике древнейшего населения севера Европейской части СССР. Сб. „История и культура Восточной Европы по археологическим данным“. М., 1971, стр. 30–33.

⁵ КРАЙНОВ Д. А. Результаты работ Верхневолжской экспедиции. АО 1968. М., 1969, стр. 27–28; УРБАН Ю. Н. Работы на севере Калининской области. АО 1968, М., 1969, стр. 30–32.

⁶ РИМАНТЕНЕ Р. К. Художественные изделия стоянки Швянтойи 3. Сб. „Памятники древнейшей истории Евразии“. М., 1975 стр. 141–142, рис. 3.

⁷ РИМАНТЕНЕ Р. К. Исследования стоянок каменного века в Швянтойи Кретинского района. АО 1969, М., 1970, стр. 313; ОНА ЖЕ. Стоянка Швянтойи 23 (Паланга). АО 1970, М., 1971, стр. 410–411.

⁸ LOSE I. Seno tīcējumu un tradīciju atspoguļojums akmens laikmeta mākslā austrumbaltijā. Arheoloģija un Etnografija, вып. IX Rīga, 1970, рис. 2 и 3 (1, 2, 5).

⁹ Римантене Р. К. Указ. соч., стр. 314, 315.

¹⁰ ГОРОДЦОВ В. А. Панфиловская палеолитическая стоянка. Тр. Владимирского обл. музея, вып. III. Владимир, 1926.

¹¹ ЦВЕТКОВА И. К. Указ. соч., стр. 138.

¹² БАДЕР О. Н. О древнейших финно-уграх на Урале и древних финнах между Уралом и Балтикой. Сб. „Проблемы Археологии и древней истории Урала“, М., 1972, стр. 11.

¹³ ГУРИНА Н. Н. Из истории древних племен западных областей СССР. МИА 144, М., 1967, стр. 167; ЯНИТС Л. И. К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения территории Эстонской ССР. Сб. „Вопросы этнической истории эстонского народа“. Таллин, 1956, стр. 150.

¹⁴ БАДЕР О. Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970, стр. 39.

¹⁵ ХАЛИКОВ А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, стр. 143–144.

¹⁶ НИКИТИН А. Л. Существовала ли „Волосовская культура“? СА, М., 1974, 2, стр. 30.

¹⁷ КРАЙНОВ Д. А. О работах Верхневолжской экспедиции. АО 1969. М., 1970, стр. 33; ЕРОФЕЕВ Е. Н. и КРАЙНОВ Д. А. Стоянка и могильник Сахтыш VIII. АО 1970. М., 1971, стр. 407.

¹⁸ СТУДЗИЦКАЯ С. В. Указ. соч., стр. 41.

¹⁹ ОНА ЖЕ. Указ. соч., стр. 39, рис. 2, 1.

²⁰ ФОСС М. Е. Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА 29. М., 1952, стр. 198, рис. 102; ЯНИТС Л. И. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайоги. Таллин, 1959, стр. 273 и стр. 276, рис. 59, 1–4; ЛОЗЕ И. Глиняные фигурки из неолитических стоянок восточной Прибалтики. СЭ, М., 1970, 3.

²¹ ФОСС М. Е. Культурные связи севера Восточной Европы во II тыс. до н. э. СЭ, М., 1948, 4, стр. 29.

²² МОШИНСКАЯ В. И. Некоторые новые данные к вопросу о древних контактах в Уральской среде. Сб. „Археология Северной и Центральной Азии“. Новосибирск, 1975, стр. 120, рис. 2.

²³ СТУДЗИЦКАЯ С. В. Указ. соч., стр. 40–41.

²⁴ ТРЕТЬЯКОВ В. Н. Об уральских элементах на ямочно-гребенчатой керамике „геометрического стиля“. КСИА, М., 1967, вып. III.

²⁵ ТРЕТЬЯКОВ П. Н. У истоков этнической истории финно-угорских племен. СЭ, 1961, 2; БАДЕР О. Н. Указ. соч., стр. 11–12.

²⁶ БАДЕР О. Н. Указ. соч., стр. 30.

²⁷ БРЮСОВ А. Я. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 36, рис. 9, 10, 1, 8; ВАНКИНА Л. В. Древнее поселение в Сарнатском торфянике (Латвийская ССР). Сб. „Древние поселения и городища“. Таллин, 1955, стр. 148; ЛОЗЕ И. Резная скульптура каменного века восточной Прибалтики в соотношении с уральской скульптурой. Сб. „Проблемы археологии Урала и Сибири“. М., 1973, стр. 183.

²⁸ Хранится в фондах ГИМ. Инв. № 10826____; приношу благодарность
1806/3545

И. К. Цветковой за разрешение опубликовать этот фрагмент.

²⁹ ЦВЕТКОВА И. К. Указ. соч., стр. 124.

³⁰ ЭДИНГ Д. Н. Резная скульптура Урала. Тр. ГИМ, вып. X, М., 1940, стр. 94, рис. 89, 90.

³¹ МОШИНСКАЯ В. И. О зауральских зооморфных изображениях, связанных с глиняной посудой. Сб. „Проблемы археологии и древней истории угров“. М., 1972; ОНА ЖЕ. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М., 1976, стр. 27 – 29.

³² КИРЮШИН Ю. Ф. Бронзовый век Васюганья. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1976, стр. 21.

КЛАД БРОНЗОВЫХ СЕРПОВ У СЕЛА ВОЮТИНО

На поле с. Воютино в Меленковском районе Владимирской области во время пахоты колхозниками было найдено около 20 бронзовых серпов. К сожалению, большинство их разошлось по рукам жителей села, и только три были переданы гражданином П. И. Пугачевым в Государственный Исторический музей для хранения в фондах отдела первобытной археологии¹. Впоследствии место находки было обследовано научным сотрудником ГИМа, однако на пашне не было обнаружено ни курганов, ни культурного слоя. Это свидетельствует о том, что находка представляет собой клад.

Серпы, найденные у с. Воютино, являются первой находкой такого типа орудий на территории Окского бассейна и самой северной на Европейской части СССР (рис. 1 — 2).

Найденные серпы довольно массивны, длина их колеблется от 26,6 до 29 см, ширина — от 4,6 до 5 см. По форме это полоса металла, постепенно расширяющаяся от крюка рукоятки к острию. Наибольшая ширина серпа соответствует наибольшей степени изгиба лезвия. Все они, по-видимому, были отлиты в одной односторонней литейной форме. После отливки серпы были подвергнуты дополнительной обработке — проковке, что прослеживается на всей поверхности орудий. Особенно сильно прокован и оттянут на 5–6 мм рабочий край серпов. Так же откован и характерный крюкастый конец, служащий для скрепления бронзового серпа с деревянной или костяной рукояткой. В результате индивидуальной проковки эти серпы разнятся между собой мелкими деталями: формой изгиба, крючком и оттянутостью лезвия. Так, лезвия двух серпов заточены лишь с одной стороны, а третьего (на рис. 1 — средний) — с двух. Это так называемый тип серпа с крючком для крепления с рукояткой. Такой способ крепления лезвия серпа с рукояткой широко бытовал в эпоху поздней бронзы на всей территории Европейской части СССР. Эти серпы могут быть отнесены к I типу группы I по классификации Б. Г. Тихонова, подтвержденной позднее Е. Н. Черных, к серпам формы, характерной для племен срубной культуры². Серпы такого типа, по мнению О. А. Кривцовой-Граковой, являются характерной находкой на территории Поволжья и Среднего Дона³. Б. Г. Тихонов, уточняя границы распространения этих серпов, отмечает, что они не переходят Уральский хребет, а захватывают большую область Приуралья, где их найдено более шести десятков⁴. Следовательно, и все аналогии нашим находкам можно найти на этой территории, то есть в районе Нижнего и Среднего Поволжья и Приуралья. Ближайшей аналогией является комплекс Перелюбского клада, обнаруженного также случайно при строительстве грейдерной дороги около с. Перелюб Саратовской обл. на левом берегу р. Камелек.⁵ Клад отнесен И. В. Сеницыным к памятникам срубной культуры. Он аналогичен

Название предмета. Инв. № ГИМ	Cu	Sn	Fe	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au
Серп с. Воютина, Инв. № 101616 оп <u>1795</u> 1	осн.	0,1	0,5	—	0,004	0,04	0,03	0,012	0,05	0,006	—	<0,01	—
Серп с. Воютина, Инв. № 101616 оп <u>1795</u> 2	осн.	0,02	0,07	0,018	—	0,05	—	0,01	0,17	0,004	—	<0,01	—
Серп с. Воютина, Инв. № 101616 оп <u>1795</u> 3	осн.	0,015	0,007	?	—	0,05	—	?	0,15	0,004	—	<0,01	—

Ибракаевскому кладу в Башкирии, который Р. Б. Ахметов связывает с кругом памятников позднесрубного типа.⁶ Воютинские серпы близки по форме и серпам из Вольска⁷ и находке у Константиновской слободы Воронежской области.⁸ Все эти находки связываются с памятниками срубной культуры. Весьма интересна для нас и другая аналогия, связанная с кругом памятников приказанской культуры. Это — находка серпа у Омарского Починка⁹ и другие.

В свете этих аналогий может быть решен вопрос и о датировке серпов из клада села Воютино.

Большинство известных кладов, в комплекс которых входят крюкастые серпы срубного типа, датируются последней четвертью II тысячелетия до н.э. Серпы Ибракаевского клада, по-видимому, могут быть несколько древнее. Хронологически наиболее поздние доживают до рубежа II и I тысячелетия до н.э.¹⁰

Таким образом, происхождение воютинских серпов, безусловно, должно быть связано с кругом памятников племен срубной культуры, причем не срубной культуры вообще, а главным образом срубной культуры Среднего Поволжья, Приуралья. Об этом красноречиво свидетельствуют и химические анализы металла Воютинских серпов и их сравнение с анализами металла указанных аналогов из Поволжья и Приуралья.¹¹

Анализы металла Воютинских серпов были проведены в лаборатории Института археологии АН СССР¹² (таблица анализов).

Эти анализы подтверждают типологические сравнения серпов и позволяют связать их с Волго-Уральской горнометаллургической областью и отнести по классификации Е. Н. Черных к послесейминскому хронологическому горизонту.

Все приведенные выше типологические сравнения вместе с химическим анализом дают основание датировать находки серпов из клада у с. Воютино последней четвертью II тысячелетия до н.э. Остается выяснить последний вопрос: с каким кругом памятников в Окском бассейне клад может быть связан?

Район находки воютинских серпов во второй половине II тысячелетия до н.э. был густо заселен племенами поздняяковской культуры.

У окских племен первые металлические изделия появились еще в первой половине II тысячелетия до н.э. Достаточно напомнить находку бронзового плоского тесла кавказского типа на Панфиловской стоянке,¹³ кельта и булавки на Алехановской стоянке или случайную находку двух виспообушных топоров во Владимирской области,¹⁴ обломка кельта со стоянки Ибердус III на старице р. Оки¹⁵ и другие. Аналогичные находки встречаются и на различных соседних территориях (тесло и топоры — Северный Кавказ, кельты — на территории сейманской культуры) и не позволяют говорить о каком-то целенаправленном импорте металла и тем более не позволяют даже предполагать в это время наличие местной металлообработки.

Однако уже в третьей четверти II тысячелетия до н.э. на территории формирования племен поздняяковской культуры количество предметов из бронзы заметно возрастает, меняется и их характер. Совершенно оче-

видно, что, с одной стороны, усиливается импорт металла с соседних территорий. Причем это не случайные связи, а устойчивый импорт бронзовых изделий от соседних юго-восточных и, главным образом, восточных племен — приказанской, абашевской, срубной и андроновской культур. С другой стороны, у поздняковцев появляются бронзовые изделия, которые позволяют предполагать и местное производство — местную металлообработку. В 1970 году Е. Н. Черных в своей монографии опубликовал 22 анализа металлических изделий из памятников поздняковской культуры. Это главным образом предметы из исследованных нами в 60-х годах могильников. По определению Е. Н. Черных, все металлические изделия по химическому составу могут быть отнесены к оловянистым бронзам, к группе безусловно искусственных сплавов.¹⁶ По мнению исследователя, их можно подразделить на четыре химические группы, связанные своим происхождением с разными источниками сырья. Для нас важно то, что все они позволяют связывать поздняковский металл с восточными областями — Поволжьем, Прикамьем, Уралом и Казахстаном.

В настоящее время количество бронзовых изделий с территории, занятой племенами поздняковской культуры, найденных после исследований Е. Н. Черных, по крайней мере утроилось. Часть их проанализирована. Анализы подтверждают выводы Е. Н. Черных относительно импорта металла с востока. Типологические сравнения археологического материала ряда типов вещей также подчеркивают эти связи.¹⁷ Нами не раз указывалось на связи поздняковского металла с андроновской культурой, приказанской и абашевской. Укажем еще раз на наиболее яркие и специфические находки — уникальные золотые височные кольца в поздняковском Борисоглебском могильнике (курган 17 погребение 1) и в курганах срубной культуры у с. Новое Байбатырово в Чувашии.¹⁸ Поразительно, что у того и другого кольца совпадает форма, орнамент. Техника их изготовления — золотая тонкая накладка на бронзовую основу, орнамент выбит пуансонной техникой. Такую технику изготовления и накладки золота на височные кольца мы знаем у андроновских мастеров. Более близкие аналогии трудно себе представить. Не менее интересны аналогии и поздняковскому кинжалу также из Борисоглебского могильника (курган 8, погребение 1). Кинжал имел наклепанную рукоятку и навершие, украшенное шишечками; его лезвие по форме близко к ножам срубной культуры, вдоль всего клинка хорошо выделяется центральная линия. Таких кинжалов известно всего несколько экземпляров. Один из них найден на Ирбитском озере в Свердловской области, второй — в могильнике Черняки I, третий — в селе Тульском в Казахстане, четвертый — в селе Шарташ в Нижнем Притоболье, еще один, пятый, — в Сейминском могильнике и последний — в могильнике Решное.¹⁹ Вот все наиболее близкие аналогии поздняковскому кинжалу из Борисоглебского могильника. Как видим все аналогии уводят нас на восток, в Приуралье и Урал. Результаты анализов химического состава металла также связывают его, по определению Е. Н. Черных, с Волго-Уральской и Волго-Камской химическими группами металла.²⁰

Следует упомянуть еще раз и о находках 2 браслетов с витыми концами в Борисоглебском могильнике (курган 2, погребение 1), аналогии которым нет нужды перечислять, так как они являются одним из наиболее типичных украшений андроновских племен. Напомним еще и о бронзовых бляхах с пуансонным орнаментом из поздняяковских памятников, аналогии которым есть в абашевских, приказанских и главным образом в андроновских комплексах. Все приведенные аналогии и химические анализы этих предметов с неоспоримым доказательством говорят о том, что металлургия поздняяковцев связана с уральским горно-металлургическим центром. Е. Н. Черных, рассматривая поздняяковские металлургические изделия, приходит к выводу, что все они представляют собой восточный импорт и что, следовательно, говорить о собственной металлообработке у племен поздняяковской культуры нельзя даже предположительно.

Здесь хотелось бы оговориться, это заставляет нас сделать некоторый новый накопленный материал. Природного материала — залежей медной руды и, по-видимому, даже медистых песчаников, которые могли использовать другие племена (абашевские, приказанские и другие), на территории Окского бассейна нет. Но отсутствие местного сырья свидетельствует лишь о том, что у поздняяковцев не развита металлургия, то есть добыча и выплавка из руды металла, но это ни в коей мере не исключает наличие у этих племен металлообработки. Об этом свидетельствуют, как нам кажется, довольно своеобразные серии бронзовых пламяобразных наконечников копий (как их часто неправильно называют — ножей). Не спорим, что это простая форма может быть довольно распространенной, но при всей их простоте все известные поздняяковские находки этих наконечников копья устойчиво повторяют друг друга до мельчайших подробностей. Укажем на пять таких экземпляров из разных курганов Мало-Окуловского могильника, на экземпляр, найденный на поселении Логинов хутор,²¹ на наконечник копья, найденный в жилище поселения Савушкино.²² Хочется напомнить и о находках широких браслетов с пуансонным орнаментом из Борисоглебского могильника (курган 3, погребение 1) и широких браслетов из Битюковского могильника, аналогии которым трудно найти. Кроме этого, о чем, как не о металлообработке, могут говорить находки шлаков на ряде поселений поздняяковской культуры: Логинов хутор, Поздняяковский, Подборновский, Савушкино и другие. Наконец, находки литейной формы для втульчатого копья на Подборновской стоянке,²³ а также слитка бронзы в могильнике Фефёлов Бор заставляют нас предполагать, что поздняяковцы знали приемы металлообработки. Конечно, первые навыки и знания они могли получать от племен чирковско-сейминской, срубной и приказанской культур, по-видимому, вместе с первыми, безусловно, привозными изделиями.

Таким образом, химические анализы и приведенные выше соображения позволяют говорить о том, что сырье, т.е. металл, поздняяковцы несомненно получали из Волго-Уральской области, из которого они и могли на месте изготавливать бронзовые изделия тех же типов, что и привозные, а затем изготавливать и простейшие свои изделия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Инв. № 101616.

² ТИХОНОВ Б. Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и Приуралье. МИА, № 90, М., 1960; Е. Н. Черных. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья, М., 1970.

³ КРИВЦОВА-ГРАКОВА О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА. № 46, М., 1955.

⁴ ТИХОНОВ Б. Г. Указ. соч., стр. 67.

⁵ СЕНИЦЫН И. В. Поселение Осин Гай в Заволжье. Древности Восточной Европы. М., 1969.

⁶ АХМЕРОВ Р. Б. Памятники срубно-хвалынской культуры в Башкирии. КСИИМК, 59, М., 1955.

⁷ РЫКОВ П. С. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье. ИКИЮВ при СГУ, т. II, Саратов, 1927.

⁸ Хранится в ГИМе. Инв. № 44154; ОАК за 1901 г., стр. 124, рис. 207.

⁹ ХАЛИКОВ А. Х. Древнейшая история Среднего Поволжья. М., 1969.

¹⁰ ТИХОНОВ Б. Г. Указ. соч., стр. 68.

¹¹ ЧЕРНЫХ Е. Н. Указ. соч., стр. 86.

¹² Анализы (№№ 13179, 13180, 13181) сделаны в лаборатории Института археологии АН СССР В. И. Кореневским, за что я и приношу ему благодарность.

¹³ ГОРОДЦОВ В. А. Панфиловская палеолитическая стоянка. Труды Владимирского музея краеведения, вып. 2. Владимир, 1926.

ОН ЖЕ. Отчет о раскопках в долине р. Оки. Древности, т. XXIV. М., 1914.

¹⁴ Хранятся в ГИМе. Инв. № 54746.

¹⁵ ПОПОВ Т. Б. Племена Поздняковской культуры. Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. Труды ГИМ, вып. 44. М., 1970.

¹⁶ ЧЕРНЫХ Е. Н. Указ. соч., стр. 144, табл. V.

¹⁷ ПОПОВА Т. Б. Погребения поздняковской культуры в Борисоглебском могильнике. Новое в советской археологии. М., 1965.

¹⁸ ЕФИМЕНКО П. П.

ТРЕТЬЯКОВ П. Н. Абашевская культура в Поволжье. МИА, № 97. М., 1961, стр. 106, рис. 40.

¹⁹ ТИХОНОВ Б. Г. Указ. соч., табл. XVI, рис. 6; СТОКОЛОС В. С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972; АРСЛАНОВ Ф. Х. Памятники андроновской культуры. СА, № 4, 1973, стр. 167, рис. 4, 3; КОСАРЕВ М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири, Тобольск, 1962, рис. 5; БАДЕР О. Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970.

²⁰ ЧЕРНЫХ Е. Н. Указ. соч., стр. 144, табл. V. Анализы клинка и рукоятки, № 4956 и 4956а.

²¹ ПОПОВА Т. Б. Указ. соч., рис. 31; ОНА ЖЕ. Исследование памятников эпохи бронзы на Канищевских дюнах под Рязанью. Археология Рязанской земли. М., 1974, рис. 3.

²² КАХОВСКИЙ В. Ф., КРАСНОВ Ю. А., ОШИБКИНА С. В., ТРУБНИКОВА Н. В., ХАЛИКОВ А. Х., ЧЕРНИКОВ В. Ф. Чебоксарская экспедиция. Археологические открытия. 1969. М., 1970. Хранится в ГИМе, инв. № 102029.

²³ БАДЕР О. Н. Указ. соч., стр. 61, рис. 11.

КАТАКОМБНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С ПОВОЗКОЙ
НА НИЖНЕМ ДОНУ

В 1972 году Багаевским отрядом Донской экспедиции производились раскопки курганов в низовьях реки Маныч в районе Шахаевского лимана. Среди многочисленных захоронений эпохи бронзы, вскрытых в курганный группе Шахаевская II, оказалось одно с четырехколесной деревянной повозкой. Оно располагалось в кургане 2 у подножия небольшой насыпи, полностью перекрытой позднейшими досыпками. Современная курганная насыпь достигала высоты 1 м при диаметре 30 м. Могильная яма прослеживалась на уровне материка, глубина ее 2,81 — 2,83 м от вершины кургана. В плане яма имела неправильную пятилепестковую форму (рис. 1, 1). Основой ее служил вытянутый с северо-запада на юго-восток прямоугольник со сторонами, равными 2,1 м и 1,55 м. По углам прямоугольника располагались полукруглые выемки, дно которых углублено по сравнению с дном могилы на 10 — 33 см. В них обнаружены остатки больших деревянных колес. Такая же выемка находилась в центре юго-восточной стенки, где должны были располагаться дышло и ярмо. Она являлась входом в подбойную погребальную камеру. Сохранившиеся отпечатки торцов колес хорошо передают поперечную структуру дерева. Три колеса стояли на дне углублений, четвертое находилось на подсыпке, заполнявшей более глубокую яму в юго-восточном углу могилы, из которой открывался вход в катакомбу.

Диаметр колес достигал 70 см. Каждое из них сделано из трех деревянных плах, толщиной не менее 7 см. Плахи соединялись поперечными шпонами. Центральная плаха, проходившая по диаметру колеса, имела ширину около 25 см. В середине она утолщалась, образуя ступицу диаметром в 20 см. Последняя выступала с каждой стороны колеса на 5-6 см. На стенках ямы четко прослеживались следы теслообразного землекопного орудия с зазубренным лезвием, а в некоторых местах следы темно-синей краски.

Могила была перекрыта деревянными плахами и бревнами, а поверх них — слоем камыша. Остатки камыша в перемешку с порошком и крупинками мела находились в заполнении ямы на глубине 2,35 м. Ниже они чередовались с обломками плах и обожженных бревен. На дне ямы прослеживались остатки прямоугольного кузова повозки размером 1,4х1,05 м. Поскольку колеса располагались под разными углами к кузову, можно предполагать, что он был снят с колес и поставлен прямо на дно ямы.

Остатки кузова, на котором находилось погребение взрослого человека (костяк 2), покрыты слоем мела. Другое захоронение (костяк 1) располагалось вне кузова у юго-западной стенки ямы. Костяк 1, ориенти-

рованный на юго-восток, лежал на правом боку с подогнутыми ногами и вытянутыми к тазу слегка согнутыми в локтях руками, кости обильно засыпаны порошком мела, у таза находился кусок желтой минеральной краски.

Костяк 2 представляет собой необычное захоронение. Кости погребенного были аккуратно сложены в середине повозки вдоль ее продольной оси, череп находился с юго-восточной стороны. Расположение костей имитировало юго-восточную ориентировку покойника. Под черепом сохранились следы охристой подсыпки, все кости густо засыпаны порошком мела. Под костями скелета, в предполагаемой области живота или поясницы, обнаружены два медных предмета: обоюдоострое четырехгранное шило и нож листовидной формы с расширяющимся черешком, расплюснутым на конце (рис. 2, 4, 5).

По-видимому, покойник был погребен вместе с повозкой. Вероятно, это было обычное трупоположение, занимавшее всю площадь кузова. Позднее в ту же могилу впущено другое погребение (костяк 1). Для этого кости захороненного ранее покойника, уже освободившиеся от связок, были смещены и аккуратно сложены в кучу вместе с медными вещами при строгом соблюдении ритуала. Костяк 1 лежал в свободной части ямы, его колени, локтевые суставы и части головы находились на остатках повозки, а затылочная часть черепа лежала на отпечатках колеса, выброшенного при вскрытии могилы. Между обоими погребенными располагались остатки заупокойной пищи — кости и разрубленный череп барана. Там же найден большой кусок охры. По-видимому, мясо животных предназначалось обоим погребенным.

Помимо двух центральных захоронений в могиле обнаружено еще три костяка — взрослого человека, ребенка и подростка. Подросток (костяк 3) был погребен в катакомбе (глубина 3,14 м). Вход в нее был закрыт плитами. Продолжение дна катакомбы являлось дном углубления для колеса в восточном углу могилы (рис. 1, I, IV). Колесо стояло на земляной подсыпке (глубина 2,85 м), рядом с черепом молодого бычка. Вход в погребальную камеру был сводчатым (рис. 1, II), высота свода соответствовала высоте потолка катакомбы (0,75 м). Стены катакомбы окрашены в голубовато-белый цвет, длина ее — 1,2 — 1,45 м, ширина — 1,15 — 1,2 м. Погребенный лежал лицом ко входу на правом боку, головой на северо-запад. Ноги его слегка подогнуты, правая рука вытянута вдоль тела, кисти обеих рук находились у таза. Предплечье левой руки лежало на животе, плечо ее вместе с лопаткой смещено. В северном углу катакомбы (за головой погребенного) находилась жаровня — покрытый нагаром обломок большого горшка, близкого по форме ямным сосудам с ребром в месте перехода шейки в тулово. Жаровня стояла на ребре.

Другое захоронение (костяк 4) находилось в неглубоком подбое в юго-восточной стенке могилы (рис. 1, I, III). Дно здесь плавно понижалось на 16 см и заканчивалось в глубине подбоя ровной площадкой, на которой лежали кости взрослого человека в перемешку с костями барана. Они были аккуратно сложены у дальней стенки подбоя, причем длинные кости располагались параллельно друг другу. Череп, носивший следы

искусственной деформации, находился в северо-восточной стороне и был обращен лицом ко входу. (рис. 2,6).

К востоку от костяка прослеживалось небольшое охристое пятно. У входа в подбой против черепа стоял глиняный сосуд со слегка вогнутым дном, приземистым туловом и высоким сужающимся горлом, украшенным сверху тремя нарезными линиями (рис. 2, 3). Край дна горшка скруглен, заглаженная до лоска поверхность сплошь покрыта нагаром, высота сосуда — 12,5 см.

В центре входной части подбоя находилось захоронение младенца. Кости почти истлели, однако удалось установить, что он лежал вытянуто на спине головой на северо-восток. У темени младенца вверх дном стояла большая курильница с крестовидной ножкой, заполненная красной краской. В ней находился миниатюрный острореберный сосудик высотой в 4,5 см. Верхняя часть его была украшена округлыми вдавлениями (рис. 2, 1).

Поверхность курильницы лишена орнамента, но покрыта потеками и пятнами от пролитой жидкости. Это следы жертвоприношений. Один край курильницы обломан, вместо него приставлен тщательно подогнанный кусок от другого сосуда того же типа. Этот кусок покрыт прочерченными параллельными линиями, образующими елочный узор (рис. 2, 6). Рядом с курильницей и черепом ребенка оказались обломки еще одного сосудика, повторяющего форму больших реповидных горшков. Он едва достигал высоты 6,3 см и был опоясан сгруппированными попарно десятью рядами оттисков шнура (рис. 2, 2).

Оба сосудика, курильница и костяк младенца располагались на охристой подсыпке, занимавшей площадь 40 х 25 см. У ног младенца, выходящих за пределы охристого пятна, находилась кучка золы.

Представляется, что в подбое, ближе к его входу, первоначально был погребен взрослый человек. Позднее кости его вместе с костями жертвенного животного отодвинуты вглубь подбоя, а у входа положен младенец вместе с курильницей и маленькими сосудиками. Высокогорлый горшок, стоявший к северо-востоку от них, возможно, относился к более раннему захоронению взрослого человека.

Итак, всего в могиле погребено пять человек: из них три похоронены одновременно с повозкой (костяки 2, 3, 4), а два — позднее. Такое „многолюдное“ погребение необычно для катакомбных захоронений вообще и для могил с повозками в частности.

Двухосное и одноосные деревянные повозки широко известны в предкавказских памятниках катакомбной культуры, однако до недавнего времени они локализовались в основном на территории Калмыкии, в верховьях реки Маньч.¹ Там обнаружены глиняные модели колес и повозок, отдельные деревянные колеса и целые повозки открытого и закрытого типов. Повозки располагались во входных колодцах катакомб или в грунтовых ямах. В последнем случае погребения находились непосредственно в повозках, однако в некоторых повозках погребения отсутствовали.²

Все колеса по своему размеру и устройству соответствуют колесам шахаевской повозки: каждое колесо представляет собой сплошной

диск из трех частей — средней доски и двух сегментов, скрепленных со средней доской посредством внутренних шпон. Диаметр колес до 0,70 см. Средняя доска имеет двухстороннюю ступицу с отверстием для оси".³

Среди калмыцких открытий особо интересно для нас погребение № 9 в кургане 5 Элистинского могильника, где четырехколесная повозка располагалась во входной яме. Последняя отличалась скругленными углами и сильно вогнутыми стенками, чем достигалось расширение могилы в тех местах, где помещались колеса.

Форму ямы в Шахаевском могильнике можно считать дальнейшей трансформацией такой могилы. Здесь были уже предусмотрены специальные углубления для колес, дышла и ярма. В калмыцких же курганах дышло и ярмо клались просто на краю могилы впереди повозки.⁴

На территории Нижнего Подонья, помимо Шахаевского могильника, известно еще одно погребение с повозкой (курган 2 у хутора Кудинова).⁵ Повозка двухосная, с такими же массивными колесами, и по устройству кузова весьма близка повозкам, обнаруженным у станицы Ново-Титоровской в Краснодарском крае.⁶

В последнее время сотрудниками Азовского музея краеведения найдены интереснейшие модельки повозок в одном из катакомбных курганов Песчанокопского района Ростовской области, однако материалы этих раскопок пока не опубликованы.

Колесный транспорт был известен на Дону и в более раннее время у племен ямной культуры. Одно погребение этой эпохи с колесом вскрыто Н.Н.Чердынченко вблизи г.Ростова-на-Дону. Подобные находки известны и в других степных районах Европейской части СССР.⁷

Нам кажется необоснованным стремлением некоторых исследователей все находки такого рода относить к кругу памятников катакомбной культуры.⁸ Бесспорно, повозки бытовали и у тех и у других племен, однако в катакомбных памятниках Предкавказья их известно больше, чем в других районах. Оба донских погребения с повозками по характеру обряда, по устройству погребальных сооружений, по инвентарю находят ближайшие аналогии в калмыцких курганах, однако погребение из Шахаевского могильника отличается от прочих сложностью формы могильной ямы и большим числом погребенных.

В Элистинском и Лелинском могильниках известны коллективные захоронения. Это семейные группы (мужчина и женщина; женщина и ребенок; мужчина, женщина и ребенок), похороненные или в катакомбе, или непосредственно в повозке, если могила не имела катакомбы.⁹ Однако в этих могилах ни разу не обнаружены захоронения одновременно в катакомбе и во входной яме.

В этом плане чрезвычайно интересно погребение из Шахаевского могильника. По расположению погребенных оно резко отличалось от других коллективных захоронений. Как уже отмечалось, три костяка относились к более раннему времени, а два впущены позднее. Последние были захоронены с полным соблюдением ритуала людьми, которые знали устройство могильной ямы и ее место в кургане.

Из трех ранних захоронений одно находилось в катакомбе (костяк 3), второе (костяк 4) — в подбое, где должны были располагаться ярмо и дышло, третье (костяк 2) — в повозке во входной яме.

Захоронения в катакомбе и подбое лишены инвентаря и таких обычных деталей погребального обряда, как охристая и меловая засыпка (подсыпка). При них находился лишь обломок горшка (в катакомбе) и сосуд, который условно можно связать с костяком 4.

Костяк 2 (в повозке) сопровождался охристой и меловой подсыпкой, и только при нем обнаружены вещи (медные нож и шило). По-видимому, именно это захоронение следует считать основным в могиле. Далее возникает вопрос, связан ли этот покойник с остальными семейными узами или это были отношения иного порядка? Анализ коллективных захоронений показывает, что семейные узы обычно выражаются в расположении костяков в непосредственной близости друг от друга. Нередко они соприкасаются руками или ногами. Поскольку в данном погребении костяки 3 и 4 были удалены от основного погребения, лишены инвентаря и отличались от него бедностью погребального ритуала, есть основания считать, что они принадлежали людям занимавшим подчиненное положение. Характерно, что костяк 4 находился в помещении, отведенном для ярма и дышла. Не является ли это свидетельством того, что здесь был погребен возничий, сопровождающий своего патрона в загробный мир?

Не менее интересно погребение в катакомбе, где подросток лежал в обычной для катакомбных захоронений позе, но сопровождался обломком сосуда ямного типа. Соблазнительно связать этот факт с подчиненным положением подростка, так как его погребение было отделено от основного деревянными плахами, закрывавшими вход в катакомбу, и колесом, стоявшим рядом. Возле колеса находился череп бычка. Что он мог означать? Остатки заупокойной пищи? или жертвоприношение?

Известно, что в качестве заупокойной пищи в погребения катакомбной культуры клали части туш мелкого рогатого скота, причем располагалась она, как правило, около погребенного, за головой или у ног его. Трудно предположить, что заупокойную пищу могли положить в помещении, отделенном от покойника плотно закрытым входом.

Если проанализировать характер жертвоприношений в катакомбных погребениях Калмыкии и Дона, то не трудно заметить, что они представляют собой, как правило, кости ног и черепа крупного рогатого скота, положенные во входных ямах катакомб, на краю грунтовых могил и в самих могилах, а также в насыпях курганов. Подобные жертвоприношения широко известны и в погребениях ямной культуры. Обычно, их считают остатками тризны, но при этом И. В. Сеницын отмечает, что расположение конечностей и черепов позволяет предполагать погребение их вместе со шкурой.¹⁰ Такие жертвенники содержат обычно кости от одного до семи животных, положенные всегда в одном порядке.

По-видимому, их следует рассматривать как символические захоронения животных, использовавшихся в качестве тягловой силы. Они доставили покойника к месту погребения и должны были сопровождать его к конечной цели, в загробный мир.

Череп теленка, найденный у колеса, не является жертвенником в плане, в каком мы привыкли видеть жертвенники в катакомбных погребениях. Он относится к погребению подростка и, вероятно, должен символизировать род его занятий. Если необходимо было обеспечить наличие тягловой силы в загробном мире, то, вероятно, желательно было бы обеспечить и ее воспроизводство. Не исключено, что в обязанности подростка входил уход за молодняком, который он должен был осуществлять и в загробном мире.

Вопросами возникновения и развития колесного транспорта и попыткам реконструкции социальной структуры общества посвящена значительная литература, однако в большей части работ идет речь лишь об обществе в эпоху развития бронзы. Еще очень мало конкретных археологических данных, на которых бы можно было базировать выводы о социальной структуре племен ямной и катакомбной культур, населявших степи нашего юга в конце III и в первой половине II тысячелетия до н.э. В этом плане погребение с повозкой в могильнике Шахаевская II является чрезвычайно интересным источником, позволяющим сделать некоторые выводы о социальной структуре общества у племен эпохи средней бронзы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹СИНИЦЫН И.В. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья, СА, X, 1948, стр. 147.

СИНИЦЫН И.В., ЭРДНИЕВ У.Э. Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 г., Элиста, 1963, стр. 14. ОНИ ЖЕ. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР, Элиста, 1966, стр. 13–15, 32–97; табл. 1; 2,4; 4,1. ОНИ ЖЕ. Элистинский курганный могильник, Элиста, 1971, стр. 6–10, 68, 71, 74–75, 92; рис. 23, 24, 28; табл. Б-А; 8,1-2; 14,1; 3,1.

²СИНИЦЫН И.В., ЭРДНИЕВ У.Э. Археологические раскопки..., стр. 14.

³СИНИЦЫН И.В., ЭРДНИЕВ У.Э. Элистинский курганный могильник, стр. 74.

⁴СИНИЦЫН И.В., ЭРДНИЕВ У.Э. Новые археологические памятники..., стр. 34.

⁵КАПОШИНА С.И. Итоги работ Кобяковской экспедиции. КСИА, в. 103, 1965, стр. 49. ОНА ЖЕ. Работы Кобяковской экспедиции. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2368.

⁶КАЗЕНКОВА В.И. Новые материалы по бронзовому веку в Западном Предкавказье. КСИА, в. 134, 1973, стр. 60.

⁷ЧЕРЕДНИЧЕНКО Н.Н. Курганы. Эпоха бронзы близ г.Ростова-на-Дону. КСИА, в. 115, 1969, стр. 86–88. Полная сводка колес и повозок приведена в работе Е.Е. Кузьминой „Колесный транспорт и проблема этнической и

социальной истории древнего населения южно-русских степей". ВДИ. 1974, № 4, стр. 68.

⁸ФИСЕНКО В.А. Погребальный обряд племен катакомбной культуры юго-востока. „Археологический сборник", Саратов, 1966, стр. 77.

⁹СИНИЦЫН И.В., ЭРДНИЕВ У.Э. Новые археологические памятники, стр. 32—35, рис. 3—4. ОНИ ЖЕ. Элистинский курганный могильник, стр. 73—74, рис. 28.

¹⁰СИНИЦЫН И.В., ЭРДНИЕВ У.Э. Археологические раскопки., стр. 5. ОНИ ЖЕ. Новые археологические памятники., стр. 12, 98, 100; табл. 40, 2. ОНИ ЖЕ. Элистинский курганный могильник, стр. 57, 58, 68; рис. 17, 19, 23.

ЭЛЕМЕНТЫ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ В КОШИБЕЕВСКОМ МОГИЛЬНИКЕ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ

В женском погребении 88 из раскопок А. А. Спицына Кошибеевского могильника найден кожаный пояс, богато украшенный бронзовыми нашивными бляшками и спиралями.

Остатки нарядных поясов довольно обычно в этом могильнике, но пояс из данного погребения имеет особый интерес в связи с довольно неожиданными аналогиями, которые возникают при его внимательном рассмотрении.

Кошибеевский могильник всегда поражал исследователей своей этнографической пестротой, в связи с чем он приобретает большой интерес.

Особый интерес вызывает пояс женского погребения 88, которое было совершено в яме длиной 2 м 58 см на глубине 1 м 11 см и ориентировано на В, с небольшим отклонением к С.¹ У изголовья лежало железное кольцо неопределенного назначения, у пальцев правой руки — два пирамидальных колокольчика на спиралях. На груди сохранились остатки круглой бронзовой бляхи, а между бедрами лежал, по выражению А. А. Спицына, „убор из бляшек и спиралей“, по-видимому, оконечность пояса. Инвентарь погребения дополняли отдельные кости животных, лежавшие на костях ног, а в ногах стоял глиняный горшок с шнуровым орнаментом по краю венчика. Этот орнамент является обычным для керамических находок средней полосы I тысячеления н.э.

Все детали обряда погребения 88 не выделяют его из среды остальных погребений могильника.² Обычен размер могилы. Еще А. А. Спицын отмечал, что длинные могилы присущи более богатым женским погребениям. В этом могильнике обычна и глубина захоронения, в целом очень небольшая в Кошибееве, ориентировка на восток и север, очень пространенная в погребениях III—IV веков. Обычно и наличие костей животных в могиле. Словом, погребальный обряд погребения 88 ничем не выделяет его среди остальных погребений.

Территориально погребение 88 расположено на самом краю могильника, на его восточной окраине. Трудно сказать, с какой погребальной группой или родом его правильнее связать. Непосредственно рядом с ним расположено мужское погребение 87. Деталь также обычная для Кошибеевского могильника, где, как правило, рядом с мужским погребением расположено женское. Размеры могильной ямы, глубина захоронения, ориентировка погребения 87 почти те же, что и погребения 88.

Близкими оказываются многие предметы погребального инвентаря, например бляшки от пояса, как бы составленные из четырех маленьких бляшек, и богато украшенный наконечник пояса.

Обычным для Кошибеева является украшение костюма женщины в погребении 88. Одежда с бляхой на груди была распространенной в то время и прослеживается в других могильниках первых столетий и середины I тысячелетия н.э. в пределах от Оки до Волги и Камы.

Обычным является и наличие пирамидальных колокольчиков в погребениях этого времени. Не лишено возможности, что в данном случае они могут быть связаны с набедренным украшением типа Мордовского пулая. Однако следует заметить, что в Кошибеевском могильнике следы этого украшения встречаются редко.

Описанные украшения характерны для женской одежды и подтверждают принадлежность погребения 88 женщине.

Они же подтверждают и сравнительно позднюю для Кошибеевского могильника дату этого погребения — III—IV вв. На эту дату указывает и подвеска в виде пирамидального колокольчика, очень распространенная именно в это время в могильниках Оки и Поволжья (в Борковском, Кузьминском, Курманском, Армиевском и других).

Подобные колокольчики известны в комплексах IV века на юге, например в Херсонесе.

Но вернемся к предмету нашего исследования — к поясу из погребения 88, точнее к его длинному свисающего концу, который сравнительно хорошо сохранился. Это довольно узкий ремень, дошедший до нас в четырех фрагментах.

Поверхность ремня была украшена узкими свернутыми из тонкой проволоки спиралями, расположенными попарно по три вдоль ремня (рис. 1). Кроме спиралек пояс был украшен еще свернутыми из тонкой пластинки трубочками. Между спиральками и ниже их сохранились двойные круглые бляшки, соединенные вместе по четыре. Там где они не сохранились, на коже пояса имеются отчетливые их отпечатки. Сохранились также остатки нескольких более крупных бляшек на конце пояса, а также следы от подобных же украшений, расположенных крест на крест. Восстановить полностью узор, к сожалению, невозможно. Самый конец ремня в свое время, по-видимому, завершался небольшой кистью из бронзовых пластинок, сходной с кистями поясов в могильниках Прибалтики IV века³. Этот момент очень существен при решении вопроса о датировке пояса. Поясов, богато украшенных из различных сочетаний бляшек и мелких спиралей, в Кошибеевском могильнике довольно много, но пояса подобной „вышивки“ нет.

Вообще же узоры из мелких спиралей и бляшек в эту эпоху в финно-угорских памятниках были распространены широко. Но существенным является тот факт, что подобные орнаментальные мотивы существовали на территории междуречья Оки, Цны, Волги еще за много столетий до возникновения Кошибеевского могильника.

Почти все исследователи, занимавшиеся финно-угорскими могильниками, обращали внимание на сходство изделий (мотивы украшений, техника изготовления), найденных в этих могильниках, с изделиями из могильников абашевских племен, существовавших на этой территории. В виде примеров не раз указывались наборы украшений из абашевских курганов в Чувашии.⁴ Без труда можно подобрать аналогичные орна-

менты, украшавшие головные уборы-повязки, где имелись те же самые или очень близкие узоры.

Сходные украшения одежды и головные уборы встречаются и в других абашевских памятниках, например в курганах Вилловатовской группы в Марийской АССР и других местах.⁵

С памятниками абашевской культуры погребение 88 сближает и ряд таких деталей в погребальном обряде, как восточная ориентировка погребений (распространенная в абашевских курганах), наличие отдельных костей животных.

Конечно, сами по себе эти детали обряда имели широкое распространение и во времени и в пространстве, но наличие их именно в погребении 88 наряду с другими чертами абашевского обряда заставляет отнести к этому внимательней.

Интересен еще один момент. По наблюдениям исследователей, в абашевских курганах по расположению украшений можно предполагать существование еще одного типа женской одежды с особым украшением в виде нагрудника.⁶ Этот же тип костюма, по-видимому, имел место и в некоторых погребениях Кошибеевского могильника. Возможно этот тип одежды сохранился у населения в течение ряда столетий в этой этнографически пестрой среде, тем более, что пережиточные формы таких нагрудных украшений сохранились до сих пор у чуваш Шумерлинского района.

Хочется указать еще на глиняный сосуд из погребения № 20, раскопанного В.Н.Глазовым (рис. 2). Сосуд этот в виде прямой баночки имеет отогнутый наружу венчик. Подобная форма сосудов ни разу не была отмечена в финно-угорских памятниках. Наиболее близкие образцы опять-таки найдены в абашевских комплексах. Там форма сосуда с отогнутым наружу краем обычна. Наиболее близким представляется сосуд из погребения № 2 кургана №3.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что некоторые элементы культуры предшествующего времени, культуры абашевской, прослеживаются в Кошибеевском могильнике.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ У автора раскопок А.А.Спицына были сомнения в отнесении погребения к женским, и это определение дается им под вопросом. СПИЦЫН А.А. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, № 25, СПб., 1901, стр. 69.

² ТРУБНИКОВА Н.В. К вопросу о погребальном обряде и планировке Кошибеевского могильника. Тр. ГИМ., вып. 40, М., 1966, стр. 80.

³ ШМИДЕХЕЛЬМ М.Х. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955, рис. 27, 29, 34.

⁴ ЕФИМЕНКО П.П. и ТРЕТЬЯКОВ П.Н. Абашевская культура в Поволжье. МИА, № 97, М., 1961, стр. 43–96, рис. 9, 10, 12, 13.

⁵ ХАЛИКОВ А.Х. Памятники Абашевской культуры Марийской АССР. МИА, № 97, М., 1961, стр. 157–226, рис. 28, 70, 71.

⁶ ЕФИМЕНКО П.П. и ТРЕТЬЯКОВ П.Н. Указ. соч., стр. 71, рис. 19.

К ВОПРОСУ О РАННЕМ ТКАЧЕСТВЕ В ЛЕСНОЙ ПОЛОСЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

При раскопках стоянки Фефёлов Бор 1, одного из самых ранних памятников ранней сетчатой керамики в Волго-Окском междуречье, были встречены различные изделия из глины, среди которых выделяется серия керамических кружочков¹. Всего найдено 20 экз. этих изделий, из них 4 экз. целых, остальные в обломках (рис. 1). 19 кружочков сделаны из стенок сосудов, и только один изготовлен из сырой глины. Все кружочки, сделанные из стенок сосудов, сохранили сетчатые отпечатки, а два экземпляра — и орнаментацию зубчатым штампом. Размеры их колеблются в пределах 2,5—4,5 см. Законченные изделия, хорошо зашлифованные, имеют формы, близкие к кругу, гладкие края и, как правило, по два отверстия, просверленные симметрично относительно центра. Диаметры отверстий — 4—7 мм. Только один кружочек имеет одно узкое (3 мм) отверстие, просверленное точно по центру (рис. 1, 11).

Имеющиеся в нашем распоряжении кружочки позволяют реконструировать процесс их изготовления. Первоначально путем откалывания от фрагмента сосуда делалась заготовка, имеющая форму круга или квадрата со скругленными углами. Затем шлифовались края. Сверление отверстий производилось чаще всего кремнёвым коническим сверлом, однако на некоторых экземплярах отчетливо видны следы сверления трубчатой костью. Сужение отверстий в середине кружка свидетельствует о том, что сверление производилось с двух сторон. Встречное сверление, как правило, было очень точным. На кружочке, изготовленном непосредственно из глины (рис. 1, 12), отверстие не просверлено, а нанесено после легкого просушивания до обжига.

Точные аналогии описанным выше изделиям немногочисленны, хотя кружочки с зашлифованными краями, изготовленные из фрагментов сосудов, — явление довольно обычное для стоянок позднего неолита и эпохи бронзы лесной полосы Восточной Европы. Они встречены на окских стоянках (Владычинская—Береговая, Коренец I и II, Борковская I, Совка I и II, Большой лес II и другие), прикамских стоянках эпохи бронзы и на территории к северу от Волго-Окского междуречья. Однако на большинстве из перечисленных выше памятников керамические кружочки имеют по одному отверстию или совсем его не имеют. Кружочки же с двумя отверстиями встречаются исключительно в одних комплексах с ранней сетчатой керамикой — на стоянке Борковская I и стоянках Костромской низины.² Так же как и большинство подобных изделий со стоянки Фефёлов Бор I они имели хорошо зашлифованные края и по два отверстия.

Касаясь вопроса о назначении глиняных кружочков с зашлифованными краями, А. Х. Халиков предполагает, что они могли быть игрушками или же служили для заглаживания поверхности сосудов. Кружочки с двумя

отверстиями Н.Н.Гурина определяет как приспособления для скручивания, то есть сучения нитей, и дает рисунок с изображением предполагаемого способа их использования.³ По ее мнению, кружочки, имеющие одно отверстие в центре, будучи насаженными на веретеннообразное острие, могли служить маховичками. Через кружочки с двумя отверстиями пропускались нити, которые ниже скручивались в одну с помощью веретена. Не отрицая возможности использования кружочков с двумя отверстиями для сучения нитей, отметим, что в предлагаемой реконструкции непонятна роль веретена. Если кружочки с двумя отверстиями и использовались для сучения нитей, то скорее всего это производилось непосредственно руками, а веретено с пряслищем, по этнографическим данным, имело другое назначение, а именно — использовалось для пряжения.⁴

Изучение глиняных кружочков и мест их локализации на раскопанной площади стоянки Фефёлов Бор I позволяет высказать предположение об использовании их в каких-то трудовых процессах, производившихся непосредственно в жилищах. Глиняные кружочки встречены исключительно в пределах жилищ, преимущественно близ стен. В некоторых случаях удалось зафиксировать нахождение их группами на небольшом расстоянии друг от друга. Одним из трудовых процессов, который всегда производился в помещении, является ткачество. Этнографические данные свидетельствуют о том, что изготовление тканей производилось почти исключительно в зимнее время, в пределах жилища.⁵ Вышеприведенные соображения позволяют высказать предположение об использовании кружочков с двумя отверстиями на примитивных ткацких станках.

Для проверки этого предположения И.П.Чернай изготовлена модель станка, представляющая собой две неподвижные, отстоящие друг от друга планки, между которыми натянуты нити основы (рис. 2). Керамические кружочки наанизаны на нити основы таким образом, что через одно отверстие проходит одна четная, а через другое — нечетная нить основы.

Процесс ткачества складывается из двух повторяемых этапов.

1 этап. Кружочки расположены первоначально таким образом, что отверстие с нечетной нитью основы располагается сверху (1), а с четной — снизу (2). Между нитями основы пропускается уток (рис. 2,А). Нить прибавляется к планке.

2 этап. Все кружочки поворачиваются в одну сторону на 180° , при этом происходит перемена положений нити основы, получается новый зев (рис. 2,Б). Уток пропускается с другой стороны.

Периодически поворачивая кружочки на 180° и возвращая их в исходное положение с пропуском утка, можно получить ткани плотного и саржевого переплетения, а также узорные ткани путем различных комбинаций поворота кружков в различные направления. Применение подобных станков для изготовления узких полотнищ шириной 15—20 см не исключает их использование и для получения поясков, лент, шнуров. В свою очередь узкие полотнища могли сшиваться в широкие куски. Опытное моделирование процесса ткачества на станке с кружочками показало, что используя шерстяные нитки толщиной

0,5–0,8 мм можно соткать за 5 часов работы около 0,5 м ткани шириной 20 см.

Возможность использования керамических кружочков с двумя отверстиями для ткачества подтверждает реликтовое явление, наблюдавшееся этнографами в 20-х годах XX века — примитивное ткачество на дощечках.⁶ Деревянные плоские квадратные дощечки с четырьмя отверстиями в углах, через которые пропущены нити основы. Процесс ткачества заключается в последовательном переворачивании сложенных вместе дощечек через грань (на 90°) и пропусканием утка через образовавшийся зёв.

Описанные выше приемы как с использованием кружочков, так и дощечек, следует считать ткачеством, а не плетением, так как в наличии имеются все признаки ткачества — самостоятельные основа и уток, а также механическое чередование зева.

Этот прием ткачества, уходящий своими корнями в далекое прошлое, дожил до середины XX века в виде реликта древнего производственного процесса. Он не имел прогрессивного развития, и все его усовершенствование свелось к замене керамических кружочков с двумя отверстиями деревянными дощечками с четырьмя отверстиями.

По данным Н.И. Лебедевой, техника тканья на дощечках охватила громадный ареал Европы, Кавказа, Средней и Передней Азии и, что особенно интересно, широко распространена у русской мещеры, у народов Поволжья, а также у карелов, ижорцев, эстонцев, литовцев, латышей, финнов-суоми⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ФЛОМЕЕВ Б.А. Жилища стоянки Фефёлов Бор I. Сб. Археология Рязанской земли. М., 1975, стр. 236 — 252.

² Коллекция ГИМ: инвентарные №№ $\frac{10199}{\text{оп.1819}}$, ГИМ $\frac{\text{инв.86688}}{\text{оп.786}}$, ГИМ $\frac{\text{инв.103028}}{\text{оп.1865}}$, ГИМ $\frac{\text{инв.102015}}{\text{оп.1815}}$; коллекции Рязанского музея №№ 41, 462, 472;

ХАЛИКОВ А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Труды Марийской археологической экспедиции, том I, Йошкар-Ола, 1960, стр. 91, табл. 43; 10 — 12, табл. 55; 7.

ГУРИНА Н.Н. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье. МИА, 110; М., 1963, стр. 143—145;

ГУРИНА Н.Н. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР, МИА 87, М., 1961, стр. 482.

³ ГУРИНА Н.Н. 1963, стр. 145.

⁴ ЛЕБЕДЕВА Н.И. Прядение и ткачество восточных славян. Восточно-славянский сборник, М., 1956, стр. 494.

⁵ ЛЕБЕДЕВА Н.И. указ. соч., стр. 462.

⁶ ЛЕБЕДЕВА Н.И. Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки. Часть I. Народный костюм, прядение и ткачество, М., 1927 г., стр. 40—41. Н.И. Лебедева, 1956, стр. 504—506.

⁷ Там же, стр. 506.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ МОГИЛЬНИКА ХАРА ХАЯ (ИЗ РАСКОПОК 1972—73 гг.)

Одним из наиболее интересных памятников карасукской культуры является могильник Хара Хая, расположенный в южной части Хакасско-Минусинской котловины, на правом берегу реки Аскиза.

Первоначальное исследование могильника и его раскопки были произведены археологической экспедицией МГУ под руководством Л. Р. Кызласова в 1958—59 гг.¹ В 1972—73 гг. раскопки были возобновлены Карасукским отрядом Хакасской археологической экспедиции МГУ. За четыре полевых сезона на памятнике было раскопано 34 погребения карасукской культуры.²

Для более тщательного изучения могильника и его особенностей, а также для выявления возможных тайников, погребальных кострищ, остатков тризн, относящихся к погребальному обряду, памятник вскрывался сплошной площадью. Подобная методика раскопок карасукского могильника позволила выделить четыре группы пристроенных друг к другу оградок (рис. 1—3).

В первую группу входило три оградки: центральная и две пристройки (рис. 1, табл. 1).

Центральная оградка (№ 4) оказалась прямоугольной формы из довольно массивных вертикальных плит (толщина 4—5 см), плотно примыкавших друг к другу (не сохранилась лишь северо-северо-западная стенка). Плиты были врыты на глубину 0,65 м, края их, выступавшие на поверхности, были обломаны. Стенки оградки ограничивали площадь, равную 18 кв. м. Вероятно, в древности оградка представляла собой довольно массивное сооружение. В центре ее находился каменный ящик (№ 10), содержавший погребения двух мужчин в возрасте 25—30 лет.³ Как и оградка, ящик был ориентирован с северо-северо-востока на юго-юго-запад. Покрытие его составляла массивная плита (2,6x1,5 м, толщина—5—6 см) овально-прямоугольной формы, пробитая в центре. Плиты ящика, вкопанные на ребро (со сторонами: северо-западная—2,02 м, юго-западная—1 м, юго-восточная—1,8 м и северо-восточная—0,92 м) образовывали в плане трапецию с расширением к юго-западу. Они были плотно пригнаны по углам, лишь северо-западная стенка выступала за пределы юго-западной. Размеры ящика по дну—1,78x0,97 м, глубина—0,71 м.

С северо-востока к центральной оградке примыкала оградка (№ 5) мужского погребения. Площадь, образуемая ею (9,4 кв. м), устанавливается приблизительно, так как стенки почти не сохранились. Плиты сохранившихся стенок оградки были вкопаны на глубину 0,39 м. Погребение мужчины находилось в каменном ящике (№ 11), ориентированном

с востока-северо-востока на запад-юго-запад. От покрытия сохранились лишь обломки, сосредоточенные в юго-западном и юго-восточном концах ящика. Четыре вертикальные плиты (со сторонами: северо-западная — 1,6 м, юго-западная — 0,5 м, юго-восточная — 1,7 м и северо-восточная — 0,6 м) составляли его стенки и образовывали в плане трапецию с расширением в северо-восточной части. Западный угол ящика с внешней стороны был укреплен вертикальной плитой. Размеры ящика по дну — 1,6х0,6 м, глубина — 0,62 м.

Третья оградка (№ 6), содержащая два каменных ящика (№ 12 и № 13), была пристроена к юго-западной стенке оградки центрального погребения. Стенки оградки, состоявшие из вертикальных плит, почти не сохранились, поэтому площадь ее, как и у первой оградки-пристройки (№ 5), определяется приблизительно и составляет 11,2 кв.м.

Каменный ящик (№ 12) содержал погребение мужчины 50—60 лет и был ориентирован с северо-востока на юго-запад. Остатки разбитого покрытия находились в северо-восточной части ящика. Стенки его составляли 7 вертикальных плит (со сторонами: юго-восточная — 2 плиты — 0,46 м и 1,73 м; северо-восточная — 0,76 м, северо-западная 3 плиты — 1,13 м и 0,81 м и 1 м и юго-западная — 0,85 м), образовывавших в плане трапецию с расширенным юго-западным концом. Продольные стенки ящика выходили за пределы поперечных, его размеры по дну — 1,86х0,71 м, глубина — 0,62 м. В каменном ящике (№ 13) находилось погребение девушки 15—16 лет и взрослого мужчины. Массивная плита покрытия, разбитая в древности, сохранилась по краям ящика. Ориентировка и форма его совпадают с первым, только стенки его были составлены из 4 вертикальных плит (со сторонами юго-восточная — 1,6 м, северо-восточная — 0,75 м, северо-западная — 1,52 м и юго-западная — 0,76 м) и юго-восточная стенка выходила за пределы северо-восточной. Размеры ящика по дну — 1,45х0,67 м, глубина — 0,7 м.

Ко второй группе оградок, находившихся в 2 м к северо-востоку от первой, относятся два погребения (№ 15 и № 16) в оградке (№ 8). Три стенки ее состояли из множества небольших вертикальных плит (толщина 1—2 см), врытых на глубину 0,33—0,37 м, четвертая, северо-западная, не сохранилась. Оградка была вытянута с северо-запада на юго-восток и занимала площадь 10,8 кв.м. В каменном ящике (№ 15) находилось погребение подростка 15—20 лет. Ящик ориентирован с северо-востока на юго-запад. Покрытие сохранилось частично в виде нескольких плит, лежавших к юго-западу от ящика. Стенки его были составлены из 4 вертикальных плит (со сторонами: юго-восточная — 2,04 м, северо-восточная — 0,68 м, северо-западная — 1,82 м и юго-западная — 0,78), образовывавших в плане трапецию с расширенной юго-западной частью. Продольные стенки ящика выходили за пределы поперечных, его размеры по дну — 1,7х0,7 м, глубина — 0,6 м. Погребение (№ 16), также в каменном ящике, принадлежало ребенку. Ящик был ориентирован с северо-востока на юго-запад, он состоял из 4 вертикальных плит (со сторонами: северо-западная — 1,3 м, юго-западная — 0,54 м, юго-восточная — 1,27 м и северо-восточная — 0,48 м) и расширялся к юго-западу. Продольные стенки его выходили за пределы поперечных. Разбитое покрытие лежало

по сторонам ящика. Начиная с поверхности и до глубины 0,2 м, его центральная часть была забита массивными булыжниками. Размеры ящика по дну — 1,1х0,5 м, глубина — 0,6 м.

Наибольшее число пристроенных друг к другу оградок, девять, входило в третью группу, которая находилась в 4 м к северо-западу от первой (рис. 1, 2). В 1972 году была раскопана южная часть этой группы, а в 1973 году — северная.

Центральная оградка этой группы (№ 7) включала в себя два погребения: мужчины 30—40 лет в каменном ящике (№ 14) и взрослого без определения пола, в грунтовой яме (№ 21). Стенки оградки были сложены из массивных вертикальных и горизонтальных плит, большое скопление их (размером (1х1,6 м) наблюдалось у юго-западной стенки. Оградка вытянута с северо-запада на юго-восток и занимала площадь 15,2 кв.м (табл. 2). Каменный ящик мужского погребения (№ 14) находился у ее юго-восточной стенки. Он был ориентирован с северо-востока на юго-запад. Разбитое покрытие ящика оказалось сдвинутым к северо-восточному концу. Пять вертикальных плит (со сторонами: юго-восточная — 2 плиты — 1,9 м и 0,8 м, северо-восточная — 0,8 м, северо-западная — 2,1 м и юго-западная — 0,88 м) составляли его стенки и образовывали в плане трапецию с расширенным юго-западным концом. Западный угол ящика был укреплен снаружи вертикальной плитой. Размеры ящика по дну — 1,91х0,88 м, глубина — 0,65 м. На плитах покрытия и северо-восточной стенке были обнаружены изображения животных, людей и колесниц.⁴ У северо-западной стенки оградки находилось второе погребение (№ 21) в грунтовой яме. По краям ее были прослежены небольшие плитки, а в северо-восточной части лежала горизонтальная плита (1х0,5 м), вероятно, остатки разбитого покрытия.

К юго-западной стенке центральной оградки была пристроена оградка (№ 9), содержавшая погребение женщины 25—30 лет в каменном ящике (№ 17). Оградка состояла из вертикальных и горизонтальных плит, была ориентирована с северо-востока на юго-запад, также как и каменный ящик, находившийся в ее центре, и занимала площадь 7,4 кв.м (рис. 1, табл. 2). По краям ящика лежали разбитые плиты покрытия. Шесть вертикальных плит составляли его стенки (со сторонами: юго-западная — 0,8 м, северо-западная — 2 плиты — 0,88 м и 1,33 м, северо-восточная — 0,72 м и юго-восточная — 2 плиты — 1,63 м и 1,62 м) и образовывали в плане трапецию с расширением к юго-западу. Размеры ящика по дну 1,75х0,81 м, глубина 0,7 м.

В 1,26 м к юго-востоку от этой оградки находилось погребение ребенка в каменном ящике (№ 18). Оградка и покрытие ящика не сохранились (рис. 1, табл. 2). Стенки его были составлены из 5 вертикальных плит (со сторонами: северо-западная — 0,41 м и 0,35 м, юго-западная — 0,38 м, юго-восточная — 0,75 м и северо-восточная — 0,31 м), он расширялся к юго-западу. Размеры его по дну 0,7х0,32 м, глубина 0,38 м.

Следующая оградка (№ 10) детского погребения была пристроена к юго-западной стенке центральной оградки (№ 7) и к северо-западной стенке оградки (№ 9) женского погребения (рис. 1). Стенки оградки сохранились частично, она занимала площадь 1,1 кв.м. Каменный ящик

(№ 19), ориентированный с северо-востока на юго-запад, также как и оградка, находился в ее центре. Разбитые плиты покрытия были сосредоточены в северо-восточном конце ящика. Стенки его составляли 4 вертикальные плиты (со сторонами: юго-восточная — 0,93 м, юго-западная — 0,46 м, северо-западная — 0,9 м и северо-восточная — 0,45 м). Размеры ящика по дну — 0,8х0,4 м, глубина — 0,4 м. К юго-западу от этой оградки находилось пространство, ограниченное плашмя лежащими плитами (рис. 1), следов погребения здесь обнаружено не было.

К северо-восточной стенке центральной оградки была пристроена оградка (№ 11 — детского погребения, № 20) площадью 6 кв.м (рис. 1, табл. 2). Покрытие ящика составляли массивные плиты четырехугольной формы с округлыми углами (1х0,97 м), пробитые в центре. Ящик, ориентированный с северо-востока на юго-запад, был составлен из 4 вертикальных плит (со сторонами: юго-восточная — 0,82 м, северо-восточная — 0,58 м, северо-западная — 0,92 м и юго-западная — 0,63 м) и расширился к юго-западу. Размеры его по дну — 0,68х0,58 м, глубина — 1,04 м.

Северная часть этой группы, раскопанная в 1973 году, была представлена пятью оградками.

Оградка (№ 16) детского погребения, пристроенная к северо-западной стенке оградки (№ 11), состояла из сильно расщепившихся плит (рис. 2, табл. 2). Площадь оградки 1,1 кв.м. В центре ее находился каменный ящик (№ 29), ориентированный как и оградка с северо-востока на юго-запад. Покрытие его сохранилось частично. Четыре вертикальные плиты составляли стенки ящика (со сторонами: северо-западная — 0,87 м, северо-восточная — 0,29 м, юго-восточная — 0,86 м и юго-западная — 0,32 м) и образовывали в плане трапецию с расширением к юго-западу. Размеры ящика по дну — 0,71х0,3 м, глубина — 0,79 м.

Оградка (№ 17) следующего детского погребения (№ 30) почти не сохранилась, но ее расположение между оградками №№ 16, 18 и 19 дает возможность отнести ее к данной группе (рис. 2). От покрытия каменного ящика сохранились только обломки. Стенки ящика составляли 4 вертикальные плиты (со сторонами: северо-западная — 0,61 м, юго-западная — 0,38 м, юго-восточная — 0,62 м и северо-восточная — 0,35 м), которые образовывали в плане трапецию с расширением к юго-западу. Ящик был ориентирован с северо-востока на юго-запад, размеры его по дну — 0,56х0,39 м, глубина — 0,6 м.

Небольшая оградка (№ 18) площадью 2,3 кв.м следующего детского погребения (№ 31) была пристроена к оградкам №№ 7, 11 и 19, две стенки оградки почти не сохранились (рис. 2, табл. 2). От покрытия ящика остались только обломки. Стенки ящика, составленные из 4 плит (со сторонами: юго-западная — 0,57 м, северо-западная — 1,18 м, северо-восточная — 0,42 м и юго-восточная — 0,57 м), образовывали в плане трапецию с расширением к юго-западу. Глубина ящика — 0,53 м, размеры по дну — 1,15х0,6 м. Ориентировка оградки и ящика совпадала с ориентировками предшествующих оградок и погребений.

С северо-западной стороны к центральной оградке примыкала оградка (№ 19) погребения мужчины 40—45 лет. Вертикальные плиты, составлявшие ее стенки, сильно расслоились. Оградка была вытянута с северо-востока на юго-запад и занимала площадь 6 кв.м. (рис. 2, табл. 2). В центре ее находился каменный ящик (№ 32), плиты покрытия которого были разбиты и сдвинуты к северо-западной стенке. Четыре вертикальные плиты ящика (со сторонами северо-западная — 2,17 м, юго-западная — 0,72 м, юго-восточная — 2,11 м и северо-восточная — 0,7 м) образовывали в плане трапецию с расширением к юго-западу. Ориентировка ящика совпадала с ориентировкой оградки, глубина его — 0,71 м, размеры по дну — 1,7х0,6 м.

К северо-западной стенке оградки № 7 и к юго-западной стенке оградки № 19 была пристроена оградка № 20 еще одного детского погребения (№ 33) площадью 7,8 кв.м, от которой сохранились отдельные камни и горизонтальные плитки (рис. 2, табл. 2). Покрытие ящика провалилось в ящик и стояло вертикально вдоль юго-восточной стенки. Стенки ящика, составленные из вертикальных плит (со сторонами: северо-западная — 2,32 м, юго-западная — 1 м, юго-восточная — 2,75 м и северо-восточная — 0,91 м), представляли в плане трапецию с расширением к юго-западу. Оградка и погребение ориентированы с северо-востока на юго-запад. Размеры ящика по дну — 1,8х0,9 м, глубина — 0,99 м.

Последняя, четвертая группа, находившаяся в 15 м к северо-востоку от третьей, включала в себя три оградки (рис. 3, табл. 1).

В центральной оградке (№ 14) находилось погребение (№ 26) мужчины 30—35 лет в каменном ящике. Стенки оградки состояли из вертикальных плит и образовывали в плане прямоугольник площадью 18 кв.м. В центре оградки находился каменный ящик, у северо-восточной стенки которого наблюдалось большое скопление плит (1,39х1,5 м), вероятно, разбитое покрытие. Пять вертикальных плит (со сторонами: северо-восточная — 0,32 м и 0,18 м, юго-восточная — 2,29 м, юго-западная — 0,9 м и северо-западная — 2,7 м) составляли стенки ящика и образовывали в плане трапецию с расширением к юго-западу. Ящик был ориентирован с северо-востока на юго-запад, южный и западный углы его были укреплены с внешней стороны небольшими плитками, глубина его 1,21 м, размеры по дну 2,2х0,65 м.

У северо-восточной стенки оградки № 14, в 1,5 м от погребения № 26, в каменном ящике находилось погребение № 27 двух женщин в возрасте 20—30 лет (рис. 30, табл. 1). Оградка погребения прослежена не была. Массивная плита покрытия каменного ящика оказалась пробитой в центре. Ящик был ориентирован с северо-востока на юго-запад и состоял из 4 вертикальных плит (со сторонами: юго-восточная — 1,96 м, юго-западная — 0,83 м, северо-западная — 1,87 м и северо-восточная — 0,71 м), которые образовывали в плане трапецию с расширением в юго-западной части. С внешней стороны углы ящика были укреплены вертикальными плитками. Размеры ящика по дну — 1,68х0,75 м, глубина — 0,85 м.

Оградка № 15, содержащая погребение женщины 20—25 лет в каменном ящике (№ 28), была пристроена к юго-восточной стенке оградки № 14 и состояла из вертикальных плит и занимала площадь 8 кв.м (рис. 3, табл. 1). Покрытие ящика состояло из одной массивной плиты, пробитой в центре. Ящик был ориентирован с северо-востока на юго-запад. Стенки его, составленные из 4 вертикальных плит (со сторонами: юго-восточная — 2,35 м, северо-восточная — 0,79 м, северо-западная — 2,21 м и юго-западная — 0,84 м), образовывали в плане трапецию с расширением к юго-западу. Углы северо-западной стенки с внешней стороны были укреплены плитками. Размеры ящика по дну — 1,76х0,78 м, глубина — 0,76 м.

Итак, погребальные сооружения из новых раскопок могильника Хара Хая представлены системами из пристроенных прямоугольных оградок, находящихся на значительном расстоянии друг от друга. В четырех вышеописанных группах представлены оградки двух видов: центральные и пристройки. Оградки центральных погребений более массивны и занимают большую площадь (табл. 1—2). Преобладающая ориентировка их с северо-востока на юго-запад. Чаще всего в оградке находилось одно погребение, но также были встречены два погребения в одной оградке, одна из которых — центральная (оградка № 7).

Из вышеизложенного видно, что основным видом погребальной камеры в могильнике Хара Хая, как и во всех памятниках карасукской культуры,⁵ являлся каменный ящик, составленный из вертикальных плит. Только в одном случае встретилось погребение в грунтовой яме. Каменные ящики данного памятника трапецевидные с расширенной юго-западной частью, что характерно для ранних этапов карасукской культуры. Ранний этап данной культуры подтверждает и наличие парных погребений в одном ящике.⁶ Размеры погребальных камер, также как и их глубина различны. В основном стенки ящиков составлены из 4 плит, но иногда их количество доходило до 7. Покрытие во всех случаях разрушено. Ориентировка ящиков совпадает с ориентировкой оградок.

Таким образом, раскрытие могильника сплошной площадью выявило как общие признаки, характерные для погребальных сооружений карасукской культуры в целом, так и признаки, характерные для ее ранних этапов.

Особого внимания заслуживает тот факт, что во всех центральных оградках (№№ 4, 7 и 14) оказались погребения мужчин. Лишь четыре мужских погребения находились в оградках-пристройках (табл. 1—2). Возраст мужчин в центральных оградках не превышал 40 лет, что касается погребенных в пристройках, то двое мужчин оказались в возрасте старше 40 лет (табл. 1, погребение 12; табл. 2, погребение 32). Но, видимо, возраст в данном случае не играл существенной роли, вероятно, погребение в центральной оградке или оградке-пристройке зависело от иных причин; интересно отметить, что все женские погребения находились в оградках-пристройках.

Что касается детских погребений, то все они также оказались в оградках-пристройках. Среди них — массивностью плит покрытия и стенок ящика, а также площадью оградки, которая совпадает с площадью

оградки-пристройки мужского погребения № 32 (табл. 2) выделяется погребение ребенка (№ 20), непосредственно пристроенное к одной из оградок центрального мужского погребения.

Таким образом, анализ погребальных сооружений из новых раскопок раннекарасукского могильника Хара Хая позволяет судить не только об их виде, форме, размерах, и не только об устройстве самого могильника, который, видимо, состоял из групп оградок, но со всей очевидностью дает возможность говорить о начале складывания новых общественных отношений: о выделении в роде больших патриархальных семей, основу которых составляла парная семья, и о возрастающей роли мужчины, на что указывал еще С. В. Киселев,⁷ а также о возможном отсчете родства по мужской линии.

Таблица 1

ОСНОВНЫЕ ДАННЫЕ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ I, II и IV ГРУПП ОГРАДОК

Оградка					Погребальная камера								Пол, возраст погребенных	Примечание
№	форма	вид	площадь кв. м	ориентировка	№	вид	форма	ориентировка	размер по дну, м	глубина, м	кол-во плит	покрытие		
4	прямоугольная	центральной	18	СВ—ЮЗ	10	ящик	трап. расширен. ЮЮЗ	ССВ ЮЮЗ	1,78 x 0,97	0,71	4	массивная плита пробиита в центре	двое мужчин 25—30 лет	плиты оградки врыты на глубину 0,65 м
5		пристройка к оградке 4	9,4		11		трап. расширен. СВ	ВСВ ЗЮЗ	1,6 x 0,6	0,62	4	в обломках	мужчина	не сохранились СВ, СЗ стенки оградки
6		"	11,2		12		трап. расширен. ЮЗ	СВ—ЮЗ	1,86 x 0,71	0,62	7		мужчина 50—60 лет	оградка общая для 12 и 13 погребений
6		"			13				1,45 x 0,67	0,7	4		девушка 15—16 лет мужчина	

8			10,8	СЗ— ЮВ	15			1,7х 0,7	0,6	4	подросток 15—20 лет	ограда общая для 15 и 16 погребений
8					16			1,12х 0,5	0,6	4	ребенок	"
14		центр- раль- ная	18	СВ— ЮЗ	26			2,2х 0,65	1,21	5	мужчина 30—35 лет	
		не сохранилась			27	"		1,68х 0,75	0,85	4	две женщи- ны 20—30 лет	погребение расположено в 1,5 м к СВ от 26 погр.
15	"	при- стройка к огр. 14	8	СВ— ЮЗ	28	"		1,76х 0,78	0,76	4	женщина 20—25 лет	

Таблица 2

ОСНОВНЫЕ ДАННЫЕ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ III ГРУППЫ ОГРАДОК

Оградка					Погребальная камера								Пол, возраст погребенных	Примечание
№	форма	вид	площадь кв. м	ориентировка	№	вид	форма	ориентировка	размер по дну, м	глубина, м	кол-во плит	покрытие		
7	прямоуг.	центр	15	СЗ—ЮВ	14	ящик	трапец. расш. к ЮЗ	СВ ЮЗ	1,91х0,88	0,65	5	в обломках	мужчина 30—40 лет	на обломках покрыт. и стенке ящика — изобретения. Общая для 14 и 21 погреб.
7					21	яма	овал		2х1	0,88		плита в СВ части	взрослый	
9		пристроен к 7 ог.	7,4	СВ—ЮЗ	17	ящик	трапец. расш. ЮЗ		1,75х0,81	0,7	6	обломки	женщина 25—30 лет	находилась в 1,26 м от 9 огр.
	не сохранилась				18				0,7х0,32	0,38	5	нет	ребенок	

10	прямо- уг.	при- строе- на к 7 ог.	1,1	СВ— ЮЗ	19.			0,8х 0,4	0,4	4	облом- ки	
11		"	6		20			0,68х 0,58	1,04	4	массив- ная пли- та разби- та	
16		при- строе- на к 11 ог.	1,1		29			0,71х 0,3	0,79	4	облом- ки	
17	сохранились отдель- ные плиты				30	"		0,56х 0,39	0,6	4		находился между 16, 18, 19 огр.
18	"	прист. к 7,11 и 19 ог.	2,3	СВ— ЮЗ	31			1,15х 0,6	0,53	4		
19		прист. к 7,20 огр.	6		32			1,7х 0,6	0,71	4	мужчина 40—45 лет	
20.	"	пристр. к 7 и 19 огр.	7,8		33			1,8х 0,9	0,99	4	мужчина	

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ КЫЗЛАСОВ Л.Р. Хакасская археологическая экспедиция 1958 г. „Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории“, 8, Абакан, 1960; ЕГО ЖЕ. Хакасская археологическая экспедиция 1959 г. „Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории“ 9, Абакан, 1963.

² ФИЛИППОВА Е.Е., ЭРТЮКОВ В.И. О работе карасукского отряда. Сб. „Археологические открытия 1972 года“, М., 1973; ФИЛИППОВА Е.Е. Раскопки могильника Хара Хая. Сб. „Археологические открытия 1973 года“, М., 1974.

³ Определение произведено в институте антропологии МГУ И.В. Первозчиковым.

⁴ Предварительное сообщение, см. Филиппова Е.Е., Эртюков В.И. О работе карасукского отряда. Сб. „Археологические открытия 1972 года“, М., 1973.

⁵ КИСЕЛЕВ С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 66.

⁶ КЫЗЛАСОВ Л.Р. Карасукский могильник Хара Хая. СА, 1971, № 3, стр. 179; ХЛОБЫСТИНА М.Д. Каменский могильник на Енисее и Устьербинская группа карасукских памятников. СА, 1970, № 1, стр. 123–124; „История Сибири“, т. 1, Л., 1968, стр. 181.

⁷ КИСЕЛЕВ С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 67.

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА У С. КАРЦА В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

В 1975 году экспедиция Государственного Исторического музея и Северо-Осетинского музея краеведения исследовала могильник у с. Карца Алагирского района Северо-Осетинской АССР.

Здесь в 1892 году производил раскопки В. И. Долбежев, открывший в окрестностях села Карца два могильника. Один из них, названный им „Могильник у подножия бугра“, находился на территории села, второй — „Могильник на лесной поляне“ — был расположен, по сведениям В. И. Долбежева, „по левому берегу ручья Карца-дон, верстах в трех ниже по течению этого ручья, над береговым обрывом, на небольшой лесной поляне“. Материалы этих раскопок, относящиеся к рубежу и первым векам н. э., опубликованы.¹

В настоящее время по краю левого берегового обрыва р. Карца проходит дорога, соединяющая с. Карца с Куртатинским ущельем. При проведении дороги была срезана часть холма, занятого могильником. В 1974 году экспедицией В. И. Козенковой, производившей разведки в окрестностях села Карца, был обнаружен могильник, находившийся на расстоянии несколько более двух километров к востоку от села (вниз по течению реки, на левом ее берегу). Здесь, в срезе холма, образовавшемся при проведении дороги, были обнаружены остатки нескольких погребений в грунтовых ямах, заваленных крупными камнями. Погребенные были захоронены в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток или северо-восток.² Судя по всем признакам, обнаруженный экспедицией В. И. Козенковой могильник соответствует „Могильнику на лесной поляне“, открытому В. И. Долбежевым. Нами были продолжены раскопки данного могильника.

В настоящее время площадь, занятая могильником, представляет собой пологий склон отрога горы, уровень которого снижается к югу и юго-востоку. Большая часть этого отрога покрыта лесом, лишь незначительная часть его нижнего склона не имеет растительности, действительно образуя вид „лесной поляны“. Здесь, вдоль среза, в котором экспедицией В. И. Козенковой были обнаружены погребения, нами был заложен раскоп, вытянутый с В на З, длиной 10 м, шириной 3 м — на востоке, 4 м — на западе. Под дерном по всей площади раскопа проходил развал камней, по-видимому, наносного происхождения. Фактически весь слой земли от поверхности до уровня дна погребений, то есть на глубину до 1 м — 1,20 м, был насыщен камнями различных размеров. Всего экспедицией было открыто 10 погребений, совершенных в грунтовых ямах, заложенных камнями. Ямы были овальной или подпрямоугольной формы и имели небольшие размеры. Все погребения были индивидуальными, лишь в могиле № 9 найдено два скелета, причем кости одного при

захоронении второго были сдвинуты к стене. Костяки лежали в скорченном положении на правом или левом боку, головой на восток или северо-восток (В — 3 погребения, СВВ — 2 погребения, СВ — 4 погребения). При устройстве могил часто использовались имевшиеся в слое массивные камни, которые образовывали одну или две стены могилы (рис. 1, 1, 14, 28; рис. 2, 1, 9). В ряде случаев (погребения №№ 6, 7, 9) две или три стены могилы были обложены тонкими вертикально стоящими плитами (рис. 1, 14; рис. 2, 1, 3), что довольно наглядно показывает изменение погребального обряда: от сооружения каменных ящиков, характерных для горных районов Северной Осетии в раннекобанский период, до обычных грунтовых ям.

Найденный в погребениях инвентарь представлен главным образом украшениями — браслетами, булавками, привесками, перстнями, бляшками, бусами.

Браслеты найдены в 4 погребениях (№№ 1, 5, 9, 10). Обычно их надевали на обе руки погребенного, лишь в могиле № 9 найден один браслет среди сдвинутых костей скелета. В погребениях №№ 1 и 5 у погребенных было по одному браслету на каждой руке, в погребении № 10 — по два. Все браслеты бронзовые, концы их несомкнуты. Браслеты представлены четырьмя типами.

I тип — браслет из массивного круглого в сечении прута, слегка сужающегося к концам, концы обрублены — 1 экз. (погребение № 1 — рис. 1, 2).

II тип — браслеты из овального в сечении прута, концы слегка заострены (погребение № 5 — 2 экз. и погребение № 10 — 1 экз., рис. 1, 29, 30; рис. 2, 35) или уплощены (погребение № 9 — 1 экз., рис. 2, 10).

III тип — браслет из массивного овального в сечении прута, покрыт насечками (кольцевыми нарезками), концы уплощены, оформлены в виде змеиных голов (погребение № 10 — 1 экз.) — рис. 2, 34.

IV тип — браслет из согнутой вдвое проволоки, один конец в виде петли (рис. 1, 3; 2, 36, 37). В погребении № 10 обе половинки такого браслета были надеты на разные руки, половинка такого же браслета обнаружена на правой руке погребенного в могиле 1.

Браслеты этого типа известны в Закавказье уже в IX—VIII веках до н.э. (напр. в Цинкаройском могильнике Грузии).³ На северных склонах Кавказа они, очевидно, доживают до рубежа н.э. В погребении I века н.э. в с. Карца (раскопки В.И. Долбежева) найден подобный браслет из проволоки, свернутой не в два, а в три раза.⁴ Как показывают материалы раскопок В.И. Долбежева, найденные нами браслеты первых двух типов доживают в горах Северного Кавказа до первых веков н.э.⁵

То же самое можно сказать и о булавках — все найденные нами булавки находят аналогии в материалах рубежа и первых веков н.э. из раскопок В.И. Долбежева в с. Карца.

Булавки — в шести погребениях найдено 11 экз. Большие булавки часто по две (погребения №№ 1, 9, 10) лежали у шеи и на плечах. Миниатюрные булавки находились всегда у черепа, чаще всего у затылочной его части. У плеч располагались парные булавки, не обязательно

одинаковой формы, большей частью они были биметаллические: из шести таких булавок лишь одна (погребение № 9) была бронзовая, остальные имели железный стержень и бронзовое или свинцовое (?) навершие.

Найденные булавки можно разделить на 4 типа. Преобладают булавки I типа — с катушкообразной бронзовой (погребение № 1 — 2 экз.; погребение № 9 — 1 экз.; рис. 1, 4, 5; 2, 14) или свинцовой головкой (погребение № 10 — 1 экз., рис. 2, 33). Как разновидность этого типа можно рассматривать булавку из погребения № 10 с грибовидной головкой, имеющей шаровидное утолщение под шляпкой (1 экз., рис. 2, 34).

II тип. Булавка бронзовая с конической головкой и расширенным в верхней части стержнем с отверстием (погребение № 9 — 1 экз., рис. 2, 13).

III тип. Булавка биметаллическая с железным стержнем и свинцовой головкой в виде ложки; фрагмент такой булавки найден в погребении № 2 (рис. 1, 15).

IV тип. Булавки с расширенной плоской верхней частью и свернутым в трубочку концом (погребение № 4 — 1 экз. из железа, рис. 1, 25; погребение № 5 — 1 экз. из бронзы, рис. 1, 32).

В погребениях №№ 1 и 9 найдены 2 миниатюрные булавки — одна с биконической головкой (погребение № 1, рис. 1, 6); вторая с расширенным в верхней части стержнем, конец обломан (погребение № 9, рис. 2, 12).

Многие из рассмотренных булавок по форме находят аналогии в ранних материалах кобанской культуры, однако более грубый их облик и использование железа для их изготовления свидетельствуют, несомненно, о более поздней их дате. По-видимому, их можно датировать концом I тысячелетия до н.э.

Найденные в погребениях перстни и большая часть височных привесок довольно однотипны — они имеют вид спирального кольца. Перстни, найденные в двух погребениях (№№ 9 и 10), делались из проволоки, либо из узкой пластинки, свернутой в 5—7 витков (рис. 2, 16, 38). Височные привески (по две в трех погребениях — 5 серебряных и 1 бронзовая) делались из тонкой проволоки, свернутой в 1,5—2,5—3,5—4 оборота (рис. 1, 7, 8; 2, 17, 18, 39, 40). Аналогичные привески и перстни известны из материалов кобанской культуры скифского времени.⁶

Среди других привесок, найденных в Карце, имеются привески из зубов и клыков животных (погребения №№ 1 и 2, рис. 1, 13, 16), а также привеска в виде кольца из серебряной проволоки с сомкнутыми концами (погребение 3, рис. 1, 21) и фрагмент бронзовой спиральной пронизи (погребение 4, рис. 1, 26).

В погребении № 9 среди сдвинутых костей найдены 3 серебряные бляшки в виде колпачка диаметром до 1 см с двумя отверстиями (рис. 2, 11). В погребении № 1 обнаружены фрагменты серповидно-изогнутой бляшки из серебряной тонкой пластины с узором из точечных наколов с обратной стороны (рис. 1, 9) — орнамент, характерный для многих кобанских изделий скифского и более позднего времени.

В четырех погребениях найдено 2200 бусин (погребение № 1 — 178; погребение № 2 — 151; погребение № 9 — 253; погребение № 10 — 1618).

98% бус являются стеклянными одноцветными. Среди них преобладают мелкие округлых форм, как исключение встречаются биконические, цилиндрические и уплощенно-овальные (рис. 1, 10, 18; 2, 26, 28), в основном зеленого и синего цветов, реже желтого и белого. В погребении № 10 найдено большое количество (1594 шт.) бус неправильно-округлой формы желтого, черного и белого цвета (рис. 2, 31), которыми был усыпан весь костяк. Такие бусы характерны и для многих других погребений Карцы, раскопанных В. И. Долбежовым.⁷ Среди одноцветных бус встречаются бусы с металлической прокладкой (погребения №№ 1 и 2 — 156 шт., или 7%), округлой и биконической формы (рис. 1, 11, 17). Многоцветных бус мало (8 экз., или 0,4%), в основном синие с белыми глазками (рис. 1, 12; 2, 29), есть полосатые (рис. 2, 29). В двух погребениях (№№ 9 и 10) найдены гешировые бусы (36 экз., или 1,6%) в форме цилиндров (рис. 2, 30) и овальных привесок (рис. 2, 25).

В погребении № 5 найдена железная пряжка в виде узкой овальной пластины с отогнутыми концами, образующими крюки. По обеим сторонам пластины имеются по три симметричных выступа в виде плоских спиральных кружков (стилизованные рога барана), (рис. 1, 31). Эта пряжка очень близка по форме пряжкам скифского времени из Чечено-Ингушетии, которые, однако, имеют не по три, а по два симметричных выступа и являются, по мнению Р. М. Мунчаева, характерной особенностью памятников восточной группы позднекобанской культуры, преимущественно памятников Ассинского ущелья.⁸

В трех погребениях (№№ 5, 7, 9) найдены железные ножи. Они имеют серповидно-изогнутую форму (рис. 2, 4, 20) или прямое лезвие с изогнутой спинкой (рис. 1, 33).

В погребении № 9 найдено 2 железных втульчатых наконечника стрел: трехгранный с узкой головкой и трехлопастной (рис. 2, 15).

Среди погребального инвентаря наибольший интерес вызывает керамика, ранее неизвестная из комплексов горных районов Северной Осетии этого времени. Погребения содержали в среднем по 2—3 сосуда: большой безручный сосуд, миску и в ряде случаев миниатюрную плоскую мисочку. Вся керамика плохого обжига и очень плохой сохранности. Изготавливались сосуды, очевидно, на подставке, на внутренней поверхности многих сосудов имеются следы вращения. Большие сосуды имеют округлое тулово, цилиндрическое горло и отогнутый венчик. На верхней части тулова — орнамент в виде горизонтальных прямых линий (рис. 1, 35; 2, 7). У сосуда из погребения № 3 на горле и широкой части тулова — горизонтальные канелюры (рис. 1, 23), у сосуда из погребения № 9 — резные линии, канелюры и волнистые линии, нанесенные палочкой (рис. 2, 24). В погребении № 4 найден большой горшкообразный сосуд с орнаментом из беспорядочных горизонтальных линий (рис. 1, 27).

Большинство мисок однотипны — с загнутым внутрь косым бортиком. Различаются они только соотношением диаметров горла и дна (1:1; 1,5:1; 2:1, рис. 1, 19, 22, 34; 2, 6). У мелких мисок диаметр дна приблизительно равен горлу, стенки выпуклы (рис. 2, 22, 23). В погребении № 10 найдена грубая миниатюрная лепная мисочка с неровной поверхностью и с почти

прямыми стенками (рис. 2, 41). В двух погребениях (№№ 6, 9) найдены миски с петлевидной ручкой, начинающейся от края, миска из погребения № 6 — тонкостенная с округлым дном и прямым бортиком (рис. 2, 21).

Вся керамика довольно своеобразна, особенно безручные сосуды. Что касается мисок, то, имея специфические особенности в разных районах, они являются характерной принадлежностью погребений скифского времени на Северном Кавказе (Нестеровский и Луговой могильники, погребения у с. Закуты, Моздокские могильники и другие). Близким к инвентарю погребений скифского времени равнинных районов является и набор сосудов в могиле. Тот же комплект — большой сосуд, миска и миниатюрная мисочка — мы видим и в погребениях скифского времени моздокских и Нижне-Джуглатского могильников,⁹ правда там этот набор в большинстве случаев дополнялся кувшинчиком с биконическим туловом.

Однако, несмотря на сходство и отмеченные при разборе инвентаря некоторые параллели в материалах погребений скифского времени (спиральные привески и перстни, железная пряжка), вряд ли открытые нами погребения можно датировать скифским временем. Общий характер инвентаря указывает, по-видимому, на более позднюю их дату (грубый облик биметаллических булавок, набор бус, мало характерный для погребений скифского времени и т. д.).

Погребения, раскопанные В. И. Долбежевым на этом могильнике, датируются I—III веками н. э.¹⁰ Все исследованные им костяки имели северную ориентировку, из четырех раскопанных погребений одно содержало вытянутый на спине костяк, два — вытянутые на боку и одно — скорченное на боку.

Заложенный нами раскол расположен выше по склону горы, поскольку часть могильника шириной до 20 м, занимающая нижнюю часть холма, была срезана при проведении дороги. Все исследованные нами погребения, которые позволяют проследить положение скелета, содержали скорченные захоронения, преимущественно с восточной ориентировкой. Наличие ряда погребений с северо-восточной ориентировкой подтверждает, по-видимому, наметившуюся тенденцию к смене широтной ориентировки на меридиональную, характерную для первых веков. Раскопки показали, что погребения, расположенные выше по склону холма, имели более раннюю дату. Погребения в южной части раскопа (у среза дороги — погребения №№ 1, 2) были, очевидно, более поздними (почти отсутствовала облицовка стен могил плитами, только в этих погребениях найдены бусы с внутренней позолотой). Однако и эти погребения не содержали инвентаря, столь характерного для всех могил первых веков нашей эры из раскопок В. И. Долбежева (зеркала-привески, фибулы). Поэтому, несмотря на то, что исследованные погребения не содержат хорошо датированного материала, можно, по-видимому, все открытые комплексы отнести ко второй половине I тысячелетия до н. э., скорее всего к III—I векам до н. э.

Рассмотренные материалы свидетельствуют об устойчивости местных кобанских традиций в горных районах Северного Кавказа и отражают постепенное изменение черт погребального обряда и характера инвентаря.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ДОЛБЕЖЕВ В.И. Журнал раскопок, произведенных в Терской обл. в 1892 г. Архив ЛОИА, ф. 1, д. № 16 за 1892 г., стр. 24 (52). М.П.Абрамова. Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и первых веков н.э. Сб. Археологические исследования на юге В.Европы, М. 1974, стр. 3 и след.
- ² КОЗЕНКОВА В.И., КАНТЕМИРОВ Э., ЧЕРЕПОВСКАЯ О.В. Работы Северо-Кавказского отряда. АО 1974 г., М., 1975, стр. 112.
- ³ МЕНАБДЕ М.В., ДАВЛИАНИДЗЕ Ц.О. Могильники Триалети, каталог, 1, Тб, 1968 (на груз. яз.), табл. 1,1; IV, 166; VII, 313.
- ⁴ АБРАМОВА М.П. Указ. соч., табл. VII, 16.
- ⁵ Там же, табл. V, 24—28.
- ⁶ МУНЧАЕВ Р.М. Луговой могильник. Древности Чечено-Ингушетии, М., 1963, стр. 139 сл., рис. 12, 6, 7; 17, 11—14; 22, 8—12.
- ⁷ АБРАМОВА М.П. Указ. соч., стр. 15—16.
- ⁸ МУНЧАЕВ Р.М. Указ. соч., стр. 206—207, рис. 2, 14.
- ⁹ АБРАМОВА М.П. Погребения скифского времени Центрального Предкавказья, СА.М., 1974, № 2, стр. 195, 205.
- ¹⁰ АБРАМОВА М.П. Памятники горных районов..., стр. 19.

ОБРАЗ ЛОСЯ В ИСКУССТВЕ ЛЕСОСТЕПНОЙ СКИФИИ

Изображение лося является одним из распространенных сюжетов скифского звериного стиля. Мотив этот впервые представлен на костяных пластинах конской узда конца VII века до н. э., найденной в кургане близ с. Жаботин Черкасской области в 1899 году. Описание и анализ этих сюжетных композиций даны М. И. Вязьмитиной и М. И. Артамоновым.¹ Сцена рождения детеныша уникальна для скифского искусства, она нигде более не повторяется и, вероятно, обязана своим появлением еще живым воспоминаниям о древневосточных представлениях, связанных с идеями плодоносящих сил природы.

Показательно, что свой замысел мастер не смог воплотить достаточно четко. Передача сюжетной сцены практически невозможна в скифском зверином стиле, где художник имеет дело с ограниченным набором установившихся схем, на определенной плоскости.

Иконографически образ лося на пластинах еще не сложился. Особенно это заметно в разнообразии трактовок рогов и горбатой морды животного. Отсутствуют характерные черты в подаче фигуры. В одних случаях мастер исходил из схемы „летающего” оленя, в других копировал позу горного козла, пытаясь превратить рога в подобие гривы. Оригинальна только поза привставшего лося.

Изображения выполнены гравировкой на плоскости и даны в контурном силуэтном рисунке. Это сближает их с изображениями оленей на костяной пластине из бескурганного погребения, найденного при раскопках Константиновского поселения Ростовской области, где животные представлены в тех же двух позах.² Однако рисунки на жаботинских пластинах кажутся более отработанными, а трактовка фигур — единой. Уже нет своеобразной эскизной манеры рисунка, появились орнаментальные элементы, отражающие более высокую степень декоративной стилизации. Отмечаются робкие попытки рельефной передачи ноздрей и пасти в том условном виде, который станет стандартом для изображений VI века до н. э. Однако в целом техника скульптуры чужда жаботинскому мастеру. Это особенно заметно на парных бляхах, дающих полную возможность вырезать изображения по контуру с последующей рельефной проработкой. Но мастер предпочел оставить вдоль контура полоску чистого поля, словно подчеркивая приверженность графическому рисунку.

Думается, что изображения лосей на жаботинских пластинах и оленей на константиновской представляют единую стилистическую группу в раннеархаическом зверином стиле.³

В VI веке изображения фигур лосей не известны. Не совсем ясным остается вопрос об изображениях отдельных головок на костяных пластинчатых псалях. Среди них есть серия рисунков головок с вытянутой

мордой и длинным прижатым ухом. Эти головы В.А.Ильинская принимает за лошадиные, а Б.А.Шрамко — за лосяные.⁴ Отсутствие четко выраженных видовых признаков лося при устойчивой иконографии и массовом изготовлении таких изображений заставляет нас пока придерживаться точки зрения В.А.Ильинской. Но тем не менее, попытки передачи образа лося на тех же псалиях несомненно имели место.

Лосяные черты отчетливо проступают у некоторых головок баранов с сильно вытянутой мордой, опущенным носом и толстой, отвисающей нижней губой, которых правильнее будет называть лосе-баранами.⁵ Мотив лосяной головки можно предполагать и в ряде других случаев.⁶

Разнообразие образно-стилистических решений, использование принятых в то время приемов изображений других животных (олени, горного козла, барана) показывает, что художники лесостепи в VII—VI веках до н.э. не смогли создать законченную иконографию рассматриваемого нами мотива. Сложным оказалось, в частности, создание лаконичного контура морды и рогов, выявляющих в условно-обобщенных формах наиболее характерные видовые признаки лося.

Эта трудность преодолена в начале V века до н.э. и, прежде всего, при изображении отдельной головки. Целые фигуры лося также появляются в это время, но число их невелико. Выделяется известный бронзовый налобник из кургана близ с. Журовки в Среднем Поднепровье, увенчанный рельефной фигуркой лежащего лося.⁷ Удачно выполнена голова с типичной для лося тяжелой, горбоносой мордой и короткими ветвистыми рогами. Найдено положение пасти, гармонично вписывающейся в изогнутый контур носа. Огромный круглый глаз притягивает внимание зрителя, а откинутае назад ухо и энергичный поворот могучей головы создают впечатление экспрессии, наполняя образ внутренней силой. В целом трактовка фигуры не отличается от принятого изображения оленя в V веке до н.э. Примечательно пластическое решение, построенное на контрастном сопоставлении нескольких гладких плоскостей с резкими четкими контурами. Эта манера моделировки тела животного типична для целой группы произведений конца VI — начала V века до н.э., выполненных в технике литья.⁸ Это подтверждает датировку журавского лося I четвертью V века до н.э.⁹ Строгая профильность, орнаментальные приемы трактовки ног в сочетании с четкой рельефной моделировкой тела, круглый глаз — все это признаки собственного скифского, традиционного направления зооморфной стилизации.

По этой же схеме построены фигурки лосей на серии мелких бляшек.¹⁰ Однако выполнены они более схематично, хотя относятся к I половине V века до н.э. Видовые признаки опять отчетливее всего выражены в трактовке головы, увенчанной симметричной короной рогов с 4 зубцами-отростками. Изящная прорезь рта получила окантовку в виде примитивной скобки. Пара сходных бляшек из Ольвии показывает более мягкую моделировку тела, натуралистический рисунок пасти и глаза, более естественное положение ног.¹¹ Одна из них, найденная с материалом VI — нач. V века до н.э., композиционно стоит близко к журавскому лосю, тогда как другая лучше сопоставляется с мелкими

бляшками. Отмеченные стилистические особенности не позволяют нам согласиться с мнением А.И.Фурманской об ольвийском производстве лесостепных изображений.¹² Показательно полное отсутствие в лесостепи золотых бляшек в виде лежащего лося с повернутой назад головой и козлиным рогом, изготавливавшихся, судя по топографии находок на Боспоре.¹³ На наш взгляд, это так же свидетельствует в пользу местного производства большинства лесостепных изображений лося.

Более многочисленны изображения головки лося. Они позволили Г.Боровке сделать вывод о независимом характере этого мотива в скифском искусстве.¹⁴

Выразительный контур с опущенным горбатым носом и ажурной, свисающей нижней губой — характерные приемы изображения пары головок старых лосей на известной жуrowsкой пряжке.¹⁵ Сравнение этого изображения с рисунком морды лосе-баранов VI века до н.э. показывает не только завершение поиска характерного силуэта головки, но и полный отказ от принятого для архаики условного стандарта рельефной передачи ноздрей и пасти. Стремление к более естественному пониманию образа сочетается с линейно-орнаментальными приемами трактовки уха, слезника и ноздри. Этот типичный момент стилизации изображений V века до н.э. отражает существенный сдвиг в художественном мироощущении скифов.¹⁶

Композиции из двух сопоставленных лосиных головок широко распространены на Алтае, там они появились еще в VI веке до н.э.¹⁷, тогда как жуrowsкая пряжка относится уже к началу V века до н.э. Правда подобное изображение двух головок баранов представлено на ольвийской крестовидной бляхе из погребения рубежа VI—V веков до н.э.¹⁸ В широком плане жуrowsкую пряжку можно рассматривать как один из вариантов геральдических или антитетических (по М.И.Ростовцеву) композиций, обычных для персидского и грековосточного искусства, откуда они и проникли в скифо-сакский мир.

Тем же приемом, но в более строгой манере выполнены головки лосей на другой пряжке из Журовки и на псалии из кургана 522 близ города Смелы.¹⁹ Возможно, с ними надо сопоставлять и голову на костяной ложке из поселка Шелковая, хотя сама ложка типична для савроматов.²⁰

Более схематично и обобщенно тот же сюжет представлен на серии бронзовых бляшек из курганов I половины V века до н.э.²¹ Горбатый нос согнут под прямым углом, а фигурная прорезь пасти получила обрамление прямоугольной скобкой. При всей условности видовые признаки лося выражены четко, а лаконизм исполнения напоминает жуrowsкие головки. Однако исходный образец надо искать среди изображений, подобных костяным головкам из Кургана близ города Чигирина.²² Результатом схематизации орлиной головки чигиринской бляшки могло явиться изображение на шее посульских лосей скобки-запятой.

Иначе смотрится орлиная головка на самой чигиринской бляшке, где подчеркивается ее декоративно-орнаментальное назначение и наблюдается смешение различных деталей тела животного. Видимо, в угоду внешней

декоративности искажены пропорции самой лосиной головки. Прием размещения на шее животного орлиной головки появляется на рубеже VI—V веков до н.э. и характерен для произведений V века, преимущественно скифо-греческого течения.²³ В связи с этим не случайно, видимо, наличие в том же чигиринском наборе изображений львов в скифском стиле, ольвийское происхождение которых вполне вероятно.²⁴ В отличие от зооморфных „превращений“ лап, рогов, хвостов и лопаток животных, размещение головки на шее является проявлением чисто внешнего оформления. Тот же принцип зооморфной орнаментации основного изображения мы видим позднее на кульобском олене.

Декоративные принципы трактовки этого сюжета ярко выражены у серии головок лосей с рогами. Типично-условно-орнаментальное изображение серповидных рогов, оба отростка которых оформлены в виде длинноклювой птичьей головки, и расположенной между пальметкой. В моделировке самой головки наблюдается больше разнообразия. На бляхах из кургана 459 у с. Турья шея лоса украшена львиной гривой, такой же, как у нимфейских головок, а морда — рельефным узором из нескольких волот, окружающих пасть и ноздрю.²⁵ Глаз, выполненный в реалистической манере по греческим образцам, является как бы клеймом мастера, свидетельствующим о скифо-греческом характере данного художественного решения. В таком виде оно пришлось не по вкусу среднедонскому мастеру, который на бляшке из кургана 4 „Частых“ из всего убранства головки оставил только упрощенный вариант „гривы“, придав морде более естественный вид, несколько напоминающий оленя.²⁶

В композиционном и стилистическом плане довольно близка турьинским одна из нимфейских головок.²⁷ Но однорогастый рог дан там в той же схеме, что и у золотых фигурок лосей боспорского круга.

Несколько проще решен образ на бляхе из кургана 401 у с. Журовка.²⁸ Рога, ухо, две пальметки образуют одну пышную декоративную корону, венчающую лоб и затылок головки. Морда остается гладкой и довольно плоской с чуть намеченным бортиком на шейном обреше. Своеобразно выглядят два зуба в ажурной прорезной пасти, отдаленно напоминающие некоторые зубастые головки савроматских грифонов.²⁹ Еще более странной кажется нависающая над носом полоска. Повторение ее имеется на более упрощенной бляхе из кургана 2 у с. Борзна.³⁰

Журовский вариант трактовки лосиной головки доживает, судя по бляхе из кургана у с. Грищенцы, до конца V века до н.э.³¹ Именно с этим вариантом сопоставляется большинство степных изображений 2—3 четверти V века до н.э.³² Уже Г. Боровка отметил для крымских и прикубанских экземпляров более плавный изгиб носа.³³ Действительно, при большой близости в трактовке сюжета в каждом случае есть мелкие отличия, заставляющие предполагать независимое производство степных и лесостепных блях этого вида.

Та же схема лосиной головки использована и на бронзовой бляхе из кургана 198 у с. Б. Яблоновка, которую В. Г. Петренко относит ко 2 пол. V века до н.э.³⁴ Более естественная форма рогов, сходная с трактовкой рогов целого лоса на журавском налобнике, заставляет нас

удревнить дату до 1 половины столетия и рассматривать яблоновский экземпляр как особый вариант изображения лосиной головки. Своеобразную аналогию дает головка на бляхе колчана из кургана у с. Н. Розановка на Ингуле.³⁵

Совершенно искаженная лосиная головка помещена на лопатке аксютинецкого оленя.³⁶ Это редкий случай использования мотива в качестве средства зооморфных „превращений“. На том же месте помещены головки лося на изображениях стоящего оленя из д. Дубовой и свернувшихся в кольцо хищников из кургана Кулаковского в Крыму.³⁷ На наш взгляд, это указывает не только на связь этого приема с произведениями скифо-греческого круга, но и на вероятное использование его мастерами одного, боспорского художественного производственного центра.

К началу IV века до н.э. относятся бляхи от узды из кургана у села Кошеватое.³⁸ Сохраняя некоторые старые черты декоративной трактовки образа (полоса шерсти на шее, ухо, крупный глаз, раздвоенные центрированные рога), они показывают значительную схематизацию и огрубление исходных форм. Жесткие, резкие линии, какая-то механическая симметрия ажурных контуров напоминают манеру исполнения некоторых золотых бляшек из кургана 4 у с. Новоселки.³⁹

Из кургана 4 у с. Новоселки происходит золотая начельная лента, орнаментированная в верхнем ряду восемью головками лосей, а в нижнем — плетенкой, типичной для ряда аналогичных украшений богатого головного убора IV—III веков до н.э.⁴⁰ Видимо, на этом основании Н.А. Онайко относит ее к боспорским изделиям.⁴¹ Оформление новоселковской ленты рядом лосиных головок вместо обычных сцен борьбы и терзаний животных или растительных композиций не находит аналогий. Сами головки имеют уже мало общего с предыдущими изображениями, выполнены они в условной, декоративной манере. Их образно-стилистическое решение во многом подчинено ритмическим и пластическим требованиям орнаментального ряда, хотя видовые признаки выражены ясно и четко, даже с какой-то претензией на натуралистичность.

Наконец, изображения отдельной головки лося имеются на 8 золотых бляшках местной работы из курганов II (1906 г.) и 5 (1908 г.) Мاستюгинского могильника.⁴² Их положение между ног пары геральдических грифонов красноречиво свидетельствует о второстепенной роли этого мотива в IV—III веках до н.э. Прimitивно-натуралистическая манера исполнения напоминает о своеобразном стилистическом направлении в искусстве Среднего Дона.⁴³

Таким образом, изображения лося в виде целой фигуры или отдельной головки широко представлены в лесостепной Скифии. Хотя этот мотив появился еще в конце VII века до н.э., но его образно-стилистическое становление происходит только в начале V века; к этому столетию относится большинство изображений.⁴⁴ Оформляется несколько видов лосиной головки с устойчивой иконографией, применявшихся преимущественно на уздечных, панцирных и колчаных бронзовых бляхах. В манере стилизации заметно два направления: условно-реалистическое и

орнаментально-декоративное. На наш взгляд, они отражают существование в скифском зверином стиле V века двух течений: традиционно-скифского и скифо-греческого.⁴⁵ В IV веке до н.э. рассматриваемый мотив прекращает свою жизнь. Художественный уровень немногочисленных изображений падает, они приобретают более схематизированный и примитивный характер.

Отсутствие в архаический период четкой иконографической разработки образа лося показывает, что этот мотив не был исходным в скифском зверином стиле, а лесостепное Поднепровье не являлось местом сложения основных схем этого стиля. Только оформление в V веке до н.э. отработанной схемы отдельной головки создало условия для широкого распространения этого мотива в искусстве как лесостепной, так и степной Скифии. Тем не менее нигде в соседних районах образ лося не имел такого значения, как в лесостепи. В степном Причерноморье и Прикубанье нам известно не более 30 изображений, относящихся к V—IV векам до н.э. У ананьинских и савроматских племен они исчисляются единицами. О самостоятельном характере разработки этого образа в зверином стиле лесостепи свидетельствует в известной мере и факт воспроизведения этих изображений VII—V веков до н.э. только в кости и бронзе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ВЯЗЬМИТИНА М.И. Ранние памятники скифского звериного стиля. СА, М., 1963, 2, стр. 158—159; АРТАМОНОВ М.И. Происхождение скифского искусства. СА, М., 1968, стр. 37—40.

² КИЯШКО В.Я. Раскопки Константиновского поселения. АО 1968, М., 1969, рис. на стр. 107.

³ ШКУРКО А.И. Скифское искусство звериного стиля (по материалам лесостепной Скифии). „Музейное дело в СССР. Труды“, М., 1977, стр. 99.

⁴ ИЛЬИНСКАЯ В.А. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля. СА, М., 1965, I, стр. 89 и сл.; ШРАМКО Б.А. К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей степной и лесостепной Скифии. МИА, № 177, М., 1971, стр. 101, 102.

⁵ Смела, III, табл. VII, 2; ИАК, вып. 17, 1905, стр. 87, рис. 131; ИЛЬИНСКАЯ В.А. Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев. 1968, табл. XIII, 17 и XIV, 19.

⁶ ШКУРКО А.И. О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии. „Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии“, М., 1976, стр. 92, рис. 1, 16, 17.

⁷ ИАК, вып. 14, 1905, стр. 24, рис. 67.

⁸ АРТАМОНОВ М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага—Ленинград, 1966, рис. 25, 30, табл. 74, 77; G. BOROVKA. Scythian art. London, 1928, табл. 3, Д, 15, В, С.

⁹ G. BOROVKA. Указ. соч., стр. 37.

¹⁰ ШКУРКО А.И. „О локальных различиях в искусстве лесостепной скифии“, стр. 101, рис. 3, 3, 4; ИАК, вып. 60, стр. 5, рис. В.

¹¹ ЛЕВИ Е.И. К вопросу об ольвийской агоре. СА, М., ХХІ, 1954, стр. 336, рис. 15,1; фон-ШТЕРН Э. Из жизни детей в греческих колониях на северном побережье Черного моря. „Сборник археологических статей, поднесенных графу А.А. Бобринскому“. СПб., 1911, стр. 23, табл. 1.

Эту пластическую манеру показывают также свернувшиеся в кольцо пантеры ольвийского типа (А.И. Шкурко. „Об изображении свернувшегося в кольцо хищника в искусстве лесостепной Скифии“. СА, М., 1969, I, стр. 36).

¹² ФУРМАНЬСКА А.Ј. Бронзоливарне ремесло в Ольвії. „Археологія“, XV, 1963, стр. 61 и след.

¹³ Нимфей, курган 17 (Л.Ф. Силантьева. МИА, № 69, 1959, стр. 44, рис. 38, 8—10); Малые семибратние (ОАК за 1880 г., стр. 97, атлас, табл. IV, 12); район Майкопа (G. Borovka, указ. соч., табл. 3, С); Солоха (ОАК за 1913—1915 гг., стр. 114, рис. 186); Куль-Оба (ДБК, текст I, стр. 154, атлас, табл. XXII, 17).

¹⁴ G. BOROVKA, Указ. соч., стр. 37.

¹⁵ ИАК, вып. 14, стр. 26, рис. 59.

¹⁶ ШКУРКО А.И. Скифское искусство звериного стиля, стр. 101, 102, 112.

¹⁷ РУДЕНКО С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1960, стр. 265, рис. 136, г, д, е, ж, н; стр. 303, рис. 154, д.

¹⁸ КАПОШИНА С.И. О скифских элементах в культуре Ольвии. МИА, № 50, М.—Л., 1956, стр. 173, 175, рис. 16.

¹⁹ ИАК, вып. 14, стр. 13, рис. 24; ИАК, вып. 54, 1914; стр. 101, рис. 4.

²⁰ ШРАМКО Б.А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962, стр. 208, рис. 79.

²¹ ИЛЬИНСКАЯ В.А. Скифы днепровского лесостепного Левобережья стр. 131, табл. X7; табл. XXVIII, 11; ЛИБЕРОВ П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. САИ, вып. Д1—31, М., 1965, табл. 24, 2.

²² G. BOROVKA. Указ. соч., табл. 32, Е.

²³ ПЕТРЕНКО В.Г. Бронзовая бляха с головой грифона. КСИА, 89, 1962, стр. 54—56, рис. 19, 20; КАПОШИНА С.И. Указ. соч., стр. 186, рис. 24, 2—4; ОНА ЖЕ: Памятки скіфського звіриного стилю. АП УРСР, т. VII, Київ, 1958, табл. 1, 1; ГРАЧ Н. Львиная головка из раскопок Мирмекия. Сообщения ГЭ, XX, 1961, стр. 49; G. BOROVKA, Указ соч., табл. 11, А, XXII, В; ЛЕСКОВ А.М. Новые сокровища курганов Украины. Л., 1972, илл. 12.

²⁴ КАПОШИНА С.И. Памятки скіфського звіриного стилю, стр. 99, табл. 11, 1, 5.

²⁵ ИАК, вып. 20, 1906, стр. 7, рис. 5; АРТАМОНОВ М.И. Сокровища..., рис. 40.

²⁶ ЛИБЕРОВ П.Д. Указ. соч., рис. 2, 195.

²⁷ ЧЕРНЕНКО Е.В. Погребения с оружием из некрополя Нимфея. „Древности Восточного Крыма“, К., 1970, стр. 195, рис. 3.

²⁸ ИАК, вып. 14, стр. 15, рис. 33.

²⁹ СМЕРНОВ К.Ф. Савроматы. М., 1964, стр. 218, рис. 13, 6, в, г, рис. 77, 25.

³⁰ ИЛЬИНСКАЯ В.А. Скифы днепровского лесостепного Левобережья, табл. XXXI, 11.

³¹ ПЕТРЕНКО В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н.э. САИ, Д1—4, 1967, табл. 31, 9.

³² Нимфей, курганы 1, 32 (Силантьева Л.Ф. Указ. соч., стр. 84, рис. 47, 5, стр. 85, рис. 48, 3); Малые Семибратные (G. Bogovka, указ. соч., табл. 5, B); Кара-Меркет (ГЭ, кр. 1885/45); г. Жданов, курган 7 (Черненко Е.В. Скифські кургани V ст. до н.е. поблизу м. Жданова. „Археологія“, XXIII, 1970, стр. 180, рис. 2, 4).

³³ G. BOGOVKA, Указ. соч., стр. 38.

³⁴ Смела, II, табл. IV, 5; Петренко В.Г. Указ., соч., стр. 94, табл. 31, 5.

³⁵ ШАПОШНИКОВА О.Г. Погребение скифского воина на р. Ингул. СА, 1970, 3, стр. 212, рис. 5.

³⁶ Смела, II, табл. XXI, 3.

³⁷ G. BOGOVKA, Указ. соч., табл. 3 A; АРТАМОНОВ М.И. Указ. соч., рис. 24, табл. 78.

³⁸ ПЕТРЕНКО В.Г. Указ. соч., стр. 94, табл. 31, 1.

³⁹ A. BYDŁOWSKI. Mogiły w Nowosiółce w Lipowieckim gub. Kijowskiej „Swiatowet“, t. V, 1904.

⁴⁰ БОРОВКО Г.Н. Женские головные уборы Чертомлыцкого кургана. ИРАИМК, т. I, М., 1921, стр. 169; ОНАЙКО Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н.э. САИ, вып. Д1—27, М., 1970, стр. 34, табл. XXXIV, 447; XXXV, и; XXXVII, 787A, 791, 789.

⁴¹ Там же, стр. 116.

⁴² ОАК за 1905 г., стр. 96, рис. 119, 8; ИАК, вып. 43, 1911, табл. 1, 14.

⁴³ ШКУРКО А.И. О локальных различиях..., стр. 100.

⁴⁴ ШКУРКО А.И. Скифское искусство..., стр. 98, табл. 1.

⁴⁵ Там же, стр. 101, 102.

СЕМАНТИКА И НАЗНАЧЕНИЕ НЕКОТОРЫХ АМУЛЕТОВ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н.Э. ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

Для культовых представлений населения юго-западного Крыма первых веков н.э. характерен дуализм, то есть деление всех мировых явлений на две группы: 1) силы, благожелательные для человека, куда входят культы плодородия, объединяющие культ Великой богини-матери, солнца, домашнего очага, растений, земли и воды; 2) силы враждебные, против которых нужна магическая защита посредством различных апотропеев. Им и посвящается настоящая статья.

Желание облегчить родственнику путешествие „на тот свет“, сделать его пребывание там безопасным и безвредным — цель, которой был подчинен весь погребальный ритуал: устройство могилы, а также положение пищи, личных вещей, амулетов-оберегов, приношений от близких.

Некоторыми из них человек пользовался еще при жизни: бусы, перстни с геммами, браслеты со змеиными головками, различные подвески; другие предназначались только для мертвых. Это колокольчики, ладанки, курильницы, возможно, ажурные бронзовые привески и кольца с шишечками.

Предметы магического характера привлекали многих исследователей, которые на основании этнографических параллелей и письменных источников пытались осмыслить их назначение и происхождение;¹ их работы посвящены либо древнегреческим амулетам и указывали их назначение согласно греческим религиозным традициям, либо касались научного осмысления этнографического материала. При публикации синхронных материалов описания амулетов приводились суммарно, а тем более редко делались попытки объяснить их назначение. За последние годы в печати появились статьи, в которых делается семантический разбор отдельных предметов, однако ни хронологически, ни топографически не связанных с рассматриваемым материалом.² Таким образом, характеристика амулетов крымских могильников первых веков н.э., их смысловой сюжет, значение, которое они имели в культовых представлениях сельских жителей, нами делается впервые.

По словам К. Маркса, „Каждая вещь есть совокупность многих свойств, и поэтому может быть полезна различными своими сторонами.“³ Вследствие этого, назначение каждого амулета нелегко разграничить. Зачастую один и тот же предмет нес разнообразную нагрузку, поэтому описание дается по группам, связанным функциональной общностью, и выделяются те стороны, благодаря которым предмет использовался как амулет.

В первую группу нами включены бусы из янтаря, сердолика, гешира, египетского фаянса — по количеству и разнообразию материала самая

значительная часть погребального инвентаря; они использовались как украшение и как обереги.

С глубокой древности с драгоценными камнями связано представление об их магической силе, способной влиять на судьбу человека, ограждать его от таинственных враждебных сил.

У народов Кавказа и Средней Азии до настоящего времени они являются одним из самых распространенных охранительных средств. Культовое значение бус в крымских могильниках указанного времени продиктовано материалом, из которого они сделаны, а иногда так же их формой.

Применение янтаря известно с III тысячелетия до н.э. Геродот, Теофраст, Плиний свидетельствовали о том, что в Скифии встречаются „золотые горящие камни“. Издавна янтарь считался камнем, излечивающим болезни.

О целебных свойствах янтаря знали и восточные ученые Ибн Сина и Бируни.⁴ Последний в трактате „Собрание сведений о познании драгоценностей“ говорит о камнях, которые отвращали от „дурного глаза“, называя в их числе янтарь, гешир.⁶ Янтарные бусы плоскоовальные и колесообразные клались в погребения в небольшом количестве, обычно по 3—5 штук, иногда они представляли собой большие круглые привески с отверстием посередине. Сочетание формы и материала может свидетельствовать о том, что они относились к культу солнца. В богатых погребениях, например погребении № 65 могильника у с. Заветное Бахчисарайского района, были найдены ожерелья из янтарных бус, служившие одновременно украшением и профилактическим оберегом от болезней.

У многих народов была развита вера в магическую силу сердолика. Этому способствовали его солнечный цвет и прочность, трудность обработки.⁵ Согласно грузинской рукописи X века и армянской XVII века ему приписывались лечебные свойства.⁶ Коричневый сердолик считался мужским камнем, светлокоричневый — женским. Так, при раскопках могильника поздней бронзы в Самтавро близ Мцхета ожерелья из темно-красного сердолика встречались исключительно в мужских погребениях, из светло-розового — в женских.⁷

В рассматриваемых могильниках шаровидные и бочкообразные сердоликовые бусы являлись массовым материалом.

Культовое значение имели, по-видимому, и гагатовые (гешировые) бусы. Форма их разнообразна, но чаще всего цилиндрическая. Они либо включались в ожерелья вместе с бусами из горного хрусталя, стекла и халцедона, либо составляли самостоятельные украшения.

Представление о магических свойствах драгоценных камней переплетается с применением их в народной медицине. В грузинских средневековых рукописях говорилось, что гешир служит для заживления ран, помогает от укуса ядовитых насекомых, укрепляет зрение.⁸ Черный цвет минерала определил его хтоническую сущность. Так, бусы и ножные браслеты из него по всей вероятности играли траурно-хтоническую роль.⁹

Глазчатые бусы из непрозрачного стекла в Восточном Средиземноморье появились с IV века до н.э., а в скифских погребениях бытовали еще в

классическую эпоху. В античное время они широко распространились по всему миру.¹⁰ Такие бусы встречаются и в рассматриваемых могильниках. Распространены были бусы с зеленым фоном и белыми или голубыми глазками, реже темно-синие с белыми или желтыми глазками (рис.1). Встречаются бусы биконической формы темно-синие или черные с белыми выпуклыми нитями на поверхности (рис. 2). Такие бусы бытуют у народов Средней Азии и в настоящее время. Считается, что их ношение приносит богатство. Подобные бусы с тем же значением были распространены в Иране и у народов Индии.¹¹

Для могильников Северного Причерноморья характерны так же бусы из голубого египетского фаянса с рифленой поверхностью. В могилы они клались по одной-две бусины (рис. 3). Бусы голубого цвета у народов Востока считаются оберегами и вплетаются в косички детей, нашиваются на одежду людей или сбрую гужевого животного.¹²

Культ камней был широко распространен у многих народов с глубокой древности. Интересные примеры почитания камней греками, римлянами, сирийцами, германскими, романскими, славянскими племенами приводят Евг.Кагаров и Шарль де Бросс. Культ камней у сарматов отмечает К.Ф.Смирнов.¹³ Укажу на три функции, из которых, по нашему мнению, состоит поклонение камням: во-первых, мемориальная функция, которая выражается в сооружении каменных стел – столбов по своему виду приближающихся к антропоморфным изваяниям, а также надмогильных памятников в виде кучи камней; во-вторых, защитная от покойной функции – забрасывание могильной ямы или дромоса камнями, посыпка погребенных кремнем как символ очищения огнем; в третьих, камни как обереги от болезней и несчастий. К этой группе относятся камни, имеющие какую-либо особую форму (рис. 4) или особое происхождение, а также окатанные водой гальки. В данном случае можно усматривать фетишизацию камней, наделение их магическими свойствами. Камни с естественным отверстием, обнаруженные в могилах по одиночке или по два-три в составе ожерелья, найдены в могильнике у с. Заветное и Бельбек I.

В могильниках Прикубанья среди погребального инвентаря встречаются гальки, которые относят к ритуальным предметам.¹⁴ В качестве ритуальных предметов они известны и в савроматских могильниках. В Некрополе Неаполя скифского и могильника Бельбек IV амулеты представляли собой круглую гальку, оправленную в бронзовую проволоку с петелькой для подвешивания. Подобные привески бытовали и в греческих городах-колониях Северного Причерноморья.¹⁵

В Чечено-Ингушетии и Грузии такие камни считаются оберегами от „дурного глаза“ и якобы содействуют размножению скота.¹⁶ Почитанием пользовались так называемые „чертовы пальцы“. Они обнаружены в трех могилах могильника у с.Заветное (№№ 194, 225, 227) и в могиле №21 могильника Скалистое II. Во всех этих погребениях „чертовы пальцы“ сочетались с другими культовыми предметами.

С глубокой древности в качестве оберегов применялись кости и зубы животных, а также человеческие кости. Самым распространенным

амулетом были клыки кабана. Они известны в скифских и сарматских могильниках, встречались в некрополях греческих городов-колоний. В материале рассматриваемых могильников они найдены дважды — погребение № 17 могильника Бельбек I и погребение № 68 могильника Бельбек IV (рис. 5). Некоторые исследователи полагают, что их можно ассоциировать с лунным серпом и трактовать как астральные символы.¹⁷ Думается, что как в древности, так и в рассматриваемый период они отождествлялись с животными, от которых были взяты; им как бы передавалась сила этих животных, а от них к человеку.

В погребении № 194 могильника у с. Заветное и в склепе № 1 Черноморского некрополя в качестве амулетов использованы мелкие кости человека. Они носились, как полагают исследователи, для того, чтобы заверить покойного, что память о нем хранится, и в то же время ради того, чтобы использовать магическую силу, якобы исходящую от них.

Среди погребального инвентаря нередко присутствуют травяные и морские раковины. В погребении № 184 Заветнинского могильника череп покойника был обсыпан раковинами травяных улиток. Аналогичные примеры встречаются и в синхронных могильниках юго-восточного Крыма: два погребения у д. Семеновка и Кзыл-Ауле были покрыты раковинами травяных улиток.¹⁸ Объяснить этот обычай затруднительно из-за недостаточности аналогий. Спираль вообще как и спиралевидные раковины считались символами вечности, а улитка определяется как символ смерти и возрождения.¹⁹ Возможно аналогичные значения они имели и в вышеприведенных примерах. Травяные улитки были съедобными. В большом количестве автор обнаруживал их раковины в культурных слоях позднескифского городища Альяма-Кермен, которому принадлежит Заветнинский могильник. Морские раковины, оправленные в бронзовую проволоку служили подвесками (погребения №№ 3, 39 могильника Бельбек IV). У сарматов морские раковины, служившие для растирания красной краски, постоянно присутствуют в погребениях жриц.²⁰ Подвески из раковин встречены у народов Северного Кавказа. У чеченцев и армян перламутровые раковины оберегали ребенка от несчастий.²¹

Оберегами служили и колокольчики, являющиеся массовым материалом рассматриваемых могильников. Обычно в могилу клали по одному колокольчику, но иногда и больше: в могильнике Скалистое III (погребение № 8) — шесть штук, в могильнике Бельбек IV в погребении № 34 — четыре, в погребении № 153 — три, в погребении № 181 — пять, в Заветнинском могильнике в захоронениях №№ 148, 150, 210 — по три (рис. 6). Все указанные погребения имели богатый погребальный инвентарь. Как апотропеи колокольчики обычны в античное время в Египте, Греции, Риме, часты их находки в могильниках сарматского времени Кавказа, Крыма, Украины, Поволжья.²² Колокольчики были разнообразны по форме: миниатюрные полусферические, пирамидальные четырехугольные; полусферические или пирамидальные с треугольными вырезами. Видимо, главная их цель — отворачивать своим звоном враждебные погребенному силы.

Магическое значение имели не только звон колокольчиков, но и их форма. В „Dictionnaire des symboles” читаем: „Колокольчик употреблялся в качестве предмета, символизирующего связь неба с землей, причем элемент неба — это сама полусферическая форма колокольчика, связь которой с землей отождествлялась при помощи язычка.”²³ Связь колокольчика с астральными куклами можно проследить и на материале крымских могильников первых веков н.э. Так, в могиле № 9 Чернореченского могильника на колпачке колокольчика врезными линиями изображено три концентрических круга с точкой в центре, что представляет явно солярную символику (рис. 7), в могильнике Бельбек IV, могила № 81, три колокольчика были прикреплены к подвеске, изображающей бычью морду, а связь быка с астральным культом хорошо известна. Интересна ажурная привеска из Нахичеванской АССР, к горизонтальному кольцу которой приклеплено восемь колокольчиков.²⁴ О семантике ажурных привесок будет сказано ниже.

В рассматриваемых нами могильниках встречаются браслеты из круглого жгута проволоки с несмыкающимися концами, расплюснутыми в виде змеиных головок (рис. 8). Поверхность браслетов и головок украшена врезными линиями и кружками, имитирующими чешуйки змеиной кожи. В Закавказье подобные браслеты известны с VIII—VII веков до н.э. и бытуют там до настоящего времени.²⁵ Массовость указанного материала заставляет предположить культовый характер изображений. Так, в Заветнинском могильнике их найдено 43, в могильнике Скалистое III — 26, Бельбек IV — 35, т.е. около 50% от других типов браслетов. В Крыму подобные браслеты бытовали, видимо, до IV века н.э., т.к. позднее их ни в одном могильнике не обнаружено.

Культ змеи был одним из самых живучих в античном мире. Ученые, рассматривавшие вопросы офиологии, определили ее хтонический характер, реже фаллический — сочетание змеи с женским божеством или божества со змеей и рождение от этого брака героев.²⁶ Вспомним миф, приведенный Геродотом о сочетании Геракла с полуженщиной-полузмеей и рождении от этого брака трех братьев — Агафирса, Гелона и Скифа. Некоторые исследователи пришли к выводу, что часто встречаемый в мифологии Северного Причерноморья образ змееной богини навеян этим мифом. В качестве пережитков тех же представлений, возможно, является обычай носить кольца, перстни и браслеты со змеиными головками.²⁷ Поклонение змее основано, по-видимому, на боязни ядовитых змей или на вере в апотропеические силы, исходящие от них. Двойственному отношению способствовало то, что змеиный яд является одновременно лечебным и смертоносным средством. Ряд ученых замечает, что объектом почитания были безвредные змеи.²⁸ В этнографическом материале есть такие примеры: осетины, ингуши, некоторые народы Средней Азии приписывают змее апотропеическую силу, а у чеченцев и армян змея считалась одним из самых нечистых и злых существ, на самое ее название народ наложил табу.²⁹

Браслеты со змеиными головками надевались не только на руки умершим, они носились и при жизни, поэтому имеют не столько хто-

ническое, сколько, видимо, апотропеическое значение. Культ змеи мог быть заимствован как у фракийских племен, где он был широко развит в первые века н.э.,³⁰ так и у народов Кавказа; не исключено его заимствование из Греции, где боги хтонического цикла — Геката, Деметра, Эринии — также сближались со змеями. Разностороннее влияние попало на подготовленную почву — почитание скифами змеевой богини.

Надо отметить, что массовым материалом всех указанных могильников являются колечки с тройными шишечками по дроту (рис. 9), которые имели широкий ареал распространения; они встречались в памятниках Юхновской и Зарубинецкой культур, в Частых курганах под Воронежем, в Закавказье. Большинство исследователей связывают их появление с проникновением на берега Черного моря фракийских племен, и кельтов.³¹ Однако рассматриваемые нами кольца значительно отличаются по форме и по назначению от классических латенских браслетов, у которых вместо тройных шишечек одинарные утолщения или ребристая поверхность. Ученые, публиковавшие эти предметы, не рассматривали их семантику. Ясно, что помещение их в могилу не имело утилитарного значения; они не имеют определенного месторасположения, а иногда клалась в могилу только часть кольца. Не вызывает сомнения и то, что тройственность шишечек не случайна. Имеется обширная литература, трактующая семантику числа три как единство трех элементов мироздания — водной стихии, солнца и земли.³² Круг же трактуется, как „то, благодаря чему достигается общий круговорот движения.“³³

Таким образом, напрашивается вывод: нельзя ли кольца с тройными шишечками трактовать, как амулеты-символы, отображающие единство трех важнейших элементов, включающих в себя культ плодородия и вечное движение жизни.

Ажурные бронзовые привески имеют общие элементы с вышеуказанными кольцами: они состоят из нескольких колечек с одинарными шишечками по ободу, спаянными в форме шара или овала (рис. 11–12), все они имеют петельку на одном конце и шишечку на противоположном. В могильнике Скалистое III № 37 (рис. 10) подвеска имела вместо петли изображение полумесяца. На привеске из Терской области (р-н Орджоникидзе) также вместо петельки изображен полумесяц.³⁴ Подобные предметы в форме додекаэдров с шишечками по углам, ажурные спиральные привески в форме яйца обнаружены в гальских и кельтских могильниках. Исследователи считают их магическими привесками, связанными с изображением вселенной, и называют „карманным микрокосмосом.“³⁵ В могильнике Бельбек IV в погребениях №№ 106, 108 ажурные привески так же имели яйцевидную форму. Мы знаем ряд примеров, когда в представлении древних небо представлялось твердью глиняной, медной или железной. В мифах древней Греции сохранилось представление о железном или многомедном небе. Возможно, что ажурные привески могли быть символом небесного свода со звездами (шишечки), солнцем (каплевидный отросток внизу) и луной (полумесяц или круглая петелька).

Наименования могильников и №№ погребений	Зоологические предметы			Растительные сюжеты, отображающие плодородие			Изображения божеств				
	скарабеи	лев	лягушка	гроздь винограда	фаллические привески	амфорки	Бес	Пан	Гарпократ	Горгона	Сдвоенные ведерки (диоскуры)
Заветное	3 экз.	4 экз.	—	1 экз.	1 экз.	—	—	—	—	1 экз.	3 экз.
Бельбек III	—	1 экз.	—	—	—	—	—	—	—	—	1 экз.
Бельбек IV	3 экз.	3 экз.	1 экз.	1 экз.	2 экз.	1 экз.	3 экз.	2 экз.	1 экз.	—	5 экз.
Скалитов III	1 экз.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Среди погребального инвентаря нередко встречаются амулеты из египетского фаянса, изображающие египетских и греческих богов, животных и растительные сюжеты. Приведем таблицу, в которой указываем название этих амулетов и их количество в могильниках.

Могила, в которых были найдены подвески из египетского фаянса отличались богатством погребального инвентаря, некоторые могилы имели набор таких предметов. В Таманском и Фанагорийском некрополях египетские предметы также встречались наборами.³⁶ В связи с этим предполагают, что они клались в могилы тех людей, которые поклонялись египетским божествам.³⁷ Думается, с этим трудно согласиться.

Рассмотрим значение каждого амулета.

Встречаются изображения Гарпократа — сына Осириса и Исиды (Гор-дитя) — бога неба, в греческой и римской мифологии — бога молчания (рис. 13), Беса — бога покровителя плодородия и охраны детей, мотив, близкий местному населению (рис. 14). Лягушка в египетской религии была символом воскресенья, видимо, как этот символ она и была положена в погребение № 14 Бельбекского могильника (рис. 15).

Куль Льва в Египте известен с глубокой древности. Изображение этого благородного, сильного животного клалось в могилу, видимо, для того, чтобы умершему в загробном мире он был защитой (рис. 16).

Скарабей (рис. 17) во все времена истории Египта играли в религии громадную роль: это насекомое олицетворяло жизнь и ее самовозрождение, оно называлось по-египетски „хепри“, что означает „быть“, „становиться“. У народов Средней Азии жук-скарабей также наделялся сакральными свойствами³⁸ и применялся как талисман, способствующий деторождению. Символами плодородия являются изображения фалла (рис. 18) и виноградной грозди, семантически к ним можно отнести бронзовые привески-человечки с выраженными половыми признаками, иногда с полумесяцем на голове (рис. 19).

Образы греческой мифологии связаны с хтоническим культом. Горгона-медуза — демон подземного мира, Пан — также божество подземного царства (рис. 20).

Возможно двойные „ведерки“ (рис. 21) из египетской пасты, часто встречаемые в могильниках первых веков, могут быть связаны с культом Диоскуров. Интересны, например, сведения Плутарха о почитании Диоскуров в образе двух параллельных бревен, соединенных поперечными брусками. На некоторых геммах встречается изображение Диоскуров в виде двух столбиков, перехваченных лентой или без нее.³⁹ Все эти спаренные предметы символизируют неразрывную связь двух братьев-близнецов. Диоскуры связаны с легендой о смене света и тьмы, жизни и смерти. Их почитали в столице скифского государства — Неаполе Скифском.⁴⁰

Таким образом, положенные в могилу указанные египетские амулеты возможно свидетельствуют о знании местным населением Крыма значения, которые придавали им египтяне. В могилу были положены предметы, символизирующие понятия, близкие местному населению — идею плодородия, самовозрождения, охраны от враждебных сил.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ КАГАРОВ Е.А. Культ фетишей, растений и животных в древней Греции, СПб., 1913; Чурсин Г.Ф. Амулеты и талисманы кавказских горцев. Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 46, Махач-Кала, 1929; КЛИНГЕР В.П. Животные в античном и современном суеверии. М., 1911; ШТЕРНБЕРГ Л.Я. Эволюция религиозных верований. Первобытная религия в свете этнографии, Л., 1936.

² РАЕВСКИЙ Д.С. О семантике одного из образов скифского искусства, „Новое в археологии“, сб. статей, посвященных 70-летию А.В.Арциховского, М., 1972; АМБРОЗ А.К. Раннеземледельческие культовые символы, САМ, 1965, № 3; ЗАСЕЦКАЯ И.П. Назначение вещей Федюловского клада. Археологический сб. ГЭ, № 7 л-д, 1966; СВЕШНИКОВ И.К. О символике вещей Михайловского клада, САМ, I, 1968.

³ МАРКС К. Капитал, т. I, стр. 1.

⁴ ИБН СИНА. Канон врачебной науки, Ташкент, 1956, стр. 324; БИРУНИ Собрание сведений о познании драгоценностей, Ташкент, 1963, стр. 197.

⁵ МАРКОВИН В.И. Сердолик — камень счастья. Новое в советской археологии МИА. 130, М., 1965, стр. 270.

⁶ ЛЕММЛЕЙН Г.Г. Каменные бусы Самтаврского некрополя. Материалы по истории Грузии и Кавказа. 29, Тбилиси, 1951, стр. 183.

⁷ ЧУРСИН Г.Ф. Указ., соч., с. 21.

⁸ ПЯТЫШЕВА Н.В. Культовые ножные браслеты из гешира, рукопись. Архив ГИМ.

⁹ KISA A. Das Glassen Altertums, Leipzig, 1908.

¹⁰ ГРАКОВ Б.Д. Скифы, Киев, 1947, стр. 66.

¹¹ БОРОЗНА Н.Г. Некоторые материалы об амулетах-украшениях населения Средней Азии. Сб. Домусульманские верования и обряды Средней Азии. М., 1975, стр. 289.

¹² БОРОЗНА Н.Г. Указ. соч., стр. 289.

¹³ КАГАРОВА Е.А. Указ. соч. стр. 10, 31, 70 и след. 74, 77 и след.; ШАРЛЬ ДЕ БРООС. О фетишизме, М., 1973, стр. 69—73; СМЕРНОВ К.Ф. Савроматы, М., 1964, стр. 249—250.

¹⁴ АНФИМОВ Н.В. Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской, МИА, № 23, М., 1951, стр. 155—202.

¹⁵ МАКСИМОВ М.И. Амулет из Горгииппии и так называемые шарики-подвески, СА № 2, М., 1962, стр. 226—230, рис. 1.

¹⁶ ЧУРСИН Г.Ф. Указ. соч. стр. 19.

¹⁷ КУФТИН Б.А. Материалы к археологии Кахетии, т. II, Тбилиси, 1950, стр. 49—50.

¹⁸ КОРПУСОВ В.Н. Некрополи сельского населения Европейского Боспора II в. до н.э. — IV н.э. Архив ИА АН УССР, ф-12, 559-а, стр. 32.

¹⁹ Dictionnaire des symboles, Paris, 1973, т. I, p. 286.

²⁰ СМЕРНОВ К.Ф. Указ. соч., стр. 95.

- ²¹ ХАСИЕВ С.А. О некоторых древних чеченских оберегах. Археолого-этнографический сб., т. III 1968, стр. 186.
- ²² КАГАРОВ Е.А. Указ. соч. стр. 87; Вязмитина М.И. Золотобалковский могильник. К., 1964, стр. 152—154
- ²³ Dictionnaire des symboles, Paris, 1973, t. III, p. 89.
- ²⁴ АЛИЕВ И., АЛИЕВА В.Г. О сармато-аланских памятниках на территории Нахичеванской АССР, СА № I, М., 1976, стр. 174, рис. 2, 10.
- ²⁵ КУФТИН Б.А. Археологические раскопки в Триалете, Тбилиси, 1941, стр. 42, рис. 39.
- ²⁶ ЛОСЕВ А.Ф. Античная мифология и философия в ее историческом развитии. М., 1957, стр. 41—42.
- ²⁷ ПЕТРОВ В.П. МАКСИМОВА И.А. Скифская генеологическая легенда, СА, № 1, М., 1963, стр. 152.
- ²⁸ ХАРУЗИН Н. Этнография, т. IV, СПб, 1905, стр. 152, ПЯТЫШЕВА Н.В. К вопросу об этническом составе населения Херсонеса в I—IV вв. н.э. Сб. Античное общество, М., 1967, стр. 185.
- ²⁹ ЧУРСИН Г.Ф. Указ. соч. стр. 12, ХАСИЕВ С.А. указ. соч., стр. 186.
- ³⁰ ЗЛАТОЗАРА ГОЧЕВА. Боги фракийцев и скифов по сведениям Геродота. Сб. Фрако-скифские культурные связи, София, 1975 стр. 148—151.
- ³¹ КУХАРЕНКО Ю.В. Распространение латенских вещей на юге Восточной Европы, СА, М., I, 1959, стр. 31—51.
- ³² KELLER L. Die heiligen Zahlen, Leipzig, 1906; LARAMIAS A. Handbuch der Altorientalischen Geisteskultur. Leipzig, 1913, 146—148. РАЕВСКИЙ Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977, стр. 119—123.
- ³³ СИЧЕВ Л.И., СИЧЕВ В.Л. Китайские костюмы, символика и история, М., 1975, стр. 19.
- ³⁴ ГИМ, инв. № 86862, XXXI/1456.
- ³⁵ Dictionnaire des symboles, t. III, p. 26.
- ³⁶ ШЕЛОВ Д.В. Танаис и Нижний Дон в первые вв. н.э. М., 1972, стр. 143.
- ³⁷ КОРОВИНА А.К. Фаянсовые подвески из некрополя Тирамбы и Фанагории, ВДИ, № 1, М., 1972, стр. 111.
- ³⁸ БОРОЗНА Н.Г. Указ. соч., стр. 287.
- ³⁹ КАГАРОВ Е.А. Указ. соч., стр. 33.
- ⁴⁰ ШУЛЬЦ П.А. Бронзовые статуэтки Диоскуров из Неаполя Скифского. СА, М., 1969, № 1, стр. 129.

**СТЕКЛЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ ПЕРВЫХ
ВЕКОВ Н.Э.
ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА**

Во внешней политике Рима, ставшего с I века н.э. мощным государством, особое место занимали отношения с пограничными степными районами Западного, а также с более отдаленными территориями Северного Причерноморья. Одним из форпостов проводимой Римом политики в Северном Причерноморье был Херсонес Таврический, где уже с 60-х годов I века были размещены вексиляции I Итальянского и XI Клавдиева легионов, а на херсонесский рейд заведена эскадра Равенского флота. Во II веке Рим укрепляет на Крымском полуострове свои позиции, продолжая возводить крепости не только на побережье, но и в глубинных пунктах Таврики¹. В результате предгорная и горная часть Крыма в первых веках н.э. оказалась под неусыпным контролем Римской империи, а Херсонес получил возможность непосредственного общения с представителями римской культуры, и не только в пределах самого города. Для херсонесцев стали реальными новые экономические и культурные общения с западноевропейскими провинциями империи по военным дорогам, связывающим части римских войск, расквартированных в Таврике, с основными стоянками легионов по Дунайскому лимесу.

По морским и сухопутным путям с I века н.э. в Херсонес стекались различные предметы, изготовленные ремесленниками огромной Римской империи. Среди них большое место занимала стеклянная посуда, ставшая характерным признаком материальной культуры первых веков н.э. Основная масса изделий из стекла различных центров восточных и западных провинций оседала в городе, а часть ее расходилась с херсонесского рынка среди населения юго-западного Крыма. Об этом можно судить по находкам стеклянных сосудов в могильниках долин таких рек Таврики, как Черная (Чернореченский, Инкерманский могильники, могильник у совхоза „Севастопольский“), Бельбек (Бельбекские могильники), Альма (Заветнинский, Скалистинский могильники, могильник Песчаное)². Стекло из Херсонеса поступало и в далекий Неаполь Скифский, а также к населению, жившему на месте римской крепости Харакс³.

Обращает на себя внимание, насколько различным было потребление посуды из стекла у херсонесцев и жителей юго-западного Крыма, состоявшего в первых веках н.э. в основном из смешанного, скифо-сарматского населения. Хорошо известно, насколько насыщены культурные слои этого периода в Херсонесе обломками стекла и какое большое количество стеклянных сосудов найдено в некрополе города. В могилах же юго-

западной Таврики они составляют от 1 до 13–14%, редко до 40% (могильник Бельбек I). Причем в могильниках особенно близких к Херсонесу стекла значительно больше (например, могильники Инкерманский и у совхоза „Севастопольский“), чем в более отдаленных. Это может объясняться либо трудностью транспортировки хрупких сосудов по горным дорогам Крыма, либо относительной дороговизной этих импортных изделий, или же непривычностью населения к пользованию такой малопрактичной продукцией. Данные наблюдения носят общий характер. Их можно было сделать лишь на основании одних упоминаний в литературе о находках стеклянных сосудов в вышеперечисленных могильниках. К сожалению, эти памятники специально не публиковались за исключением стекла из Харакса и комплекса находок на поселении Алма-Кермен, где Т.Н. Высотской была открыта стеклоделательская мастерская. Настоящей статьей, посвященной стеклянным сосудам некоторых могильников Бельбекской долины Крыма, мы пополним этот небольшой список исследованных памятников, несущих значительную информацию по истории и культуре юго-западной Таврики первых веков н.э.

Стеклянные сосуды в могильниках Бельбекской долины немногочисленны⁴. Из 190 исследованных погребений стекло обнаружено в 19. Всего сосудов насчитывается 26 экземпляров.

Обращает на себя внимание определенный и явно выдерживавшийся ритуал в расстановке стеклянной посуды в могилах. Бальзамарии, как правило, клали в ноги, остальные сосуды — в головы. Только один стакан (могила № 144, подбойная) был поставлен в ноги погребенного.

В могилу было принято ставить по одному сосуду из стекла. Набор сосудов находился лишь в двух могилах. В одной (могила № 131, подбойная) — бутылка и стакан, в другой (могила № 100, грунтовая) — стеклянная чаша и бальзамарий. Первая находилась в голове; второй, согласно принятому обычаю, — в ногах.

Ассортимент сосудов не отличается разнообразием. Это бальзамарий, стакан, кувшин, бутылка, миска, чаша. Все они могут быть подразделены соответственно функциональному назначению на парфюмерные сосуды и столовую посуду. К первым относятся бальзамарии. Они для данного могильника по численности являются ведущими. Их найдено 18 штук. Бельбекские бальзамарии (рис. 1, 6–11; 3) аналогичны боспорским типа I, 2 Б-Е (рис. 1, 7–11; 3) и II, 2 (рис. 1, 6)⁵. Один бальзамарий (рис. 1, 11) является скорее всего результатом неудачной работы стеклодела, хотевшего придать тулову своего изделия полушаровидную форму. Думается, что этот экземпляр следует отнести к типу II, 2 бальзамариев Боспора.

Бальзамарии боспорского типа I, 2Б — относятся к середине I — началу II века (рис. 1, 7); 1, 2В — к середине I — второй четверти II века (рис. 1, 8); I, 2Г — середина I — вторая четверть II века (рис. 1, 9); II, 2 — середина I — середина II века (рис. 1, 6); I, 2Д — II — середина III века (рис. 1, 10); 1, 2Е — II — середина III века (рис. 3). В рамках каждого периода датируются и бельбекские сосуды. Их хронологию возможно будет уточнить при сопоставлении с прочим инвентарем могил. На

Боспоре бальзамарии всех вариантов типа 1, 2 являются местными, но вряд ли стоит в бальзамариях из могильника Бельбек IV видеть продукцию этого соседнего государства, и еще менее того усматривать импортную продукцию средиземноморских центров. Качество исполнения сосудов довольно низкое, у некоторых экземпляров наблюдается асимметричность формы. Стекло — прозрачное, из которого были выдуты бальзамарии, по цвету может быть разбита на три группы. Для одной характерен голубоватый цвет с зеленоватым оттенком, для другой — голубоватый, но отличающийся большей лазурностью. Один бальзамарий, третьей группы (1, 2, Г, рис. 1, 9) сделан из бесцветного стекла. Техника их изготовления не высока. Все это заставляет высказать предположение: не являлись ли данные сосуды изделиями Херсонеса?

Столовая посуда представлена стаканами, кувшинами, бутылкой, миской, чашами.

Стаканы. Стаканов открыто четыре экземпляра — два в могилах (№№ 131, 144) и два являются случайной находкой.

1. Стакан из могилы № 144 (рис. 1, 1). Высота — 8 см; диаметр устья — 5,7 см; диаметр дна — 3 см; толщина стенок — около 1 мм. Сосуд имеет яйцевидную форму, дно слегка вогнуто, край не отработан. На тулове шесть шлифованных глубоких полосок: верхние четыре — широкие, две нижние — узкие. Выдут из лазурно-голубоватого стекла. В стеклянной массе — отдельные, очень мелкие пузырьки круглой формы по всей поверхности без особой концентрации. Сверху сосуд частично покрыт серебристо-черной иризацией, там, где ее нет поверхность блестящая и гладкая.

2. Стакан (рис. 1, 2) — случайная находка. Высота — 6,8 см; диаметр устья — 7,8 см; диаметр дна — 4 см; толщина стенок — около 1 мм. Стакан почти цилиндрической формы, с отогнутым оплавленным краем, немного вогнутым дном, со слабым отпечатком рабочего инструмента. Выдут из прозрачного бесцветного стекла, в толще которого отдельные мелкие пузырьки круглой формы. Поверхность испорчена иризацией в виде прочной пленки темного цвета. Под венчиком на значительном расстоянии в один виток положена нить. Этот процесс, видимо, предшествовал оплавке края: нить еле заметна и почти сливается со стенками сосуда.

3. Стакан из могилы № 131 (рис. 1, 3). Высота — 6,6 см; диаметр устья — 6,6 см; диаметр дна — 4,2 см. Стенки стакана почти прямые; тулово немного расширяется ко дну и в нижней части округло переходят в кольцевой поддон. Дно — конусовидно-вогнутое, край отогнут и оплавлен. На дне — след от полой трубки (диаметр — 2 см). В верхней части тулова две линии, нанесенные легкой гравировкой. Выдут из голубоватого стекла с зеленоватым оттенком. Стекло блестящее. Иризация в виде серебристой пленки. Стекло проварено хорошо, пузырьки очень мелкие, круглой формы, концентрируются только по краю и на дне.

4. Стакан. Найден вне погребения (рис. 1, 5) в обломках. Высота — около 11 см (условно); диаметр устья — 6,2 см; диаметр дна — 2 см; толщина стенок — 0,5 мм. Форма колоколовидная, сужающаяся к низу,

реконструирована. Край валикообразный благодаря оплавке. Поддон кольцевой, полый; дно почти плоское со следом от инструмента, диаметр которого не устанавливается. Все тулово обвито тонкой нитью стекла. Цвет нити и стекла сосуда — голубовато-зеленовато-желтоватый. Обвивка производилась в верхней части изделия.

Все четыре стакана разные не только по форме. Они отличаются некоторыми деталями. Например, два имеют кольцевые поддоны (№№ 3,4), два без них (№№ 1,2).

Стакан № 1 обладает рядом признаков, которые позволяют включить его в определенную группу сосудов. Стекло этих сосудов достаточно тяжелое, прочное, двух оттенков: грязно-голубоватого или слабого оливкового оттенка. Тулово обычно украшено несколькими глубокими шлифованными полосками, одна из которых расположена почти под самым краем. Сам край подвергнут легкой холодной обработке. Дно у стаканов либо немного вогнуто, либо плоское.

В этой группе сосудов выделяются три типа. Первый объединяет сосуды почти полушаровидной формы с соотношением высоты к ширине 7:6; 6:6; 7:9; во второй входят стаканы яйцевидной или бочковидной формы с соотношением высоты к диаметру 6:5,5; третий почти цилиндрической, но несколько сужающейся формы с соотношением высоты к диаметру 9,5:6. Наш стакан (№ 1) относится ко второму типу. Все три типа стаканов хорошо известны на территории Римской империи: на о. Кипре, о. Самофраке, в Алжире, Британии, Рейнской области, Галлии⁶. Встречены они и на Востоке. В Северном Причерноморье они засвидетельствованы на Боспоре, Херсонесе и Ольвии⁷. Боспорские комплексы показывают, что найденные в Пантикапее и Кепах стаканы относятся к середине I века. Стаканы из средиземноморья и западных областей Римской империи по сводке К. Айсингс изготавливались на протяжении I века.⁸ Это наблюдение автора подкрепляется вновь найденными стаканами в некрополе о. Самофраки в хорошо датированных комплексах. Поэтому обращают на себя внимание стоящие особняком датировки таких памятников О. Весбергом и Морен-Жаном⁹. Первый относит стаканы по времени не ранее 220 года, второй — ко второму римскому периоду. Думается, что в свете накопленного материала с хорошо разработанной хронологией (некрополи о. Самофраки, Боспора и британский Камлодунум) мнения О. Весберга и Морен-Жана далеки от истины.

Стакан № 2 может быть включен в группу стаканов цилиндрической формы, которые были популярны в I—III веках н.э. Эти сосуды имеют некоторые детали, которые служат основанием для объединения их по определенным признакам в несколько вариантов. Прежде всего они должны быть подразделены на стаканы, выдутые в форме (в этом случае их украшали рельефные изображения) и изготовленные свободным дутьем¹⁰. Последние отличаются огневой обработкой края, у первых же край специально не обрабатывался.

Бельбекский стакан с обработанным краем относится к первому варианту стаканов и на основании аналогии с сосудом такой же формы из погребального комплекса из Ольвии¹¹ может быть датирован II веком н.э.

Стакан № 3 (рис. 1, 3) представляет большой интерес для наблюдения над развитием форм сосудов. Он является редким экземпляром, позволяющим проследить эволюцию определенного типа стакана от I до IV века (рис. 1, 4). Со стаканами I века его объединяет общая форма, отогнутый край, хорошо выраженный поддон, украшение тулова гравированными полосками¹². Однако целый ряд технических приемов изготовления данного стакана резко отличает его от стаканов I века. Его край хотя и отогнут, но подвергнут оплавке, чего не делалось у ранних аналогичных по форме сосудов. Устройство поддона иное. У стаканов I века — он монолитный, тяжелый, с сильно возвышающейся сплошной округлой массой во внутренней части сосуда. У стакана № 3 — он кольцевой, дно конусовидно вогнуто со следами понтити, на которую был перенесен сосуд для оплавки края. Все эти технические особенности стакана № 3 затем будут сохранены в IV века при изготовлении таких сосудов¹³. Поверхность стаканов в IV веке не гравировалась, а на стакане из бельбекского могильника эта традиция еще сохраняется, но скорее это не гравировка, а легко процарапанные линии.

Стакан № 3 занимает как бы промежуточное место в эволюции такой формы стаканов. Датировать этот стакан более поздним периодом, чем начало II века, вряд ли возможно, т.к. он найден в могиле вместе с бутылкой № 6 которая относится к группе стекла не позднее конца I века и скорее его первой половине.

Стаканы IV века разбираемой формы характерны более всего для Херсонеса и близлежащих могильников¹⁴. На основании концентрации таких находок мы высказали предположение о производстве их в Херсонесе. Может быть стакан № 3 являлся исходной формой того типа сосуда, который впоследствии определял ассортимент посуды локальной мастерской.

Колоколовидный стакан № 4 интересен орнаментацией путем обвивки его стеклянной нитью сверху донизу. Сам по себе прием этот не новый. Мода на него распространялась дважды: в I веке, а затем в поздней античности. Северопричерноморские стаканы, обвитые нитью, пока были известны другой формы, но бельбекский стакан нельзя считать уникальным, поскольку ему имеются аналогии среди стекла о. Кипра¹⁵.

Стакан № 4 найден вне комплекса, поэтому он может быть датирован, исходя из следующих соображений. Среди стекла из могильника совхоза „Севастопольский“ обращают на себя внимание кувшины II—III веков, туловно которых перевито тонкой нитью одного цвета со стеклом самого сосуда. Эти кувшины составляют особенность набора стекла из могильников округа Херсонеса, отличающего его, например, от боспорского того же времени. В такой же манера исполнен и стакан № 4, который вместе с кувшином мог составлять столовый комплект. Поэтому мы предполагаем, что данный сосуд следует отнести к II — началу III вв., тем более, что стаканы I века, перевитые нитью, например из Пантикапея¹⁶, имеют другую форму — цилиндрическую с вдавленными с четырех сторон боками.

5. Кувшин (рис. 2, 6) из могилы № 74. Высота — 10 см; диаметр устья — 3 см; толщина стенок — 0,5 мм. Имеет кубическое невысокое

тулово (высота стенок 7,5 мм), несколько сужающееся кверху горло, венчик отогнут и загнут. Ручка плоская с закраинами по бокам. На дне кувшина (размер 5х5 см), в каждом углу и центре — по рельефному кругу с выпуклостью посередине. Стекло легкое, тонкое, прозрачное грязно-голубоватого цвета. Отдельные пузырьки на горле вытянутые, стрелчатые. Выдут в форме соответствующей 3/4 высоты тулова, поэтому углы его верхней части округлые.

Бельбекский кувшин входит в значительную по своему распространению группу стеклянных изделий с кубической формой тулова. А. Киса называет их не очень удачно „лагоны“, что значит „бутылка“, „флакон“¹⁷. Но для этих сосудов можно применить более соответствующий им греческий термин „кубикос“, то есть имеющий кубическую форму. Видимо, такая своеобразная форма сосудов сложилась в связи с практическими соображениями. Эти сосуды предназначались главным образом для перевозки жидкостей на дальние расстояния, и их форма, безусловно, способствовала компактности упаковки. Насколько была оценена практическая сторона сосудов подобной формы можно судить по их распространенности по всей территории античного мира. Производились они начиная с I века и последующие века как в средиземноморских, так и западно-провинциальных центрах. При общности типа подразделить их на две большие группы позволяет одна характерная деталь — устройство венчиков. Одна группа характеризуется муфтообразным венчиком, другая — венчиками более простого устройства, образованными отогнутым и загнутым краями. На эту деталь было обращено внимание ряда исследователей¹⁸, которые пришли к выводу, что кубические кувшины с муфтообразным венчиком были распространены главным образом в Средиземноморье, а вторые с простым венчиком — в Западноримских провинциях. Мы же со своей стороны добавим, что это, хотя и правильное наблюдение, несколько упрощает более сложную картину такого подразделения кубикосов. Дело в том, что и в средиземноморской группе встречаются сосуды как той, так и другой формой венчика. Поэтому при подразделении сосудов типа кубикос на средиземноморские, то есть восточно- и западноевропейские надо иметь в виду и учитывать еще целый ряд признаков: качество стекла, тип ручек и т. д.¹⁹

На основании ряда соображений мы полагаем, что кубикосы с муфтообразным венчиком являлись изделиями малоазийских стеклодельческих центров и, может быть, района Пергама, а кубикосы средиземноморского круга с простым венчиком изготавливались сирийскими мастерскими.

В Северном Причерноморье известны находки сосудов типа кубикос всех трех стеклодельческих районов: малоазийского, сирийского и западноевропейского. Причем на Боспоре в значительной степени преобладают кубикосы малоазийского круга, в Херсонесе чаще встречаются кубикосы с простым венчиком средиземноморского производства, находки кубикосов западноевропейского происхождения отмечаются на Боспоре, в Херсонесе, Ольвии, но они занимают по распространенности третье место.

Бельбекский кубикос по всем признакам относится к средиземноморскому типу, но не малоазийскому, а видимо, сирийскому. Подобные

ему сосуды или же очень близкие известны в Херсонесе и его округе. Два сосуда хранятся в Государственном Херсонесском музее. Один кубикос того же типа, но, к сожалению, без точного места находки — из собрания Одесского музея²⁰. Два сосуда из этих трех имеют на дне, также, как и бельбекский экземпляр, „клейма“. Правда, они иные. Подобрать точный термин для названия рельефных знаков, рисунков или „клейм“ на доньях огромного числа кубикосов трудно, потому что их значение пока не раскрыто. Являлись ли они торговыми знаками, клеймами целых мастерских или отдельных мастеров, либо просто служили украшениями сосудов, поскольку они выдувались в формах?

По рисунку „клейма“ бельбекский кубикос может быть поставлен в один ряд с кубикосами малоазийского круга, найденными на Боспоре²¹. Значит, такие „клейма“ имеют сосуды, вышедшие из мастерских разных районов. Пока нам остается только собирать материал по „клеймам“, который возможно при совокупности поддастся расшифровке.

Один из кубикосов, найденных на Боспоре, имел венчик как у бельбекского сосуда. Он может быть датирован второй половиной I — началом II века н.э.²² Бельбекский кубикос, стоявший в могиле вместе с ойнохоей очень индивидуального типа²³ относится ко II веку и скорее к его первой половине, чем ко второй. Следует обратить внимание, что оба сосуда на дне имеют „клейма“, но не совпадающие по рисунку. У Боспорского в „клейме“ помимо пяти маленьких рельефных кружочков введена одна большая окружность.

6. Бутыль (рис. 2, 7). Высота — 20,2 см; диаметр устья — 5,8 см; диаметр дна — 6,3 см; толщина стенок — около 2 мм. Тулово шаровидное, немного приплюснутое сверху, дно слегка пологовогнутое, горло трубчатое с муфтообразным венчиком.

В средней части тулова глубокая шлифованная горизонтальная полоса, над и под нею по три линии нанесенные легкой гравировкой путем многократного прохождения инструмента по одному и тому же месту. Выдута из абсолютно бесцветного стекла. Пузырьки игольчатые, горизонтальные прослеживаются только на горле. Покрыта иризацией в виде тончайшей пленки черно-коричневого цвета.

Бутыли такой формы характерны главным образом для I века н.э. На Боспоре они хорошо известны двух вариантов — с горлом довольно массивным, подобно горлу бельбекской бутылки или длинным и узким. Иногда бутылки имеют ручки, и тогда они должны быть причислены к другой форме сосудов — кувшинам. Несмотря на эти незначительные отклонения от общего типа, все эти бутылки, как правило, имеют муфтообразный венчик, о котором мы говорили в связи с предыдущим сосудом. Видимо производство сосудов, и в частности бутылей, концентрировалось в одном регионе, но мастерских могло быть не одна, а несколько, каждая из них имела свои навыки, приемы, отражающиеся в вариантах устройства горла сосудов.

К. Айсингс отмечает, что в западноевропейских центрах эти сосуды встречаются редко²⁴. В средиземноморье и тесно связанными с ними причерноморских городах такие бутылки довольно часты.

Самую позднюю датировку этим сосудам дает О. Весберг, относя один экземпляр, найденный в склепе № 1 оазиса Лимоссол, ко времени не ранее 220 года н.э.²⁵ Его дата таким сосудам стоит особняком, и вряд ли она верна. Склепы всегда содержат много и разновременных материалов, чему исследователь не придал значения. К этому заключению нас приводит ряд данных, связанных с датировкой таких же сосудов из могильных комплексов со Фера, Истрии и Боспора.

На о. Фера сосуд был найден в могиле № 99 со стаканом аналогичным стакану 1 из могилы № 14 некрополя Тирамбы на Таманском полуострове²⁶. На о. Фера такая же бутылка вместе со стаканом с вдавленными стенками находилась в могиле № 16²⁷. Подобные стаканы хорошо известны по комплексам из боспорских некрополей²⁸, и они относятся к I веку. Бутылку, снабженную ручкой, из некрополя Истрии датируют серединой I века н.э. Поэтому мы располагаем достаточными фактами для того, чтобы такие бутылки датировать не III веком, а I в. н.э., что согласуется еще, кроме того, с находкой такой же бутылки в Геркулануме²⁹.

Нельзя не обратить внимание, что бутылка в Бельбекском могильнике была найдена со стаканом № 3, который по всем данным не может быть отнесен к I веку н.э. Поэтому, либо бутылка из Бельбека дает основание предполагать, что хронологию сосудов такой формы нельзя ограничивать рамками I века н.э., а они еще существовали во II века, (во всяком случае до его середины), либо Бельбекская бутылка, как более ранняя вещь, была поставлена в могилу со стаканом, сделанным позднее. Это вполне возможно, ибо стекло данной бутылки очень прочное, толстое, что также характерно и для других экземпляров сосудов этого вида.

7. Миска (рис. 2,2) из могилы 100. Высота — 4 см; диаметр устья — 8,5 см; диаметр дна — 4,6 см. На кольцевом поддоне с отогнутым краем, под которым расположен валик, образованный из стенки сосуда. Дно вогнутое, с остатками следов рабочего полого инструмента диаметром 2,5 см. Край оплавлен. Стекло прозрачное, с голубоватым оттенком. Много пузырьков крупных и мелких, круглой и продолговатой формы.

Время изготовления и бытования миски относится к концу I — середине II века н.э., что определяется найденным вместе с ней в одной могиле бальзамарием, который аналогичен боспорским типа 1, 2, Г. Миски, подобные данной, входили в состав столовой посуды населения широкой территории античного мира³⁰. Размеры их варьируются. Очень часто на венчике мисок с двух сторон в качестве украшения, а может быть, ручек, положена гофрированная полоска стекла. На миске из Бельбека их нет. Но зато ее отличает деталь, которая на североприморских подобных же сосудах не встречается, и она редка для сосудов такой же формы вне Понта — это валик, расположенный под венчиком миски. Он выполнялся в процессе выдувания сосуда путем напуска верхней части стенки тулова на нижнюю. Этот прием часто использовался мастерами I—II веков при изготовлении кувшинов, кружек и сосудов других форм.

8. Чаша (рис. 2,1) из могилы № 14 (Бельбек I). Высота — 11 см; диаметр устья — 6,5 см; диаметр дна — 6,7 см; толщина стенок около 1 мм.

Глубокая, неправильной полусферической формы на кольцевом поддоне; дно уплощенное с незначительной вогнутостью посередине. Край приобрел вид валика благодаря оплавке. На дне слабо выраженный след от рабочего инструмента в виде прута. Стекло прозрачное, с голубовато-зеленоватым оттенком, легкое, со свиллями и значительным количеством мелких пузырьков (мошки) и крупных удлинённой формы, расположенных в направлении свилей.

Подобные чаши встречаются в западноримских провинциях. Особенно большой интерес из этих находок представляют сосуды, найденные при раскопках дома середины II — середины III века, который, как считается, занимал офицер римской армии³¹. Среди сосудов находились обломки верхней части чаши, близкой бельбекской. Под венчиками других чаш с характерным профилем были проложены стеклянные нити. Такие сосуды есть в Северном Причерноморье, в частности в Ольвии. Сама по себе близость северопричерноморских сосудов из стекла сосудам западных провинций Римской империи не вызывает удивления, но достойно внимания, что бельбекский сосуд подобен тем, которые имелись среди посуды римского военачальника. Видимо, это обстоятельство может быть объяснено тем, что в Таврике, и как раз недалеко от поселения, с которым был связан Бельбекский могильник, находилось Альминское городище, сохранившее следы пребывания там подразделения XI Клавдиева легиона и, более того, остатки стеклодельческой мастерской. Невольно возникает предположение, не являлась ли бельбекская чаша продукцией этой мастерской, которая занималась в первую очередь обслуживанием быта римской войск, а какая-то часть ее изделий распространялась среди гражданского населения близлежащих поселений и, может быть, даже доставлялась в Херсонес.

Стеклодельческая мастерская Альминского городища была, видимо, маломощной, и, кроме того, она существовала не столь долгий период и не подчиняла свою деятельность исключительно широким торговым операциям на рынках Таврики.

Раскопки Бельбекских могильников II и IV дали очень интересный материал, свидетельствующий об использовании обломков стеклянных сосудов в качестве амулетов (рис. 2, 3, 4, 5). Так в двух могилах (№№ 39, 58) второй половины I—II веков н.э. имелись три подвески, для одной из которых была использована часть стенки чаши Rippenschall (рис. 2, 3) молочнобелого опалового стекла, а для двух других — обломки, видимо, одного и того же сосуда (стенка и край), сделанного из редко встречающегося тоже опалового стекла малиново-красного цвета (рис. 2, 4, 5). Обломок первого амулета таков, что позволяет восстановить целиком форму и размер сосуда (рис. 2, 3а); по обломкам второго сосуда не реконструируется. Оба сосуда относятся к ранней поре стеклоделия римской эпохи. Скорее всего они могут быть датированы временем, не выходящим за пределы середины I века н.э. Использование обломков сосудов в качестве талисманов — явление редкое, но засвидетельствованное рядом случаев³².

Рассмотренные группы стеклянных сосудов из бельбекских могильников имеют большое значение для хронологического определения по-

гребений. Большинство вещей, найденных здесь (краснолаковая керамика, металлические изделия), бытует от середины I до середины III века н.э. Стекланные сосуды, наряду с некоторыми типами керамики, позволяют выделить группу погребений середины I — середины II века н.э. и вторую группу середины II — середины III века н.э. Основная масса стекланных сосудов относится к первой группе погребений, и только единицы встречаются во второй. Объясняется это, очевидно, тем, что ко второй группе относится меньше исследованных погребений.

Кроме того, исследуемое стекло представляет интерес для освещения многих сторон экономической истории юго-западного Крыма. Наряду с некоторыми другими импортными вещами из могильников стекланные предметы свидетельствуют о прочных экономических связях населения Бельбекской долины с Херсонесом. Все рассмотренные формы сосудов встречены в Херсонесе, часть из них, очевидно, изготовлялась в его мастерских (бальзамарии), другая часть доставлялась сюда из различных средиземноморских центров. Распространение в юго-западном Крыму стекла следует связывать с усилением экономических связей населения Северного Причерноморья, в том числе Херсонеса, с римскими центрами, с другой стороны, с римской оккупацией этой территории, размещением здесь военных отрядов, вместе с которыми попали сюда изделия ремесла из восточных и западных римских провинций. Бельбекским сосудам приведены аналогии из многих областей античного мира, что свидетельствует о быстром распространении таких форм сосудов по широкой территории Римской империи и связанных с ней отдаленных областей Северного Причерноморья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РОСТОВЦЕВ М. И. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ай-Тодорская крепость. ЖМНП, 1900, № 3, стр. 140; ДЬЯКОВ В. Н. Оккупация Таврики Римом в I в. н.э. ВДИ, 1941, № 1, стр. 87; БЛАВАТСКИЙ В. Д. Харакс. МИА, № 19, 1951, стр. 250 и след.; ВИСОТСКАЯ Т. Н. Поздние скифы в юго-западном Крыму. Киев, 1972 г., стр. 57; ВИСОТСКАЯ Т. М. Про производство стекла в позднеантичном Крыму. Археологія, т. XVI, 1964, стр. 7.

² БАБЕНЧИКОВ В. П. Чернореченский могильник. АН УССР, XIII, Киев, 1963, стр. 90 и след.; ВЕЙМАРН Э. В. Археологічні роботи в районі Інкермана. Там же, стр. 15 и след.; СТРЕЖЕЛЕЦКИЙ С. В. Позднеантичный могильник в Инкерманской долине. КСИА АН УССР, вып. 8, Киев, стр. 142—143; ГУЩИНА И. И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников). Сб. Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974, стр. 32 и след.; БОГДАНОВА Н. А. Могильник I ст. до н.э. — III ст. н.э. Бахчисарайского района. Археологія, т. XV, Киев, 1963, стр. 95 и след.; БОГДАНОВА Н. А., ГУЩИНА И. И., Лобода И. И. Могильник Скалистое III

98

в юго-западном Крыму (I—III вв), СА, IV, 1976 г., стр. 121 и след.; ВИСОТСКАЯ Т. Н. Указ. работа, стр. 79 и след.

³ БАБЕНЧИКОВ В. П. Некрополь Неаполя Скифского. Сб. История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, стр. 94 и след.; СОРОКИНА Н. П. Стекланные сосуды из могильника Харакс. Сб. Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, стр. 183 и след.

⁴ Хранятся в Гос. Историческом музее. Инв. №№ 101989, 100379, 102299, 102610, 102940, 103552, 103774. Раскопки И. И. Гушиной в 1970—1975 гг. Могильник Бельбек IV — 25 экземпляров; Бельбек II—I экземпляр.

⁵ КУНИНА Н. З., СОРОКИНА Н. П. Стекланные бальзамарии Боспора. Тр. ГЭ, XIII, Л., 1972, стр. 149, рис. 1.

⁶ O. VESSBERG. Roman Glass in Cyprus. *Opuscula Archaeologica*. VII, Lund, 1952, pl. III, 21; XXIV, 123; E. D. DUSENBERY. Ancient Glass from the semetries of Samothrace. *J.G.S.*, IX, 1967, big. 36; S. Lancel. *Verrerie antique de Tupsa*. Paris, 1968, big. 20, forme 18, p. 18; D. B. HARDEN. *Samolodunum*. London, 1974, big. 69, F. FREMERSDÖRF. *Römisches Buntglas in Köln*. Köln, 1958, tab. 49, s. 36, MORIN-JEAN. *La Verrerie en Gaule*. Paris; 1913, big. 315.

⁷ В целом виде сохранились стаканы из боспорских могильников (см. Кунина Н. З., Сорокина Н. П. Указ. соч., рис. 3, 11, 27, 26; рис. 6, 38, 54) Херсонесские и Ольвийские — в обломках.

⁸ C. Jsings. Roman Glass from dated finds. *Djarta*, 1957, p. 27 ff, p. 44. Автор выделяет два типа таких стаканов (form 12, 29), мы же выделяем три.

⁹ O. VESSBERG. *Op. cit.*, p. 155, MORIN-JEAN. *Op. cit.*, big. 315.

¹⁰ КУНИНА Н. З. Сирийские выдутые в форме стекланные сосуды из некрополя Пантикапея. Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973, рис. 23; КУНИНА Н. З., СОРОКИНА Н. П. Указ. соч., рис. 9, 47.

¹¹ Г. Э. Ольвия, могила 33, раскопки 1906 г.

¹² СОРОКИНА Н. П. Стекланные сосуды из некрополя Кеп. сб. Античный мир и археология. Саратов, 1977, рис. 6, 6.

¹³ СОРОКИНА Н. П. Стекланные сосуды из могильника Харакс, рис. 2, 4—9.

¹⁴ СОРОКИНА Н. П. Указ. соч., стр. 187.

¹⁵ O. VESSBERG. *Op. cit.* IV, II, XIII, 5. Группа в Пу; не датирован.

¹⁶ КУНИНА Н. З., СОРОКИНА Н. П. Указ. соч., рис. 3, 12.

¹⁷ A. KISA. *Das Glas im Altertume*. Berlin, 1909, Teil I, s. 88 ff.

¹⁸ C. JSINGS. *Op. cit.*, p. 67, form 51, D. CHARLESWORTH. Roman Square bottles. *JGS*, VIII, 1966, p. 26 ff.

¹⁹ СОРОКИНА Н. П. Стекланные сосуды из некрополя Кеп. Сб. Античный мир и археология. Саратов. 1977, стр. 120 и след.

²⁰ ГХМ. Херсонес, инв. № X 1166; „Совхоз Севастопольский“, могила 60 №№ 5436, 3657; ОГМ. А. 5241.

²¹ СОРОКИНА Н. П. Стекланные сосуды из Танаиса. Сб. Древности Нижнего Подонья. М., 1965, рис. 12.

²² КУНИНА Н.З., СОРОКИНА Н.П. Указ. соч., рис. 7, 23.

²³ ГУЩИНА И.И. Указ. соч., стр. 36; рис. XVII, 13.

²⁴ C.JSINGS. Op., cit., p.90, form 70.

²⁵ O.VESSBERG. Op.cit., pp. 156 ff, O. VESSBERG. Studies Robinson, II, p. 146.

²⁶ Н. DRAGENDORFF. Theraeische Gräber. Berlin, 1903, Abb. 219, 220.
КОРОВИНА А.К. Раскопки городища и некрополя Тирамбы за последние десятилетия. Acta Conventus XI „Eirene“.

²⁷ Н. DRAGENDORFF. Op.cit., s. 18, Abb. 17a, 17c.

²⁸ Напр., могила 2 42/54/ некрополя Пантикапея, в которой стакан найден с монетой Котиса I (ИАК, вып. 9, СПб, 1904); склеп 54 некрополя Тирамба (Коровина А.К. Указ. соч., стр. 473, рис. 6).

²⁹ M.BUCOVALĂ. Vase antice de sticlă la Tomis. Constanta, p. 24, № I, C.JSINGS. Op.cit., p. 90.

³⁰ O.VESSBERG. Op.cit., pl.II, 1, 3, 5, 6; p. 114 ff, A. DUMOULIN. Découverte d'une Nécropole Gallo-Romaine en Apt. Gallia. Tome XII, 1964, fas. I, fig. 12, 13, 21, 27. Встречаются они в Северном Причерноморье. За редким исключением северопонтийские миски не опубликованы.

³¹ D.CHARLESWORTH. A group of vessels from the Commendant's House, Housesteads, JGS, XIII, 1971, p.34 ff.

³² T.H.E. HAEVERNICK. Perlen und Glasbruchstücke als Amuleten. Jahrbuch der Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz, 15 Jahr., 1968, s. 120 ff.

КОЧЕВНИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ В НАСЕЛЕНИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДИЩ ГОРНОГО КРЫМА

Взаимодействие между кочевым и земледельческим населением является одним из важных разделов средневековой истории Крыма. Предлагаемая статья ставит своей целью привести некоторые новые данные для решения этого вопроса, полученные в результате многолетних работ экспедиций Государственного Исторического музея на городища Горного Крыма, прежде всего Баклинском, где установлена стратиграфия памятника и выявлен обильный керамический материал. Наряду с ними привлекаются и материалы раскопок других экспедиций.

В двух верхних слоях цитадели Баклинского городища, время которых определяется датирующими находками поливной керамики и некоторых типов амфор XII—XIV веков, обнаружена посуда, в орнаментике которой прослеживается связь с кочевым миром. Это в основном сосуды, украшенные определенными разновидностями врезного линейного узора либо наклепного орнамента, либо оттисками штампа, иногда в сочетании один с другим. Врезной волнисто-линейный орнамент, широко распространившийся на юге Восточной Европы и в Крыму в VII—VIII веках, может являться этническим показателем лишь в сочетании с другими признаками. В данном случае речь идет о врезной линии, образующей петлевидный или дуговидный узор, опоясывающий сосуд по плечам. Очевидна связь этого украшения с так называемым „гирляндоподобным“ орнаментом на группе сосудов из нижнедонских городищ и, в особенности, из Саркела¹. Гирлянды и фестоны образуют врезной линейный орнамент, который зачастую покрывал всю верхнюю половину сосуда, а порой заходил и на нижнюю. Этому „пышному“ и беспорядочно расположенному орнаменту очень близки на сосудах из Баклы и Эски-Кермена узоры из врезных линий, небрежно нанесенные до обжига, зачастую в беспорядке и довольно густо на верхнюю половину тулова сосуда². Рис. 1, 1,8; 2, 10—18.

Принадлежность нижнедонской керамики с описанным узором тюркоязычным кочевникам хорошо обоснована и сомнений не вызывает³. Хронология этой посуды определяется, исходя из аналогий и распространения в слоях Саркела, в основном хазарским периодом и, в меньшей степени, русским, т.е. IX—X веками, с вероятным продолжением изготовления какой-то части керамики в более позднее время, в XI в.⁴. К прототипам орнамента, бытовавшим в кочевнической среде, восходит на керамике из горнокрымских городищ орнаментальный мотив в виде обработки краев ручек кувшинов и горшков зазубринами, выполненными тупым зубчатым штампом. (Рис. 1, 3; 2, 9). Первоначальный смысл этих зазубрин прослеживается на чаше из Саркела, ручка которой

изображает пару крутых бараньих рогов⁵. Края этой ручки обработаны зазубринами для большего сходства с оригиналом. Наряду с изобразительной манерой в Саркеле существовал стилизованный прием передачи рогов: извилистыми лентами ногтевого орнамента⁶. На горнокрымской керамике зазубрины по краям ручек являлись, очевидно, чисто орнаментальным отголоском уже забытого ритуального значения. Иногда этот мотив сочетается с узором из опоясывающей сосуд по плечу ленты, образованной оттиснутыми штампом квадратами. (Рис. 1,4.) Такой орнамент очень част на сосудах из Саркела, но более присущ там русской керамике X—XII веков⁷. На Баклинском городище была найдена ручка кувшина, украшенная двумя сходящимися под углом налепными жгутами, имитирующими рога. (Рис. 2,7). Техника налепа свидетельствует о принадлежности сосуда с этой ручкой к другой группе посуды, о которой речь дальше.

Итак, в XII—XIV веках в Горном Крыму бытовала керамика, украшенная орнаментом, который во многом близок орнаменту на группе сосудов из нижнедонских городищ, относимых по ряду существенных признаков к кочевническим и датируемых, в основной массе, хазарским периодом Саркела, не позднее первой половины XI века, и лишь изредка, возможно, существовавших дольше.⁸ Отсюда следует, что сравниваемую керамику, горнокрымскую и нижнедонскую, разделяет промежуток, времени, равный, в среднем, двум-трем столетиям. Таким образом, становится ясно, почему при сходстве орнаментальных мотивов, т.е. более консервативном признаке, формы сосудов достаточно разнятся. В предшествующем слое, т.е. в IX—XI веках, сходные формы сосудов на Баклинском городище, хотя и не часто, но встречаются. При этом важно, что это все сосуды лепной выработки. Можно полагать, что среди нового населения, которое появилось, судя по стратиграфии, строительным остаткам и находкам на Баклинском и Эски-Керменском городищах в начале IX века⁹, собственно кочевников или их осевших на землю потомков было немного.

На городищах Горного Крыма в позднесредневековый период при изготовлении столовой и тарной посуды широко применялся гончарный круг; на Баклинском городище был найден гончарный круг (ручной).¹⁰ В производстве кухонной посуды применение круга было более ограниченным. Керамика с узором кочевнического типа выполнена без применения круга, лишь венчики сосудов указывают иногда на использование, вероятно, вращающейся подставки. Очевидно, первоначальная технологическая особенность была закреплена традицией.

В слоях IX—XI веков на Баклинском городище большая часть керамики, которую можно связать с приходом нового населения, близка сосудам, сходным по орнаментации и форме не с сосудами кочевнического типа, а с керамикой оседлого и полuosедлого населения салтовского круга памятников. Этому соответствуют и антропологические данные об обитателях Эски-Кермена, Мангупа, Каламиты. Несмотря на некоторые различия во мнениях, антропологи, изучавшие материалы из городищ и могильников Горного Крыма, согласны в том, что в форми-

ровании его населения принимали участие элементы, сходные с населением, оставившим Зливкинский могильник, с обитателями Саркела, с болгарами Приазовья и Подонья, наконец, с сарматами Поволжья. Имеются также определенные параллели в краниологических сериях с Дагестаном и Закавказьем.¹¹ Рассмотрению посуды салтоидного облика будет посвящена специальная публикация. Здесь лишь отмечу, что в слоях XII—XIV веков на первоначальную связь с керамикой оседлого населения нижнего Подонья указывает, в основном, орнаментация некоторых видов керамики и лишь в незначительной степени форма сосудов.

Другую группу керамики из Горного Крыма, появление которой было связано, так или иначе, с кочевниками, составляют сосуды, украшенные налепным орнаментом и оттисками штампа, иногда в сочетании с врезным орнаментом. Кувшины, принадлежащие к этой группе, имеют шаровидное либо удлинено-яйцевидных пропорций тулово и, как правило, высокое горло, к которому, обычно, ниже венчика примыкает ручка. Часто встречаются венчики ойнохоревидные либо с удлинением сливом. (Рис. 1,3,5,7,9.) Имеются также кувшины с горлом-раструбом, а также кувшины, не имеющие вовсе венчика — с цилиндрическим, как бы обрубленным горлом. (Рис. 1,6; 2,6.) Горшки с налепным или штампованным орнаментом встречаются реже — они шаровидной формы, с прямым венчиком, имеющим иногда уступ (для крышки). Рис. 1,2. Сосуды таких форм и орнаментики не свойственны памятникам салтовского круга и одновременной им керамике кочевнического типа, равно как не свойственны и для керамики более поздних городищ Подонья и Северного Причерноморья.

Эта группа керамики наибольшее сходство имеет в орнаментике и, в меньшей степени, в форме с керамикой из Средней Азии и Приаралья, особенно из районов нижнего и среднего течения Сырдарьи. Здесь назову, прежде всего, кувшины Баклинского городища, горло которых опоясано как бы свисающим рассеченным налепным пояском. (Рис. 1,8; 2,2,8.) Это имитация ожерелья из отдельных пронизей. Орнамент, идентичный по содержанию и расположению на сосудах, известен на керамике из Семиречья карлукского времени, то есть VIII—X веков.¹² Там различного рода ожерелья из накладного глиняного жгута являлись первоначально украшением сосуда, в котором зороастрийцы хранили воду во время праздника весны.¹³ В дальнейшем, когда смысл украшения был утерян и оно приобрело чисто декоративный характер, наряду со „свисающим пояском“ стали украшать сосуды обычным горизонтальным пояском, хотя и рассеченным, и в районе возникновения орнамента, и в Крыму. (Рис. 1,6,9; 2,6.) Результатом аналогичной эволюции являются лепешкообразные „нашлепки“ на ручках и плечах одного из кувшинов с „ожерельем“ и кувшина из Эски-Кермена (Горный Крым). (Рис. 2,2.)¹⁴ Точные параллели этому украшению имеются на поселениях Чуйской долины. Там, в карлукский период, когда-то реалистические изображения барана заменяются изображением его характерного признака, например рогов, которые все более схематизируются, превращаясь, в конечном счете, лишь в нашлепку на верхней плоскости ручки.¹⁵ Наличие на одном

и том же сосуде из Горного Крыма и „ожерелья“ и „лепешки“ указывает, конечно, на то, что первоначальное смысловое значение этого орнамента было здесь полностью забыто.

Часто встречаемый на Баклинском городище орнамент в виде оттисков круглого штампа — четырехчастного колесовидного и розетковидного — имеет аналогии в керамике Средней Азии. (Рис. 1,2,5,6,7,9)¹⁶ Однако техника нанесения там этого орнамента по большей части иная, чем в Крыму — глину вдавливали пальцем изнутри сосуда в приставленный к стенке штамп, и поэтому изображение получалось выгнутым. Вместе с тем применялся и штамп с резким краем, который вдавливался в глину.¹⁷ В Средней Азии этот орнамент употреблялся с VII—VIII веков но особенно широкое развитие получил с XI века. Тогда же в VII—VIII веках в Пенджикенте на керамике появилось сочетание штампованного орнамента с врезным волнистым.¹⁸ Наибольшее количество аналогий украшениям, нанесенным штампом, на посуде из Горного Крыма как в узоре, так и в технике (применение только вдавленного штампа) имеется на территории Отрарского оазиса по течению Средней Сырдарьи.¹⁹ Прием орнаментации оттисками круглого штампа, частый на Баклинском городище, на других поселениях Горного Крыма не известен.

Сосуды из Горного Крыма, украшенные орнаментом, в той или иной мере близким среднеазиатскому или приаральскому, — это в основном, горшки и кувшины. В формах горшков нет никаких характерных особенностей, которые указывали бы на типологическую близость сравниваемой керамики. В кувшинах, особенно узкогорлых, наблюдаются подчас общие пропорции, которые могут, однако, являться результатом конвергенции, а не типологической общности. Вместе с тем фрагменты „чайникообразных“ сосудов и их варианты могут рассматриваться, применительно к формам, как аналогии сосудам такого же типа из Средней Азии, в частности бассейна Средней Сырдарьи. (Рис. 2,1,3,5)²⁰ Но такого же рода „чайники“, идентичные среднеазиатским есть и в Херсонесе,²¹ откуда эта форма могла быть занесена в Горный Крым. Лишь сосуды типа „ямов“ из Горного Крыма, т.е. горшки, резко сужающиеся к днищу, с двумя петлеобразными ручками, указывают на прямое воздействие при их изготовлении форм посуды, известной в материалах Отрара и городищах Средней Сырдарьи. (Рис. 2,4)²²

Аналогии в орнаментике посуды XII—XIV веков из Горного Крыма и Средней Азии и Приаралья нельзя объяснить ни прямыми контактами, ни непосредственным культурным влиянием, ни, наконец, распространившейся модой. В украшениях посуды из синхронных слоев приморских городищ Причерноморья и Приазовья такие орнаментальные мотивы, по крайней мере, среди изданного материала отсутствуют. Приходится поэтому думать о каком-то посредствующем звене, функцию которого могли выполнить кочевники. В этой связи представляется важным, что один из орнаментальных мотивов, сравниваемых со среднеазиатскими — оттиски круглого штампа — встре-

чается в Горном Крыму только на Баклинском городище, то есть самом ближайшем к степи. Кочевники, с которыми можно связывать появление среднеазиатских и приаральских украшений на керамике Горного Крыма — это половцы, превратившие крымские степи и предгорья до прихода сюда татар в свое заповедное поле.²³ Тут же правда, возникает вопрос: почему такой орнамент не известен в курганных погребениях, которые принято связывать с половцами? Очевидно потому, что как отмечено в специальном исследовании, посвященном половецким изваяниям, кочевническая керамика XII—XIII веков очень мало известна, а сосуды в могилах встречаются крайне редко.²⁴

Приведенные факты позволяют утверждать, что в формировании керамического комплекса, характерного для городищ Горного Крыма эпохи позднего средневековья, приняли в той или иной степени участие и кочевнические компоненты. Их проникновение в Горный Крым обозначается керамикой двух описанных выше групп, принадлежащих одним и тем же слоям — XII—XIV веков. Эти группы указывают на два этнически различных компонента. Первый связан с так называемыми ранними кочевниками, синхронными носителями салтовской культуры, а второй — с половцами. В этой связи представляется важным, что в Отраде посуда, украшенная штампом, появляется в слоях X—XI веков, в то время как ранее она здесь известна не была. Новые приемы орнаментации объясняются массовым передвижением в бассейн Сырдарьи кимако-кипчацких племен,²⁵ составивших затем половецкий племенной союз.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ АРТАМОНОВ М.И. Средневековые поселения на Нижнем Дону. ИГАИМК, вып. 131, 1935, стр. 34—37. ПЛЕТНЕВА С.А. Керамика Саркела-Белой Вежи. МИА, 75, М. 1959, стр. 231—234, рис. 15—19.

² Материалы из Эски-Кермена (городища) не опубликованы, хранятся в Бахчисарайском историко-археологическом музее. Здесь и далее ссылки на шифры музея. МПГ, ящик 5, ЭК-37, 1540. Ящик 7, ЭК-36, 892, 915, 978.

³ ПЛЕТНЕВА С.А. Указ. соч. стр. 236.

⁴ Там же. Стр. 236—237, 257—272, рис. 46, 49.

⁵ Там же. Стр. 236, рис. 21.

⁶ Там же. Стр. 231, рис. 15.

⁷ Там же. Стр. 229, рис. 14, 10, 11.

⁸ АРТАМОНОВ М.И. Указ. соч. стр. 33, сл., рис. 13, 1, 3, 8, 15.

⁹ РЕПНИКОВ Н.И. Остатки укреплений Эски-Кермена. ИГАИМК, т. XII вып. 1—8, 1932, стр. 203. ТАЛИС Д.П. Раскопки Баклинского городища в 1961—1965 гг. КСИА, 120, М., 1969, стр. 58—59.

¹⁰ РОМАНЧУК А.И., РУДАКОВ В.Е. Керамический комплекс IX—X вв. Баклинского городища. СА, 1975, 2, стр. 220.

¹¹ ДЕБЕЦ Г.Ф. Антропологический состав населения средневековых городов Крыма. Сб. МАЭ, т. XII, 1949, стр. 346, 386. ГИНЗБУРГ В.В. Антропологические материалы к проблеме происхождения населения Хазарского каганата. Сб. МАЭ, т. XIII, 1951, стр. 373. БЕНЕВО-ЛЕНСКАЯ Ю.Д. Антропологические материалы из средневековых могильников Юго-Западного Крыма. МИА, 168, М., 1970 стр. 196–207. ЗИНЕВИЧ Г.П. Антропологические материалы средневековых могильников Юго-Западного Крыма. Киев, 1973, стр. 93–140.

¹² БЕРНШТАМ А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая. МИА., 26, М., 1952, стр. 155, рис. 68.

¹³ БЕРНШТАМ А.Н. приводит одно из сообщений о зороастрийцах, которые „надевали на шейку кувшина ожерелье из зеленых яхонтов“. (Указ. соч. стр. 155.)

¹⁴ МПГ, ящик 8, 1759, 978.

¹⁵ БЕРНШТАМ А.Н. Указ. соч. стр. 153–154, рис. 154.

¹⁶ БЕРНШТАМ А.Н. Чуйская долина, МИА, 14, М., 1950, табл. XXIV, 3; XXVI, 4; LXIX 5; LXXXI, 1. ВЯТКИН В.П. Городище Афросиаб. Ташкент, 1926, стр. 30, рис. 35; табл. I, II; БРЫКИНА Г.А. КАРА-БУЛАК. М., 1974, рис. 28, 3, 4, 8, 10; АТАГАРРЬЕВ Е. Материальная культура Шехр-Ислама, Ашхабад, 1973, стр. 24, рис. 4,3,4,7,8,9. ЛЕВИНА Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс.н.э., стр. 161, рис. 54, 77. ЗЕЙМАЛЬ Е.В. Раскопки объекта XIV на Пенджикентском городище. МИА, 124, М., 1964, стр. 255, рис. 10.

¹⁷ РАСПОПОВА В.И. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. IV, М., 1960, стр. 146–147, рис. 2–8.

¹⁸ БЕНТОВИЧ И.Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента. МИА, 124, М., 1964, стр. 297.

¹⁹ АКИШЕВ К.А., БАЙПАКОВ К.М., ЕРЗАКОВИЧ Л.Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, стр. 94–100, рис. 48–54, стр., 102–106, рис. 56–61.

²⁰ АТАГАРРЬЕВ Е. Указ. соч. стр. 55, рис. 16; БЕРНШТАМ А.Н. Чуйская долина, МИА, 14, 1950, табл. LXXX.

²¹ ЯКОБСОН А.П. Средневековый Херсонес. МИА, 17, М., 1950, стр. 110, рис. 67, 11,12; стр. 111, рис. 71,72.

²² АКИШЕВ К.А. и др. Указ. соч. стр. 90; стр. 100, рис. 54,11,12,13, АГЕЕВА Е.И., ПАЦЕВИЧ Т.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Труды Института истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР, 1958, т. 5, рис. 107.

²³ ЯКУБОВСКИЙ А.Я. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. ВВ, XXV, 1928, стр. 63.

²⁴ ПЛЕТНЕВА С.А. Половецкие каменные изделия. М., 1974, стр. 52.

²⁵ АКИШЕВ К.А. и др. Указ. соч. стр. 191.

К ВОПРОСУ О ГЕНЕТИЧЕСКОЙ СВЯЗИ РАДИМИЧСКИХ И ВЯТИЧСКИХ ВИСОЧНЫХ КОЛЕЦ

Археологам хорошо известен тип лопастных височных колец, которым было дано условное название „деснинских“ (рис. 1). Мы уже писали о подвесках такого типа, отмечая, что это древнейшая форма лопастных височных украшений принадлежит радимичам и непосредственно генетически связана с классическими семилопастными височными кольцами вятичей.¹ Против такого названия выступил В. В. Седов, справедливо заметивший, что височных колец этого типа в бассейне Десны почти нет.² Поэтому в дальнейшем будем называть этот тип украшений по месту их первой находки — височные кольца типа „сельцо.“³

Недавно к изучению колец этого типа вновь обратилась Т. В. Равдина, объединив в своем исследовании как весь старый, так и вновь накопленный материал, включающий около 25 экземпляров подвесок, найденных в 12 пунктах.⁴ Т. В. Равдина пришла к следующим выводам. Поскольку самые древние вятичские кольца можно датировать лишь началом XII века, а височные кольца типа „сельцо“ относятся к третьей четверти XI века, то, следовательно, оба типа украшений хронологически не соприкасаются. Не совмещаются они и территориально — все кольца типа „сельцо“ распространены за пределами вятичской территории (за исключением находки у села Борки Рязанской области). Следовательно, ни хронологически, ни морфологически интересующий нас тип колец не связан с вятичами, не является переходной формой от радимичских украшений к вятичским (как это считали ранее) и ничем не может помочь в вопросе о генезисе классических семилопастных височных колец. Радимичская принадлежность колец типа „сельцо“ Т. В. Равдиной также отрицается.

Однако с выводами Т. В. Равдиной трудно согласиться.

Мы уже пытались доказать принадлежность височных колец типа „сельцо“ радимичам⁵. И хотя это вызвало возражение,⁶ однако новый материал, полученный из раскопок последних лет, лишний раз подчеркивает справедливость высказанного нами несколько лет тому назад предположения. Так, височное кольцо интересующего нас типа было найдено в кургане № 5 д. Новый Кривск вместе с обычными семилучевыми височными кольцами радимичей и другим материалом, характерным для данного племени. В комплексе с радимичскими вещами найдены височные кольца типа „сельцо“ и в курганах у деревни Шапчицы.⁷

Т. В. Равдина считает, что лопастные височные кольца интересующего нас типа разбросаны на огромной территории. Однако сопоставление

карты находок данного типа височных украшений, составленной Т.В. Равдиной, с ареалом радимичей показывает, что большинство височных колец типа „сельцо“ (около 20 экземпляров из 25, в 8 пунктах из 12) встречено именно на территории радимичей. Исключение составляют найденные за пределами ареала радимичей: одно кольцо в культурном слое Саркела-Белой Вежи, одно кольцо на селище у деревни Борки Рязанской области, в могильнике Глинники и три экземпляра в кривичских курганах у деревни Сельцо. Причем если на радимичской земле большинство височных колец типа „сельцо“ найдено в комплексах, часто по несколько штук в одном захоронении вместе с украшениями, характерными для этого племени,⁸ то за пределами радимичской земли находки интересующего нас типа колец в большинстве случаев единичны и носят случайный характер.⁹

Морфологически височные кольца типа „сельцо“ также связаны с радимичскими украшениями, хотя на первый взгляд они резко отличаются от классических образцов семилучевых височных подвесок. Их, прежде всего, роднит один общий признак — семь зубцов, идущих по верхнему краю щитка, деталь одинаково характерная как для семилучевых колец, так и для подвесок типа „сельцо“. Орнаментация последних, которая, казалось бы, резко отличает их от радимичских, в действительности встречается и на семилучевых височных кольцах. Примером может служить курган № 25, раскопанный в селе Влазовичи П.М. Еременко,¹⁰ в котором наряду с обычными радимичскими височными кольцами с гладкими щитками обнаружена аналогичная по форме подвеска, но орнаментированная (рис. 2). Основные детали этого узора — заштрихованная дуга в центре щитка, образованная как бы шариками ложной зерни, городчатый орнамент, повторяющий семь зубцов верхней части щитка, треугольнички, заходящие в нижние лучи кольца — в общих чертах бесспорно связаны с орнаментацией колец типа „сельцо“. Аналогичный (правда несколько измененный) орнамент встречен и на радимичском височном кольце, обнаруженном П.М. Еременко в одном из курганов Сурожского или Новозыбковского уездов Черниговской губ.¹¹ (рис. 3).

Таким образом, топография находок височных колец типа „сельцо“, а также анализ их формы и орнаментации позволяет говорить о тесной связи этого типа украшений с радимичами, для которых они так же характерны, как и семилучевые височные кольца.

Не вызывает сомнения и связь височных колец типа „сельцо“ с семилопастными подвесками вятичей. Если говорить о форме височных украшений, то следует отметить, что лопасти вятичских височных колец в некоторых случаях имеют не округлые, а едва заметные подтреугольные очертания, отдаленно напоминающие трехчастное деление лопастей височных колец типа „сельцо“ (Бочарово, курган 21, Леоново, Ступенки-II, курган 33¹²) (рис. 4).

Доказательством генетической связи височных подвесок типа „сельцо“ и вятичских украшений служит также детское пятилопастное височное кольцо из курганов у села Тушино (рис. 5).

Бесспорна также связь орнаментации височных колец типа „сельцо“ и вятичских. Все основные детали узора колец „сельцо“, перечисленные выше, повторяются позже на классических образцах вятичских подвесок. Причем, если на семилопастных височных кольцах XII века орнамент состоит из двух заштрихованных лент, из которых одна дугой проходит в нижней, а другая в верхней части щитка, то на некоторых ранних экземплярах вятичских височных колец не две, а одна заштрихованная полоса, занимающая центральную часть щитка, что, прежде всего, и роднит эти височные кольца вятичей конца XI или рубежа XI и XII веков с подвесками типа „сельцо“ (Трашковици, Леоново, Ступенки, Бочарово).

Наиболее интересной среди них и близкой по орнаменту височным кольцам типа „сельцо“ является вятичская подвеска, найденная на реке Угре в деревне Мокрая (рис. 6). Орнамент височного кольца одного из курганов у деревни Ступенки почти полностью повторяет рисунок уже упоминавшегося нами выше радимичского височного кольца (рис. 3).

Важно отметить, что ранние формы семилопастных височных колец, генетически связанных с височными подвесками типа „сельцо“ встречаются, в основном, на западе вятичской территории, на границе с радимичами.¹³

Преемственная хронологическая связь между двумя указанными типами височных колец несомненна. Так, височные подвески типа „сельцо“ Т.В. Равдина датирует третьей четвертью XI века¹⁴, а ранние типы семилопастных височных колец вятичей относит к концу XI или рубежу XI и XII веков¹⁵. Эту датировку подтверждает и весь материал, найденный вместе с ранними семилопастными височными кольцами близ деревни Трашковици, Ступенки, Бочарово — золото- и серебро-стеклянные бусы, крестопорезные бубенчики грушевидной формы, браслетообразные с правильной завязкой височные кольца, пластинчатые прямые перстни.

Морфологическая связь височных колец типа „сельцо“ и вятичских семилопастных колец является лишним доказательством того, что наиболее древние вятичские курганы с труположениями могут быть датированы концом XI века.

Что же касается вятичских курганов с трупосожжениями, относящимися к VIII—IX векам, то в это время они все сосредоточены в верховьях Оки. Северные области вятичского ареала еще не были освоены славянами.¹⁶ В какое время и откуда продвинулось славянское население на север вятичской территории? В какой-то степени ответ на этот вопрос можно получить, анализируя ранние формы височных колец. Мы установили морфологическую и преемственную хронологическую связь височных колец типа „сельцо“ и вятичских. Большинство колец первого типа, как мы уже отмечали, были найдены на радимичской территории, т.е. на западных границах вятичской земли. По-видимому, отсюда славянское население (радимици) продвинулось к востоку по реке Жиздре в верховья реки Оки и на реку

Угры, а височные кольца, характерные для этих племен, положили начало классическим образцам вятичских украшений.

Как уже ранее отмечалось, наиболее ранние вятичские кладбища с погребениями на горизонте конца XI — начала XII века встречаются в основном в бассейне рек Угры и Жиздры.¹⁷ К этому же времени относятся наиболее ранние формы семилопастных височных колец вятичей, которые также в основном распространены в западных районах их ареала.¹⁸

Вернувшись еще раз к анализу ранних форм височных колец, мы приходим к выводу, что заселение северной части вятичской земли происходило во второй половине XI века и что движение славян шло с запада.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ НЕДОШИВИНА Н. Г. К вопросу о связях радимичей и вятичей. Тр. ГИМ, вып. 37, М., 1960, стр. 143.

² СЕДОВ В. В. Славяне верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, стр. 160.

³ Раскопки К. А. Горбачева у д. Сельцо Калининской обл. ГИМ, Инв. № 78607.

⁴ РАВДИНА Т. В. Древнейшие семилопастные височные кольца. СА, № 3, 1975. Под древнейшими лопастными Т. В. Равдина подразумевает кольца типа „сельцо“. Нам кажется, что называть этот тип украшений семилопастными не следует, т. к. под семилопастными мы понимаем вполне определенные типы украшений, характерные для вятичского ареала.

⁵ НЕДОШИВИНА Н. Г. Указ. соч., стр. 144.

⁶ СЕДОВ В. В. Указ. соч., стр. 160. Отрицая радимичскую принадлежность этого типа височных колец, В. В. Седов в качестве аргумента приводит „весьма разбросанное распространение этих колец и заметно отличный рисунок“. Однако к височным кольцам типа „сельцо“ В. В. Седов ошибочно отнес также подвески, найденные в Кветунском могильнике около Трубчевска и в Юрьеве Польском, относящиеся к другому типу.

⁷ СОЛОВЬЕВА Г. Ф. Славянские курганы близ с. Новый Кривск. КСИА 125, 1971; ОНА ЖЕ. Раскопки славянских памятников XI—XII вв. в Гомельской обл. АО 1968, М., 1969.

⁸ НЕДОШИВИНА Н. Г. Указ. соч. стр. 144.

⁹ Также как случайный характер носят, например, два семилопастных височных кольца вятичей, найденные при раскопках в Новгороде, что не исключает того, что наибольшая их концентрация приходится на бассейны рек Оки и Москвы.

¹⁰ ГИМ. Инв. № 32884.

¹¹ ГИМ. Инв. № 32884.

¹² Б.А. Рыбаков отмечал, что стоило мастеру подогреть металл, и лопасти кольца становились вместо тройственных округлыми — так путем упрощения и возникли округлые лопасти вятичских височных колец. Ремесло древней Руси. М., 1948. стр. 108.

¹³ РАВДИНА Т.В. Хронология „вятичских“ древностей. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1975, стр. 7—8.

¹⁴ РАВДИНА Т.В. Древнейшие семилопастные височные кольца. СА № 3, 1975.

¹⁵ РАВДИНА Т.В. Типология и хронология лопастных височных колец. Сб. „Славяне и Русь“, М., 1968, стр. 138—139; ЕЕ ЖЕ. Хронология „вятичских“ древностей. Автореферат, стр. 8, 15.

¹⁶ СЕДОВ В.В. Ранние курганы вятичей. КСИА. 135, 1973, стр. 16.

¹⁷ НЕДОШИВИНА Н.Г. Погребальный обряд вятичей XI—XIII вв. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1973.

¹⁸ РАВДИНА Т.В. Хронология „вятичских“ древностей., стр. 8—9.

ТОПОРИК-ЧЕКАН ИЗ ГНЁЗДОВА

В результате систематических раскопок Гнёздовского селища были открыты остатки ремесленного производства и торговой деятельности населения. Этот поселок в известной степени синхронен знаменитым гнёздовским курганам. Благодаря этим исследованиям значительно дополнена и расширена коллекция предметов вооружения, украшений, бытовых предметов, керамики. В ряде случаев были обнаружены новые типы категорий тех вещей, которые хорошо известны по раскопкам курганов.

В данном случае речь пойдет об одном из типов боевых топоров.

В культурном слое Гнёздовского поселения были найдены три целые топора и обломки обушной части двух других топоров, типы которых восстановить невозможно.

Два топора относятся к типам III и IV по классификации А.Н. Кирпичникова (рис. 1,1,2), которые хорошо известны по находкам в Восточной и Западной Европе.¹ Топоры IV типа представлены целым рядом находок из Гнёздовских курганов.² Особый интерес представляет третий топор небольшого размера (рис. 1,3). Топор имеет на тыльной стороне обуха грибовидный молоточек, узкое, оттянутое вниз лезвие с полукруглым вырезом, слегка приподнятый верхний край лезвия и две пары хорошо выраженных щекавиц по сторонам обушного отверстия. Длина лезвия — 10,2 см, ширина — 3 см, длина щекавиц — 5 см, длина молоточка — 3 см, размер обушного отверстия 3,2х2,3 см. По своей форме топорик должен быть отнесен к боевым топорам-чеканам — виду оружия, распространенному на территории Восточной и Центральной Европы в VIII—XI веках³. Чеканы считаются оружием восточного происхождения, появившимся в Европе в связи с передвижением евразийских кочевников.

В VIII—XI веках чеканы распространены на очень широкой территории от Прикамья до Чехословакии. Несмотря на обилие находок боевых топоров в пределах древней Руси, среди топориков-чеканов, классифицированных в работе А.Н. Кирпичникова, не оказалось точных аналогий гнёздовской находке. Топоры, известные из памятников VIII—XI веков Восточной Европы, отличаются от гнёздовского чекана формой лезвия и пропорциями.

Необычность формы гнёздовского чекана вызвала необходимость поисков аналогий на очень большой территории. Наиболее близкими по форме и пропорциям оказалось несколько находок из Польши, Венгрии и Чехословакии (рис. 2). Это топорик-чекан, найденный на городище Попшицы, датированном VII—VIII веками⁴.

А. Надольский топоры этого типа (тип 1 d по его классификации) датирует более поздним временем — X веком.⁵ Аналогичный чекан из

могильника Чирак отнесён Й. Хампелем к IX — началу X века.⁶ Полной аналогией гнёздовскому является топорик-чекан из погребения великоморавской эпохи в Старе Место, которое относится авторами публикации к середине IX века.⁷

Топоры этого типа И. Поулик считает типичным оружием моравского бойца и определяет существование секир так называемого „блучинского типа“ в Моравии во второй половине VIII — начале XI века.⁸

По мнению А.Н. Кирпичникова, чеканы распространяются в X—XI веках с территории Руси в страны Центральной и Северной Европы, оставаясь весьма характерным оружием или знаком ранга для русского воина вплоть до XVII века.⁹ Однако уже в более раннее время в ряде пунктов Центральной Европы появляются боевые топоры, чрезвычайно близкие секирам „блучинского типа“. Одна из наиболее ранних находок происходит из могильника VI—VIII веков Холиара.¹⁰ Появление на территории Польши топориков с выраженными щекавицами и молоточком А.Надольский связывает с южным влиянием — со стороны Венгрии через Моравию, — так как основная масса находок размещается на юге Польши.¹¹ Вероятно, кроме распространения боевых топоров через Русь в X—XI веках, чеканы несколько иных форм появились на территории Центральной Европы в более раннее время благодаря движению аварских племен.

Чекан — это не единственное свидетельство связи Гнёздова с западнославянскими землями. Отдельные формы круговой керамики, височное кольцо „волинского типа“, некоторые параллели зерненым украшениям из кладов Гнёздова — все это говорит о контактах Гнёздовского торгово-ремесленного поселения с территорией западных славян в наиболее яркую эпоху его существования — в X веке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ КИРПИЧНИКОВ А.Н. Древнерусское оружие, вып. 2, М.-Л., 1966, стр. 35—37.

² ГИМ, хр. 117/47а; VIII—II/III—9; АВДУСИН Д.А. Гнёздовская экспедиция, КСИИМК, вып. 44 М.-Л., 1952, рис. 27,2.

³ КИРПИЧНИКОВ А.Н. Указ. соч., стр. 33.

⁴ W. SARNOWSKA. Topory wczesnosredniowieczne z obszaru Śląska, Światowit, t. 24, Warszawa, fig 8, s. 504.

⁵ A. NADOLSKIE. Studia nad uzbrojeniem polskim w X, XI i XII wieku, Acta Archaeologica Universitatis Lodzensis, nr. 3, Lodz, 1954, tabl. XIII, 1, 3; s. 41.

⁶ J. HAMPEL. Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn, 1 Braunschweig, 1905, fig. 97, 1031.

⁷ V. HRUBY. Staré Mesto velkomoravske pohřebiště na valach, Praha, 1955, taf. 72, gr. 190/50, s. 173.

⁸I. POULIK. Staroslovanska Morava, Praha, 1948, s. 183.

⁹КИРПИЧНИКОВ А. Н. Указ. соч., стр. 33.

¹⁰A. TOČIK. Slawische-awarisches Graberfeld in Holiare, Bratislava, 1968, s. 10, taf., 69, 25; 28, 9.

¹¹A. NABOLSKIE. Op. citt.

КУРГАНЫ БЛИЗ ДЕРЕВНИ ПЕКУНОВО НА ВЕРХНЕЙ ВОЛГЕ

Археологические исследования на Верхней Волге в пределах Кимрского района, организованные Государственным Историческим и Кимрским краеведческим музеями, показали, что берега Волги в ее верхнем течении в X—XII веках были густо заселены. Небольшие поселения-селища располагались по обоим берегам реки на расстоянии 3—4 км друг от друга; вблизи большинства из них прослежены остатки курганных групп.

На экономическое развитие данного района, несомненно, оказывал влияние чрезвычайно оживленный в это время торговый путь по Волге, связывающий Новгород с Владимиро-Суздальским княжеством.

В настоящей статье публикуются материалы раскопок Пекуновских могильников, проведенных в 1972—1973 гг., которые в совокупности с ранее опубликованными данными дают возможность судить об этническом составе населения этого района в X—XII веках, а также о характере его материальной культуры.¹

Курганы у д. Пекунново на левом высоком берегу Волги расположены в двух группах на расстоянии 0,4 км друг от друга вблизи древнерусского селища, ранее нами исследованного. За два полевых сезона исследованы 2 кургана в первом Пекуновском могильнике и 19 насыпей во втором.

Во всех раскопанных курганах захоронения произведены по обряду ингумации. Погребенные лежали или на материке, или в неглубоких ямах в вытянутом положении, на спине, ориентированные головой на запад с небольшими отклонениями к северу и югу. Как правило, руки были вытянуты вдоль костяков, только в отдельных случаях одна рука была согнута и лежала на животе или на груди. За исключением одного мужского захоронения (курган 15), где в могильной яме обнаружены остатки обожженного дощатого гроба, покойников хоронили без гробов.

17 насыпей содержали одиночные погребения, в трех курганах открыты парные захоронения мужчины и женщины. В одном из курганов мужское погребение было произведено позднее основного женского с последующей дополнительной подсыпкой насыпи.

В погребальном ритуале Пекуновских курганов сохранились пережитки более древнего обряда трупосожжения. Так, в шести курганах в насыпи, в засыпке могильных ям и рядом с костяками разбросаны были мелкие угли. В некоторых курганах земля под костяками носила следы сильного обжига.

Любопытной деталью погребального обряда являются „погребальные дары“, обнаруженные в четырех погребениях. Они состояли из

украшений: браслетов, перстней, бус, шумящих привесок, а также монет и находились либо в ногах погребенного, либо внутри черепа, то есть были, видимо, положены в рот покойнику. Так, например, в кургане 7 „погребальный дар“ был завернут в бересту и состоял из двух браслетов (бронзового и железного) и трех пластинчатых перстней.

В кургане 1 в качестве „дара“ была использована западноевропейская серебряная монета 1054–76 гг. (город Гронинген).

В кургане 10 первого Пекуновского могильника „дары“ лежали у левой пятки погребенной рядом с лепным сосудом и состояли из пластинчатого браслета и шумящей привески — плетеного конька „владимирского типа“.²

Обычай сопровождать погребенных „дарами“ характерен для финно-угорских племен, в погребальном обряде которых он сохранился вплоть до XIV–XV веков.³

Подобные находки обнаружены в курганах Смоленской, Московской, Калининской областей,⁴ то есть в районах, где славяне смешались с местным финноязычным населением, отдельные элементы погребального обряда которого проникли в славянский погребальный ритуал.

Глиняные сосуды в наших курганах, поставленные обычно у ног или реже у плеча погребенных, видимо, были специально изготовлены для захоронений. Они лепные, плохого обжига и отличаются от керамики того же времени, найденной на соседних поселениях.

Обратимся к вещевым комплексам раскопанных курганов, которые состоят из орудий труда, предметов быта, украшений и вооружения. Погребальный инвентарь найден в 17 курганах — в 9 женских погребениях и 8 мужских.

Во всех женских погребениях найдены височные кольца в количестве от 1 до 4 экземпляров. Наиболее распространены здесь перстнеобразные кольца из серебряной или бронзовой проволоки с сомкнутыми концами, в некоторых образцах один конец спирально загнут. Встречаются в курганах и серебряные трехбусинные кольца из проволоки с гладкими напусковыми бусами (курганы 4, 7, 12). Последние состоят из двух половинок, сделанных из тонкого серебряного листа (рис. 1, 3). В курганах, раскопанных Н. П. Милоновым и К. И. Комаровым, найдены серебряные однобусинные височные кольца с бусами, украшенными зёрнышком.⁵

Как известно, трехбусинные и однобусинные височные кольца редко встречаются в рядовых сельских некрополях, и находки их в Пекуновских курганах, очевидно, надо связать с расположением этого могильника на оживленном Волжском торговом пути.

Излюбленным женским украшением местного населения были также бусы. Ожерелья найдены во всех женских погребениях. Наиболее часто встречаются серебростеклянные и золотостеклянные бусы, лимонovidные вдвоенные, сердоликовые призматические и монетовидные, глазчатые и одноцветные бусы из глухого стекла и другие (рис. 1).

Среди ожерелий также нередко привески-пунницы и привески монетовидной формы с изображением солнца. В качестве привесок использовались и монеты. Монеты с припаянными ушками или с пробитым отверстием для подвешивания найдены в трех курганах. Так, например, в кургане 4 найден западноевропейский динарий 1045—71 гг. (Евер, рис. 1), в кургане 8 — саманидский дирхем 945 года (Самарканд, рис. 2).

Браслеты обнаружены в трех женских погребениях. В кургане 7 второго Пекунувского могильника браслет из перекрученного железного дрота находился на правой руке умершей, а два такой же формы бронзовых — в составе погребальных даров (рис. 3). Витой браслет из 2 серебряных проволок найден в кургане 8 того же могильника. Железный браслет из тордированного дрота и 3 пластинчатые бронзовые обнаружены в одном из курганов первого Пекунувского могильника.

Перстни, также как и браслеты, либо находились при костяках, либо в составе „погребальных даров“. Среди них есть серебряные пластинчатые завязанные или с заходящими концами, бронзовые и железные круглопроволочные.

В 11 курганах обнаружены ножи. Они сопровождали как женские, так и мужские погребения, находились при костяках там, где их носили при жизни — у пояса или бедра, часто с железными или медными колечками. Только в одном женском захоронении нож лежал под левой рукой (курган 8).

Из орудий труда наибольший интерес представляет целый серп в богатом женском погребении (курган 8, рис. 2). Серп лежал на животе умершей горизонтально острием книзу. В рядовых славянских курганах серпы встречаются редко. Находка его в комплексе с серебряными украшениями, арабской монетой, сердоликовыми и хрустальными бусами указывает на привелигированное положение погребенной.

Надо обратить внимание еще на одну особенность данного некрополя, заключающуюся в том, что при мужских погребениях наиболее частой находкой являются боевые топоры. Из 11 раскопанных мужских погребений топоры обнаружены при пяти костяках.⁶ Они разных форм: в кургане 2 под левой коленкой погребенного находился топор-чекан, тыльная сторона которого снабжена молотком. В его лезвии сделано отверстие для скрепления с предохранительным чехлом, в чем свидетельствуют остатки грубой растительной ткани крупного плетения на обеих сторонах топора. По классификации А.Н. Кирпичникова данный топор относится к типу А-1 и датируется XI веком.⁷ О том, что в кургане 2 погребен воин или купец, снабженный оружием, можно судить и по другим сопроводительным предметам. У правого плеча лежали фрагменты складных „карманных“ весов для взвешивания серебра — коромысло с пружиной и остатки бронзовых чашек (рис. 4). В области пояса — лировидная пряжка с железным язычком и нож.

Топорик-чекан меньшего размера, найденный в кургане 12 второго Пекунувского могильника в парном захоронении мужчины и женщины, также относится к типу А-1.

Другие топоры (курганы 1, 15, 19) типологически относятся к секирам „малых форм“, которые в Древней Руси использовались как универсальный инструмент во время похода и в бою.³

В кургане 15 при мужском костяке, кроме боевого топора, который находился у пояса, в ногах лежал черешковый ромбовидный наконечник стрелы новгородского типа, датирующийся XI веком⁹, на поясе лировидная пряжка и нож, а на груди серебряная монета — западноевропейский динарий второй половины XI века с остатками кожаного кошелька (рис. 5). Лировидная поясная пряжка, нож на массивном бронзовом кольце и боевой топорик обнаружены также в кургане 19. Из других украшений, найденных в мужских погребениях, интерес представляет кольцевидная фибула с длинной иглой и бронзовое литое плосковыпуклое в сечении кольцо с орнаментом, состоящим из звериных морд (курган 18), а также железная кольцевидная застежка фибула, найденная у левого бедра (курган 14).

Что касается датировки раскопанных курганов, то большую часть погребений по характеру инвентаря можно отнести к XI веку. Несколько более ранним временем, т.е. концом X — началом XI века датируется женское погребение в кургане 8, где найден дирхем 945 года,¹⁰ призматические и монетовидные сердоликовые бусы X—XI веков¹¹ и мужское погребение в кургане 2, где кроме топора-чекана находились „карманные“ весы, которые бытовали на Руси во второй половине X — начале XI века.¹² В женских погребениях курганов 1 и 4 и в мужском кургана 15 найдены западноевропейские монеты 3 четверти XI века, а также ожерелья из серебростеклянных и золотостеклянных бус, которые позволяют датировать эти курганы XI — первой половиной XII века.

Следует отметить, что судя по инвентарю кургана 10, могильник Пекуново I также относится к XI веку. Монета-дирхем, двурогие малые лунницы, стеклянные цветные ягдовидные и лимонные бусы, железный браслет, а также шумящие привески датируют погребение концом X—XI веков.

В этой связи можно высказать предположение, что топография близкого соседства двух одновременных могильников объясняется разнотечностью населения этого района в X — нач. XI века. Инвентарь погребений могильника Пекуново I, а также детали погребального ритуала носят ярко выраженный неславянский характер: пластинчатый перстень с шумящими привесками, треугольная шумящая привеска, плетеный конек „владимирского типа“ по мнению некоторых исследователей относятся к типично мерянским украшениям.¹³

Местное финно-угорское население, жившее здесь бок о бок со славянами на одних и тех же поселениях, к XI веку уже в значительной степени обрусело, но по старым традициям продолжало хоронить умерших родичей на своем родовом кладбище.

Таким образом, в результате изучения обряда погребения, могильных инвентарей, а также привлечения материала синхронных поселений мы приходим к заключению, что Пекуновские могильники в

X—XII веках были некрополями близлежащих поселений — Пекуновского, Притыкинского и Дубненского. Среди массы курганов с бедным набором инвентаря выделяются погребения, содержащие дорогие серебряные украшения, импортные бусы, предметы вооружения, что свидетельствует о классовом расслоении и выделении феодальной верхушки.

Большое количество привозных вещей, западноевропейских и восточных монет, обнаруженных в курганах, наличие погребений купцов с оружием и весами объясняется тем, что здесь по Волге проходил торговый путь, игравший большую роль в экономических сношениях древней Руси с северо-западными и восточными странами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹УСПЕНСКАЯ А.В. Древнерусское поселение Дубна. Тр. ГИМ № 40, М., 1966, стр. 105; Пекуновское селище и курганы. СА № 1, М., 1971.

²УСПЕНСКАЯ А.В. Указ. работа, рис. 2.

³ГОРЮНОВА Е.И. Ефаевский могильник. Археологический сборник. Саранск, 1942.

⁴НЕДОШВИНА Н.Г. Акатовский курганный могильник. Сб. „Экспедиции ГИМ“, М., 1969, стр. 217.

⁵МИЛОНОВ Н.П. Курганные могильники и селище у д. Пекуново. МИА 13, М., 1950, стр. 160; КОМАРОВ К.И. Погребение дружинника во втором Пекуновском могильнике на Верхней Волге. СА. № 13, М., 1974, стр. 253.

⁶Мужские погребения в курганах 6, 10, 16 оказались безынвентарными.

⁷КИРПИЧНИКОВ А.Н. Древнерусское оружие. САИ, том 2, М., 1966, стр. 30.

⁸Там же, стр. 29.

⁹МЕДВЕДЕВ А.Ф. Ручное метательное оружие. САИ, Е 1—36, М., 1966, стр. 67.

¹⁰Кроме того, надо указать находки двух дирхемов X в. в кургане 12 (раскопки Н.П. Милонова 1932 г.) и в кургане 40 второго Пекуновского могильника (раскопки К.И. Комарова 1972 года).

¹¹ФЕХНЕР М.В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. Т. ГИМ, № 33, стр. 152.

¹²ЯНИН В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956.

¹³ГОЛУБЕВА Л.А. Коньки-подвески междуречья Волги и Оки. СА № 2, М., 1976, стр. 81; ГОРЮНОВА Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА 94, М., 1961, стр. 124.

К ВОПРОСУ О ЮЖНЫХ ТОРГОВЫХ СВЯЗЯХ
ДОМОНГОЛЬСКОГО СМОЛЕНСКА

Торговые связи Смоленска, расположенного на одном из важнейших торговых путей Восточной Европы, давно привлекали внимание исследователей. И в первую очередь потому, что сохранился великолепный и до конца еще не исчерпанный письменный источник „Смоленская торговая правда“. Этим связям посвящены специальные исследования,¹ а некоторые аспекты этой проблемы рассматривались в обшечисторических работах по торговле Руси.²

Во всех работах торговля Смоленска делится на два этапа: I — ранний, или „византийский“, — с IX по XI век и поздний, или „западный“, — с XII по XV век. Источниками для определения раннего этапа служили данные летописей, трактата Константина Багрянородного „Об управлении государством“, нумизматический и вещевой материал Гнёздовских курганов.

Не вдаваясь в подробности, отметим, что эти данные являются лишь косвенными сведениями о торговле смолян с югом. Материал, имевшийся в распоряжении исследователей, позволял только наметить направление этих связей, поскольку выражен единичными находками, но не отражал закономерностей торговых отношений. Объективно об уровне торговых отношений на том или ином этапе можно судить только на основе массового материала.

В нашем распоряжении имеется коллекция, полученная в результате работ Смоленской археологической экспедиции МГУ в самом городе, на ул. Соболева. Здесь обнаружен нетронутый культурный слой мощностью от 3,5 до 7,5 м, в котором хорошо сохранилось дерево. Прослежено 22 строительных яруса построек и мостовая улицы. Н. Б. Черных определила дендродаты 1—16 ярусов 1142—1605 гг.,³ 17—22 яруса датируются суммарно по керамике и вещам, среди которых отметим бусы-лимонки и кресала ранних вариантов, XI — началом XII века.⁴

Коллекция, собранная на этом участке, насчитывает несколько тысяч предметов разного назначения. Среди них есть и изделия южного импорта. В данном случае используются массовые категории предметов южного происхождения: корчаги, шиферные пряслица, стеклянные браслеты и самшитовые гребни. Объединение предметов южнорусского и иноземного происхождения здесь намеренно, так как только в этом случае можно говорить об интенсивности использования торговых путей Смоленска с югом.

Обратимся к графику распределения по ярусам вещей, бесспорно поступающих по Днепровскому пути, как наиболее важному для

Смоленска (рис. 1). Самыми объективными показателями поступления будут хрупкие предметы, которые обычно недолговечны. В данном случае такими являются корчаги, представленные обломками, которые, к сожалению, не позволяют достоверно восстановить их форму, и установить тем самым точное место их производства. Однако южное их происхождение сомнений не вызывает.⁵ Распределение корчаг дает правильную кривую: поступление начинается в XI веке, быстро растет и достигает максимума на рубеже XI—XII веков, но очень скоро после этого ввоз их сокращается, и в середине XII века корчаг уже, практически, нет.

Стеклянные браслеты, а в данном случае речь идет только о браслетах фиолетового и бирюзового цветов, киевское происхождение которых для Смоленска доказано,⁶ появляются также в XI веке и ввоз их постепенно растет, достигая максимума в 40-е годы XII века. Во II половине XII века их поступление стабилизируется, но ввоз в это время количественно превышает ввоз I половины XII века. К середине XIII века поступление этих браслетов быстро сокращается. Существование отдельных экземпляров в более позднее время можно определить как пережиточное бытование вещи.

Основная масса шиферных пряслиц поступает в Смоленск в XI—начале XII веков. В I половине XII века наблюдается небольшое понижение их ввоза, а затем до начала XIII века импорт их стабилизируется. В XIII веке количество их становится незначительным и постепенно сходит на нет. Пряслица из шифера, найденные в слое позже середины XIII века, отражают не закономерности торговых отношений, а пережиточное бытование вещи, так как овручские мастерские уже перестали существовать.

Таким образом, можно говорить, что с XI века в течение всего XII века Днепровский путь для Смоленска действует непрерывно, хотя наибольшее количество вещей поступает на рубеже XI—XII веков — в I половине XII века.

Полученные данные интересны еще и потому, что сравнение их с данными по торговле Новгорода показывает более раннее максимальное поступление предметов южного происхождения в Смоленск: разница в среднем составляет 20—30 лет. Так, наибольшее поступление корчаг и пряслиц в Новгород приходится на начало XII века,⁷ фиолетовых и бирюзовых браслетов — на конец XII — начало XIII века.⁸

Кроме того, в графиках распределения по ярусам корчаг, пряслиц и грецких орехов в Новгороде Е. А. Рыбина отметила резкое сокращение ввоза этих предметов на рубеже XI—XII вв.⁹ В торговле Смоленска такие перепады отсутствуют. В Новгороде сокращение ввоза объясняется обострением экономических и политических взаимоотношений с Киевом.¹⁰

Различия в поступлении одних и тех же вещей по Днепровскому пути в Новгород и Смоленск объяснимы, видимо, только одним: ярко выраженной южной ориентацией Смоленска в это время, что прослеживается на разном материале. Так, нумизматический материал

позволил В.Л. Янину определить, что „...более близкий к Новгороду Смоленск вошел в ареал распространения киевских денежно-весовых единиц“¹¹. Керамический материал, полученный в результате раскопок, выявляет заметные южнорусские связи Смоленска. Это прослеживается по таким категориям вещей, как светильники, корчаги, ковши, а также по характеру орнамента на керамических изделиях.¹² Обратившись к политической истории Смоленска, мы увидим, что начиная с 70-х годов XI века этот город тесно связан с Киевом, так как его князем был Владимир Мономах, хотя временами его заменяли сыновья, а иногда посадники. Не позднее 1127 г. смоленским князем становится внук Мономаха Ростислав Мстиславич, во время княжения которого происходит обособление Смоленской земли.

Таким образом, максимальное поступление вещей, идущих из Киева или через Киев, получает свое объяснение. После смерти Ростислава начинается период усобиц, которые сказываются и на торговле. В конце XII века в поступлении браслетов и пряслиц наблюдается спад (рис. 1).

Изучение дальних связей Смоленска не обеспечено массовым материалом. Можно отметить лишь существование в XI—XII веках отношений с Византией, что подтверждается находками при раскопках таких вещей, как синие кобальтовые браслеты, иногда расписные, осколки синих сосудов и костяная накладка на ларчик, орнаментированная розетками¹³ (рис. 2). Кроме того, в слоях XI—XII веков встречаются обломки поливной византийской посуды.¹⁴

Эти данные позволяют говорить о том, что торговые отношения с Византией существовали не только в IX—XI веках, но и в XII веке.

Происхождение самшита, который является сырьем для производства гребней, и путь его поступления в Смоленск определяется сравнением графиков¹⁵ распределения по ярусам гребней в Смоленске и Новгороде. Принципиальное совпадение этих графиков позволяет предполагать в обоих случаях один источник происхождения самшита, а именно Кавказ. Следовательно, в Смоленск он поступал по Волжскому или Донскому пути.

Рассмотренные материалы свидетельствуют о развитых торговых связях Смоленска в XI—XII вв., которые осуществлялись, в основном, по Днепровскому пути. Значение Волжского пути менее заметно, но он продолжает действовать и после середины XIII века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ КРАСНОПЕРОВ М.М. Очерки промышленности торговли Смоленского княжества с древнейших времен до XV века. Историческое обозрение, т. 7, Спб. 1894.

УСАЧЕВ Н.Н. Торговля Смоленска с Висби, Ригой и северогерманскими городами в XII—XIV веках. Автореферат канд. дисс. М., 1952. ОН ЖЕ.

Смоленская торговая правда как юридическая основа торговли с Ригой, Висби и северогерманскими городами в XIII—XIV веках. Сб. „Тезисы докладов научной конференции Смоленского пединститута“. См., 1955. ОН ЖЕ. К оценке внешнеторговых связей Смоленска в XII—XIV веках, Международные отношения России до XVI века, М., 1961. ОН ЖЕ. О внешней торговле Смоленска в IX—XIV веках. МИСО, № 7, См., 1970. ОН ЖЕ. Публикация и историография Смоленского договора 1229 г. как источник по средневековой русско-прибалтийско-немецкой торговле на западно-двинском направлении. Предметы и ареал торговли Смоленска с Западом до начала XV века, Социально-экономическое развитие России и зарубежных стран. См., 1972.

² БЕРЕЖКОВСКИЙ М.Н. О торговле Руси с Ганзой до конца XV века. Спб., 1879. МУРАВСКАЯ Е.И. Организация торговли Риги с Полоцком, Витебском и Смоленском в XIII—XV веках. Уч. зап. Латвийского гос. университета, т. 40, вып. 3, Рига, 1961.

³ ЧЕРНЫХ Н.Б. Дендрохронология средневековых памятников Восточной Европы. Проблемы абсолютного датирования в археологии, М., 1972, стр. 97—102.

⁴ КАМЕНЕЦКАЯ Е.В. Керамика IX—XIII веков как источник по истории Смоленского Поднепровья. Автореферат канд. дис. М., 1977, стр. 21.

⁵ ОНА ЖЕ. Керамика Смоленска XII—XIII веков, Проблемы истории СССР, М., 1976, стр. 11.

⁶ ЩАПОВА Ю.Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972, стр. 113

⁷ РЫБИНА Е.А. Из истории южного импорта в Новгород, СА № 1, М., 1971, стр. 262, рис. 1.

⁸ ЩАПОВА Ю.Л. Указ. соч., стр. 121, рис. 24.

⁹ РЫБИНА Е.А. Указ. соч., стр. 262, рис. 1.

¹⁰ ОНА ЖЕ. Указ. соч., стр. 264.

¹¹ ЯНИН В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья, М., 1956, стр., 151.

¹² КАМЕНЕЦКАЯ Е.В. Керамика Смоленска XII—XIII веков, стр. 46.

¹³ ДАРКЕВИЧ В.П. Светское византийское искусство, М., 1975, стр. 276.

¹⁴ КАМЕНЕЦКАЯ Е.В. Автореферат канд. дисс. стр. 22.

¹⁵ РЫБИНА Е.А. Указ. соч. стр. 263, рис. 2.

ИСПАНО-РУССКАЯ ТОРГОВЛЯ XII ВЕКА.

Первое письменное свидетельство о торговых контактах Испании и Руси относится к XII веку. Так, Абу Хамид аль-Гарнати — единственный известный нам по имени испано-арабский купец, оставивший записки о своих путешествиях по Восточной Европе, указывает, что в г. Саксине среди многочисленных купцов, его населявших — русских и болгарских, торговцев из стран Ближнего и Среднего Востока — находились также купцы из далекой Испании.¹

Из Саксина в устье Волги, являвшегося складом товаров из самых отдельных стран и центром транзитной торговли всей юго-восточной Европы, аль-Гарнати поехал в Булгар и через территорию русских княжеств — в Венгрию, всюду обращая внимание на цены и ассортимент товаров.

Что привлекло испанских купцов в Поволжье и в русских землях? Видимо, испанцы заинтересованы были в закупке различного рода ценных мехов, воска, меда, т.е. тех традиционных русских товаров, которые обычно поступали на рынки Востока, а также в приобретении рабов. Что же касается предметов испанского экспорта, то о них можно судить только на основании археологических данных, так как письменные источники не содержат сведений о ввозимых в Восточную Европу продуктах испанского производства.

Испания, как видно из сообщений аль-Рази, аль-Шакунди и других восточных авторов, уже в X веке являлась страной развитого шелкоткачества, которое к XII веку достигло необычайного расцвета. Большой известностью пользовались изделия шелкоткацких мастерских Кордовы, Севильи, Гранады, Сарагосы. В этих городах вырабатывались шелка ярких, сочных тонов, различных рисунков и разнообразных сортов. Они отличались искусным исполнением и находили широкий сбыт не только внутри страны, но и за ее пределами.

Одним из крупнейших испанских шелкоткацких центров, насчитывавшем в XII веке, по словам Идриси, около 800 ткацких станков, являлась Альмерия на западном побережье Средиземноморья. Здесь наряду с узорными шелковыми тканями вырабатывались также шелка с применением золотых нитей, которые пользовались всеобщим признанием. Малага являлась значительным центром по производству золотых и серебряных нитей, и на протяжении XII века в этом городе, как и в Альмерии, а отчасти и в Кордове, большое распространение получило производство золототканых материй.³

Шелковые изделия являлись одной из основных статей испанского экспорта. Их вывоз осуществлялся через города Среднеземноморского побережья, среди которых большое значение имели Малага, Альмерия и расположенный по соседству с последней торговый порт Пешина, где

постоянно бросали якорь корабли из Александрии, Сирии, Византии. Известно также, что купцы из Испании в XII веке регулярно посещали ежегодную Солунскую ярмарку, привлекавшую купцов из различных стран. Отсюда часть товаров шла на Константинопольский рынок и далее в страны Европы.⁴

В собрании шелковых тканей Государственного Исторического музея, найденных при раскопках, особую группу составляют материи и ленты с введением золотных нитей. Они представлены в этой коллекции тремя узорными тканями и четырнадцатью образцами лент с вытканым золотным орнаментом.

К ним относится известная ткань XII века из Владимирского Успенского собора с повторяющимся по всей ширине ткани орнаментальным мотивом, расположенным рядами в виде сгруппированных парами львов и птиц по сторонам древа жизни (рис. 1). Эта ткань в числе других остатков шелковой одежды найдена в гробнице с останками Андрея Боголюбского, его младшего сына Глеба (он умер на 9 дней раньше отца) и погибшего в битве с татарами на реке Сити князя Юрия Всеволодовича. Несмотря на отсутствие точных данных, в каком из трех княжеских погребений находилась материя с изображением львов и птиц, все исследователи, изучавшие эту ткань, единодушно связывали ее с именем Андрея Боголюбского.⁵

Эта материя полотняного строения выткана одной основой из тонкой крученой пряжи красного цвета и четырьмя утками — двумя красными, одним зеленым из тонких шелковых некрученых нитей и золотным, состоящим из шелковой нити, обвитой серозной оболочкой кишок животных с золотой амальгамой. Плотность ткани по основе составляет на 1 см 38 нитей, а по утку плотность ее колеблется от 46 до 176 нитей (при выполнении орнамента одновременно работали от двух до четырех утков). При исполнении ромбического рисунка, который заполняет фон ткани, в переплетении одновременно участвовали два красных утка; в местах, где узор состоит из зверей и птиц, дополнительно введен зеленый уток, которым очерчен контур рисунка; золотным утком вытканы морды зверей и туловища птиц, при этом одновременно работали четыре утка. На лицевой стороне материи узорные утки образуют настил, а на изнанке из-за отсутствия прижимной основы висят незакрепленными. Вследствие большой разницы в плотности уточных и основных нитей ткань имеет рубчатую фактуру.⁶

По своей структуре и в применении золотного утка для выполнения отдельных деталей узора владимирская ткань не имеет аналогий среди дошедших до наших дней роскошных византийских шелков X—XII веков, которые хранятся в зарубежных музеях и ризницах. Византийские ткани принадлежат к числу двухсторонних материй сложного саржевого переплетения, в выработке узора которых золотные нити не участвовали. Металлические нити применялись в Византии только при производстве узорной узкой шелковой тесьмы, хорошо нам известной по многочисленным находкам в курганных захоронениях XI—XII веков на территории Руси. Главным же образом золотные нити употреблялись для различных вышивок, которые в приклад-

ном искусстве Византии играли большую роль. Нередко вышивка золотными нитями покрывала всю поверхность ткани, как это видно на одежде папы Леона III, хранящейся в Ватикане.⁷

Среди изделий шелкоткацких мастерских Ближнего и Среднего Востока X—XII веков золототканые материи также неизвестны.

По использованию золотного утка при образовании узора ткань из гробницы Боголюбского ближе всего стоит к испанским тканям, у которых золотом вытканы также отдельные детали орнамента. Следует заметить, что шелковые нити, обвитые позолоченной оболочкой кишок животных, применялись в Испании уже в X веке. Так, например, подобные золотные нити использованы при выработке ленты, нашитой на шелковую ткань, которая, согласно надписи на ней, выткана в Кордове между 976 и 1013 гг. Фрагменты этой ткани обнаружены были в одной из церквей провинции Сория.⁸

Сходство с испанскими материями проявляется и в построении четкого рисунка горизонтальными рядами, и в орнаменте, состоящем из расположенных по сторонам стилизованного дерева — древа жизни — парных животных и птиц, и в применении сложного геометрического узора для заполнения фона тканей.⁹

На основании надписей на некоторых испанских изделиях, содержащих указания на место и время их производства, удастся иногда сгруппировать отдельные образцы шелка по сходству орнамента, цвету и техническим деталям. В этом отношении большой интерес представляет надпись на фрагменте шелкового облачения, найденного в Северной Испании в церкви близ Бургоса. В надписи упомянуто имя правителя Кастилии с 1107 по 1143 гг., что дает основание датировать ее первой половиной XII в.¹⁰ Фон этой ткани красный, рисунок в виде расположенных рядами медальонов с изображениями парных львов по сторонам древа жизни выдержан в желтых, зеленых и белых тонах, а золотом вытканы, как и на владимирской ткани, только головы зверей.

Что касается других образцов материй, объединенных в одну группу с шелком из Бургоса, то они также имеют близкое сходство с рассматриваемой нами тканью. Так, на образцах испанского текстиля, которые хранятся в фондах Музея изящных искусств Бостона, музея Метрополитен Нью-Йорка и Национального археологического музея в Мадриде, а также в церкви св. Марка в Леоне, даны парные изображения зверей и птиц по сторонам древа жизни, и отдельные детали рисунка также вытканы золотными нитями. Ткани этой группы, по предположению ряда исследователей, происходят из одного шелкоткацкого центра — из Альмерии или Кордовы и относятся к концу XI или, скорее всего, к первой половине XII вв.¹¹

Судя по находящимся в Кестнер-Музее в Ганновере испанским тканям XII—XIII веков, а также по первоклассной, хорошо датированной надписью испанской ткани XIII века из Мадридского музея, золотный уток, который участвовал при выработке орнамента этих материй, состоял из шелковой нити натурального цвета, обвитой тончайшей кожей с золотой амальгамой.¹²

Если в отношении орнамента и использования золотных нитей в выработке отдельных деталей узора ткань из Владимира имеет много общих черт с вышеописанной группой материй, то по своей структуре она отличается от них. Последние принадлежат к двухсторонним тканям, выработанным двумя основами и 3—4 утками.

Однако наряду с двухосновными тканями саржевого переплетения, в средневековой Испании производились еще материи в так называемой гобеленовой технике. В музеях изящных искусств Монреаля и Барселоны находятся куски шелка, по своему строению близкие к ткани из гробницы Андрея Боголюбского, которые выполнены в этой технике.¹³ Они сработаны одной основой и несколькими цветными утками, которые проложены не по всей ширине материи, а по отдельным участкам узора. Концы уточных нитей висят на изнаночной стороне ткани незакрепленными, образуя мохнатую поверхность, лицевая же сторона из-за большой разницы в толщине нитей основы и утков имеет рубчатую поверхность.

Наличие в Испании тканей, выработанных в подобной технике, дает основание отнести владимирскую ткань к продукции испанских шелкоткацких мастерских. Положенная в гробницу в 1174 г., она, очевидно, была привезена на Русь не позже 60—70-х годов XII века.

К этой же группе тканей отнесены нами и фрагменты полихромного узорного шелка от головного убора из богатого женского погребения конца XII — начала XIII веков (рис. 2) близ деревни Россавы Киевской области, раскопанного Д.Я. Самоквасовым. Эта ткань является двухосновной уточной саржей, в переплетении которой участвовали две основы и четыре утка — три шелковых и один золотный. На красном фоне ее расположены четырехлепестковые цветы, сердцевины которых, также как кружки на лепестках цветов и кружки в промежутках между цветами, вытканы золотными нитями, такими же, как на ткани из гробницы Боголюбского.¹⁴

Последняя ткань данной группы импортного шелка происходит из некрополя города Ярополча-Залесского (Пироговского), который находился на правом берегу реки Клязьмы, близ современного города Вязники Владимирской области (рис. 3). Две небольшие полоски шелка с золототканым геометрическим рисунком найдены М.В. Седовой в 1962 г. в погребении конца XII — начала XIII вв. Они лежали на шейных позвонках скелета, и, видимо, служили обрамлением ворота одежды. Эта ткань выработана одной основой, состоящей из двух тонких крученых нитей и двумя утками — шелковым из пряжи такого же качества, как основные нити, и золотным на шелковой основе. На матовом фоне ткани полотняного переплетения золотными нитями выткан геометрический орнамент. Плотность ее составляет 40х60 нитей на см.¹⁵

Думается, что приведенные данные подтверждают предположение об испанском происхождении вышеупомянутых шелковых золототканых материй из коллекции Государственного Исторического музея.

Как выше отмечалось, в эту группу испанского шелка входят еще шелковые золототканые ленты в количестве 17 экземпляров. Кусок

тесьмы обнаружен в погребении XI века на Болдиной горе в Чернигове, 11 экземпляров, оставленных сельским населением, найдены во Владимирских курганах XI–XII веков (близ деревень Караш, Кубаево, Осиповцы и других) и близ деревни Авдотьино Московской области. Два фрагмента тесьмы происходят из погребения XII века на Старо-Рязанском городище и один из разрушенной гробницы церкви Иоанна Богослова в Смоленске конца XII – начала XIII веков. Остальные два образца того же времени находились в составе Киевского Михайловского клада (1903 г.)¹⁶.

Эти ленты резко отличаются от византийских по своему строению, плотности и орнаменту. Структурный анализ выявил, что ленты выработаны одной основой из тонкого крученого шелка и двумя утками – шелковым и золотным. Шелковое полотно их имеет на лице и на изнанке одинаковое переплетение – полотняное или саржевое (основная саржа 2/1) с плотностью по основе от 50 до 80 нитей, а по утку от 50 до 60 нитей на 1 см. Узорный уток образует небольшие стежки на лицевой стороне ленты, четко выделяясь на ее матовом фоне (рис. 4, 1–4). Ленты украшены геометрическим узором, который близок орнаменту на тканях из гробницы Боголюбского и из погребения на Пировом городище. Как видим, структура этой тесьмы также аналогична строению владимирской ткани с изображением львов и птиц.

Что касается византийской тесьмы, часто встречаемой в курганных захоронениях, то она выработана двумя основами и двумя утками, причем лицевая сторона ее имеет саржевое переплетение (основная саржа 3/1), изнаночная – полотняное. Эта тесьма значительно плотнее испанских лент: на 1 см приходится от 40 до 160 основных нитей и от 40 до 80 уточных. Типичным для нее является плетеный или зигзагообразный орнамент, при этом узорный золотный уток закрывает всю лицевую сторону изделия, создавая сплошную блестящую поверхность. Таким образом, византийская тесьма даже по внешнему виду резко отличается от испанских лент.

В собрании Государственного Эрмитажа имеются три фрагмента тесьмы, идентичных вышеописанному испанскому – два из них происходят из курганов XI–XII веков близ деревень Кривовицы и Жидилов Бор (Псковская область) и один из владимирских курганов.¹⁷

Несколько особняком стоит золотная лента с изображением зверей и орнаментальных мотивов из Михайловского клада, которая отнесена нами предположительно к изделиям испанских мастерских (рис. 4, 5). Она выполнена также одной основой и двумя утками, однако, шелковый уток здесь работает поочередно с золотным только на участках с узором, в квадратах же с гладким золотным фоном шелковая основа переплетается с одним лишь золотным утком.¹⁸

Итак, анализ вышеописанных шелковых тканей, найденных в различных областях Древней Руси, дает основание считать их изделиями испанского производства. Этот материал подтверждает показания Абу

Хамид аль-Гарнати о существовании торговых отношений между русскими землями и Испанией в эпоху раннего средневековья. Однако, в силу своей ограниченности материал не представляет возможности дать общую оценку испано-русской торговли, определить степень ее интенсивности и роль во внешнеторговых связях Руси.

Испанская шелкоткацкая продукция доставлялась на Русь, видимо, в основном Волжским путем, имевшем в XII веке большое значение в экономических сношениях с восточными и южными странами. В пользу этого предположения говорят наличие испанской колонии в Саксине и концентрация большинства находок текстильных изделий из Испании на территории Владимиро-Суздальской Руси (рис. 5). Вместе с тем испанский шелк мог поступать на русский рынок и через Константинополь, Днепровским путем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ НОВОСЕЛЬЦЕВ А.В., ПАШУТО В.Т. Внешняя торговля Древней Руси. История СССР. 1967, № 3, стр. 105—106.

² Там же, стр. 105.

³ O. FALKE. Kunstgeschichte der Seidenweberei. Berlin, S. 22—23; E. Levi — Provençal. L'Espagne musulmane au Xème siècle; Institutions et vie sociale. Larose-Paris, 1932, 180—184.

⁴ НАСЛЕДОВА Р.А. Ремесло и торговля Фессалоники конца IX — начала X веков по данным Иоанна Камениата. Византийский Временник, т. VIII, М., 1956, стр. 77.

⁵ ФЕХНЕР М.В. Ткань с изображением львов и птиц из великокняжеской гробницы во Владимире. Сб. „Новое в археологии“. М., 1972.

⁶ ГИМ, инв. № 58400. Анализ ткани произведен старшим научным

2365/1

сотрудником Института художественной промышленности Н.Т. Климовой. Архив Археологического отдела ГИМ. д. 323, № 103.

⁷ GASTON MIGEON. Les Arts du Tissu. Paris, 1909, p. 107.

⁸ FLORENCE LEWIS MAY. Silk textiles of Spain. New York, 1957, p. 14—15, ill. 3—4.

⁹ СОБОЛЕВ Н.Н. Очерки по истории украшения тканей, М.-Л., 1934, стр. 212, 215, 218—219; MANUEL GOMEZ MORENO. El Panteon Real de las Huelgos de Burgos. Madrid, 1946. 54, 60 (прим. 8); D. SCHEPHERD et G. VIAL. Le tissu aux paons. Bulletin de Liaison du centre international d'étude des textiles anciens. № 21, Janvier 1965.

¹⁰ ERNST Y. GRUBE. Two Hispano-Islamic Silks. The Metropolitan Museum of Art. Bulletin, November 1960, p. 81; FLORENCE LEWIS MAY, op.cit, pp. 35—36, ill. 22.

¹¹ ERNST Y. GRUBE. Op. cit, p. 84; Florence Lewis May, op.cit, pp. 35—39

¹² R. GRONWOLDT. Webereien und Stickereien des Mittelalters. Hannover, 1964, S. 37–38. Bulletin de Liaison du centre international d'étude des textiles anciens, № 32, 1970–11

¹³ Florence Lewis May. Op. cit, pp. 20–23, ill. 8, 11–12

¹⁴ ГИМ, инв. № 76990 САМОКВАСОВ Д. Я. Могилы русской земли. 1672/83

М., 1908, стр. 224. Архив Археологического отдела ГИМ, д. 323, № 108.

¹⁵ ГИМ, инв. № 102338. Приношу благодарность М. В. Седовой за 1672/1–2

предоставление данной ткани к публикации. Архив Археологического отдела, д. 323, № 119.

¹⁶ ГИМ, инв. № 55421, 54746, 54746, 49876
1303/5, 1275/10,11, 2194/1349,1350, 1091/68,82
103334, 76990, 58603, 102293.
2124/1,2, 790/43, 47/480, 2101/1,2.

¹⁷ ГЭ, 860/19; ГЭ, 868/345–346; ГЭ, 671/101.

¹⁸ КЛИМОВА Н. Т. Технология шелковых тканей из коллекции Государственного Исторического музея. Сб. „История и культура Восточной Европы по археологическим данным“. М., 1971, стр. 217.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В г. МУРОМЕ

С историей г. Мурома в археологической литературе связано много спорных вопросов, в частности, до сих пор неясен вопрос, с какого времени можно считать Муром русским городом.

И. П. Богатов предполагает, что Муром, впервые упоминаемый летописью под 862 г., уже в то время являлся русским городом, а вскрытые раскопками Н. Н. Воронина в 1946 г. слои IX—X веков оставлены смешанным населением — славянами и племенем мурома.¹

Е. И. Горюнова придерживается той точки зрения, что в IX веке город являлся племенным центром мурома и лишь в XI веке он становится русским городом.²

Только проведение широких археологических раскопок в Муроме, преимущественно на территории Кремля, поможет изжить имеющиеся разногласия и придти к единому мнению в этом вопросе.

В 1970—71 гг. Государственным Историческим музеем были осуществлены небольшие археологические работы в г. Муроме близ церкви Николы Набережного, на 50 м дальше от края коренного берега Оки, чем раскоп Н. Н. Воронина 1946 г.

Вначале мы заложили три небольших раскопа в разных частях так называемого Николанабережного селища с целью выявления границ, сохранности и мощности культурного слоя.

Раскоп I находился в 50 м от церкви Николы Набережного выше по склону берега. В культурном слое 0,6 м толщины найдены фрагменты амфор киевского типа, русской гончарной посуды XI—XIII веков и два обломка лепной керамики.

Раскоп II располагался в 100 м от первого вдоль берега вниз по течению Оки ближе к краю надпойменной террасы. Здесь поверх культурного слоя находился аморфный насыпной слой, образовавшийся от сброса земли при сооружении улицы-съезда к Оке. Непосредственно над материком прослежен мощный слой пожара, содержащий обломки стеклянных браслетов, гончарную и лепную керамику, ручки амфор.

Наиболее интересным оказался раскоп III заложенный в 50 м от второго выше по склону, на углу улиц Плеханова и Тимирязева. Здесь обнаружены остатки двух жилищ. Одно из них было углублено в материк на 10—20 см, размеры его приблизительно 4x4 м. Северно-западный край жилища, очевидно, был срезан при сооружении съезда к Оке и не прослеживался.

В восточной части жилища находилась глинобитная печь размером 2x1,5 м. Свод печи частично сохранился, он состоял из обожженной глины и опирался на большемерные кирпичи, а вся печь — на деревянные доски, которые продолжались за печью в виде лежанки. На ней найдены фрагменты сапога из тисненой кожи.

Жилище, по-видимому, принадлежало мастеру-литейщику, т.к. в нем обнаружены шлаки и тигелек (рис. 1,1).

По многочисленным обломкам светлоглиняной гончарной посуды можно датировать жилище XII—началом XIII веков. Очевидно, оно служило для его хозяев одновременно и мастерской, об этом свидетельствуют не только находки. Недалеко от устья печи к жилищу примыкала и вклинивалась в него длинная яма-канавка, треугольная в разрезе. Эта яма была заполнена шлаками, углем и золой и не случайно находилась близ печи, в нее сбрасывали отходы меднолитейного производства, угли и т.д.

Рядом с печью к дому примыкала яма более раннего времени, (XI в.) углубленная в материк на 50 см ниже, чем жилище. В заполнении ямы — фрагменты лепной и гончарной керамики, стеклянных браслетов, металлический крестик, ножи и т.д.

Жилище перекрыто слоем пожарища, которое, возможно, связано с татаро-монгольским нашествием.

Слабая углубленность жилища в материк, наличие большой глинобитной печи дают возможность видеть в нем не полуземлянку, а наземный дом. В полуземлянках (правда, более ранних), которые исследовала Е.И. Горюнова на Тумовском селище близ г. Муром, были не глинобитные печи, а каменные очаги.³ При зачистке предматерикового слоя в рассматриваемом жилище находок не было, очевидно, пол располагался выше, над фундаментом.

При продолжении раскопа, в котором было обнаружено жилище 1, в предматериковом слое прослежены остатки второго наземного дома. Границы его не выявлены, т.к. никаких углублений в материк не было. О местоположении дома свидетельствовали, в основном, остатки глинобитной печи в виде развала. Надматериковый слой почвы здесь был сильно обожжен и насыщен углями, что свидетельствует о гибели дома в результате пожара.

Это второе жилище было, очевидно, связано с кузнечным производством, т.к. здесь найдены шлаки, гвозди, ножи, оковка лопаты (рис. 1,5), двузубец (рис. 1,4), ключи (рис. 1,6,7), замок (рис. 1,9), а также неизвестный предмет типа колуна (рис. 1,11), заполненный внутри деревом, обломки стеклянных браслетов и гончарной русской и болгарской керамики.

Очевидно, оба жилища погибли одновременно.

В литературе уже высказывалось мнение о том, что с XI века Николанабережное селище становится посадом г. Мурома.⁴

На основании данных наших раскопок можно сделать следующие выводы. В XI веке поселок стал расти и занял более широкое пространство вдоль берега Оки. На месте наших раскопок нет слоя ранее XI века. Следовательно, в более ранний период, во время бытования лепной посуды (IX—X веков) поселение было вытянуто вдоль берега, расположение домов было однородным.

Территория г. Мурома, исследованная нами, несомненно была в XI—XII веках заселена русскими и являлась посадом города, возможно, выросшим за счет расширения муромской деревни.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹БОГАТОВ И.П. О времени возникновения г. Муром. СА, 1959, № 3, стр. 223. Н.Н. Воронин. Муромская экспедиция. КСИИМК, вып. XXI, М.;Л., 1947, стр. 136—139.

²ГОРЮНОВА Е.И. Муромский могильник. (К истории г. Мурома). КСИИМК, вып. 52, М.-Л., 1953, стр. 33

³ГОРЮНОВА Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94, М., 1961, стр. 164

⁴ГОРЮНОВА Е.И. Там же, стр. 203

ЖЕЛЕЗНАЯ МАСКА ИЗ СЕРЕНСКА В КОЛЛЕКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В 1968 году в Государственный Исторический музей была передана железная маска, найденная в раскопках древнерусского города Серенска в 1967 г.¹

Эта маска — вторая из хранящихся в ГИМ² и пятая из числа всех найденных на территории СССР средневековых кочевнических масок (рис. 1—2).

Размеры ее следующие: длина от верхней части лба до низа подбородка — 21,5 см, ширина — 15 см, высота лба от верха до переносицы — 6 см, длина носа от переносицы до кончика 6,5 см, высота и ширина носа у кончика — 3,5 см. Ширина рта — 3,2 см, длина выреза глазного яблока — 3,5 см, наибольшая ширина выреза — 1,5 см. Толщина маски — 0,3 см.

Маска коррозирована очень сильно. Лицевая сторона почищена, подклеены отломившиеся куски лба, но внутренняя сторона почти не тронута, не расчищена и три отверстия, явно намеченные на месте ноздрей, но сплошь затянутые коррозией. Следов крепления с шлемом ни на лбу, ни на щеках и подбородке нет.

Рот плотно сжат и втянут внутрь. Следы рельефной косой насечки вокруг него предполагают обозначение краев губ. Нет обозначений ни бровей, ни усов, ни бороды. Высокий и широкий лоб отделен от нижней части лица слегка выпуклыми надбровными дугами.

В рельефном изображении глазных яблок, наружные края которых опущены вниз, сделаны прорезы, концы их так же опущены вниз. Нос с рельефно обозначенными носовыми крыльями. Плотно сжатый вдавленный рот подчеркивает беззубость, что вместе с опущенными уголками глаз позволяет предполагать старческий возраст носителя маски и еще больше убеждает в ее портретности. Прямой, без горбинки нос отличает эту маску от всех других известных нам.

Нет признаков монголоидности, как у маски из Ротмистровки, но именно с этой маской сближают ее такие черты, как прорезы в выпуклом глазном яблоке, несмотря на то, что прорезы у ротмистровской маски подняты наружными уголками вверх, а не вниз, как у маски из Серенска (Рис. 3—4). У обеих масок отсутствуют изображения бровей, губ, усов, бороды. То есть, наблюдается определенный схематизм, не свойственный маскам из Ковалей, Липовец и из Херсонеса.

Эта особенность позволяет маску из Ротмистровки (Киевская обл.) выделить в особую группу, отличающуюся от трех других масок, у которых кроме изображения век, бровей, усов и бороды имелись еще и бронзовые уши³ (рис. 5).

Серенская маска найдена в одной из ям северо-западной части детинца, и, как пишет Т.Н. Никольская, оказалась наиболее интересной находкой 1967 года.

Вопрос о принадлежности железных масок тюркским кочевникам сомнений не вызывает. Но каким именно? Я отношу их к половцам, С.А. Плетнева и А.Н. Кирпичников — к Черным Клобукам.⁴

Факт нахождения трех из пяти известных нам масок в Поросье еще ничего не говорит, так как Поросье этого времени было местом, где могли обитать кочевники самых различных этнических групп, что справедливо отмечает С.А. Плетнева.⁵

Находки двух других масок уводят далеко отсюда — одна на Юг, другая на Северо-Северо-Восток. Поэтому вопрос, к какой именно группе тюркских кочевников относятся железные маски, следует пока считать открытым.

Вопрос о времени их бытования также вызвал споры. С.А. Плетнева и А.Н. Кирпичников относят маски к домонгольскому времени, мотивируя свою датировку тем, что таких богатых погребений, как в Липовцах и Ковалях, после монгольских погромов не было. Но богатое погребение из Таганчи — позднее первой половины XIII века, а типологический разбор инвентаря курганов из Липовец и Ковалей также позволяет отнести его не ранее, чем ко второй половине XIII—XIV веков.

Что касается маски из Серенска, то Т.Н. Никольская пишет, что она обнаружена в слое пожара первой половины XIII века. Но был ли именно этот слой связан с нашествием Батыя в 1238 г.? Пожары там были и раньше, и позже. Автор отмечает, что культурный слой серенского детинца очень аморфный и перемешанный, что это объясняется активной строительной деятельностью населения и длительным существованием города (до начала XVI века).⁶ При этом естественно было бы считать, что более поздние вещи могут оказаться в более ранних слоях, например, там найдены вещи XIV—XV веков. Не кажется ли искусственным занижение некоторых дат, приуроченных к домонгольскому времени? Разве умаляют находки более позднего материала культурно-историческую значимость древнего города, оказавшегося в силах возродиться после погрома?

Моя датировка масок концом XIII — началом XIV веков основана на анализе материала из погребения в Таганче и „скобяной лавки“ в Херсонесе, где вместе с маской найдены 12 серебряных слитков, условно названные мною гривнами „новгородско-литовского типа“. Их сравнительно типологический и исторический анализ указывает время второй половины XIII—XIV веков.⁷

Самое большое разногласие вызывает вопрос о функциональном назначении масок. С.А. Плетнева и А.Н. Кирпичников считают их защитнобоевым наголовьем. Я же вижу в них не более, чем принадлежность ритуально-культовой пантомимы шамана-кочевника.

А.Н. Кирпичников бездоказательно считает эти маски боевыми. По его мнению маски, посредством мягкой прокладки плотно прилега-

шие к лицу, рассчитаны были на „единообразную систему дыхания через нос, а не через рот“ (!?Н.П.) и имели надежное крепление к шлему и одежде посредством колец на ушах, лбу и подбородке.⁸

Обоснование своего мнения о масках как принадлежности религиозно-культовой пантомимы я привела в работе „Железная маска из Херсонеса“. В настоящей статье я более подробно останавливаясь на разборе тех особенностей масок, которые не допускают возможности использования их в качестве защитно-боевого снаряжения.

А.Н. Кирпичников связывает появление масок с увеличением защитного вооружения как русского, так и кочевнического. Но у русских воинов защитно-боевых железных масок никогда не было. Поэтому в исследовании развития форм русского вооружения кажется непонятным привлечение лицевых кочевнических масок. Да и у самых кочевников их были единицы: среди массы курганных кочевнических погребений XI—XIV веков оказалось только две. (Остальные три с погребениями не связаны).

Что касается их функционального назначения, то специалисты по технике боевого снаряжения и специалисты ларингологи не допускают и мысли об их практически-боевом использовании: ни анатомически, ни физиологически для этой цели они не пригодны. При теснейшем облегании лица железной маской даже легкий удар сабли или копья по ней разломил бы все лицевые кости черепа. Несравненно продуманнее и целесообразнее были шлемы римских гладиаторов и турнирные рыцарские шлемы, которые являлись всего лишь футлярами с многочисленными прорезами для воздуха и света, но отнюдь не соприкасались с лицом. Маски, крепившиеся с 4-х сторон, исключали возможность свободного поворота головы и бокового зрения, а плотно сжатый, да еще и вдавленный внутрь рот (маски из Липовец, Ковалей, Серенска) являлся бы самым настоящим кляпом. И уж конечно, эти портретные маски ни в коем случае не могли играть роль „устрашающих“ для русских воинов. Тип „устрашающих“ масок хорошо известен.

Не менее удивительна в кочевнической войне „единая система дыхания через нос, а не через рот“. В условиях боя она абсолютно невозможна. Как, на каких источниках и примерах А.Н. Кирпичников обосновал свое утверждение? В пылу боя или поединка требовалось большое напряжение лицевой мускулатуры, полноценное дыхание, свободно открывающийся рот не только для дыхания, но и для боевого клича. Не случайно же у римских легионеров был боевой прием „баррит“ (рев слона).⁹ В плотно облегающей лицо маске с крохотными носовыми отверстиями исключается возможность быстрого глубокого вдоха. В таком случае вести бой, будучи одетым в полное боевое снаряжение размахивая саблей, устремляя тяжелое копье в противника или натягивая лук, являлось невозможным. А ведь бои длились не минутами, и мобильность всадника должна была быть максимальной. Именно мобильность всегда была отличительной чертой кочевнической конницы.

Вернемся к назначению масок. Откуда и зачем появились они у кочевников? В своей упомянутой работе я связывала их с римскими масками. Теперь привожу промежуточные звенья вплоть до позднего Средневековья. Античные шлемы с масками I—III веков широко известны в Западной Европе. Большинство их найдено на территории римских лагерей. Появление этих масок связано с походами Помпея в Малую Азию, где культовые маски были давно и хорошо известны. Но там маски изготавливались из мягких материалов — шерсть, войлок, кожа. У римских легионеров они делались из металла, что лучше гармонировало с блестящими металлическими доспехами, особенно в парадном снаряжении, скульптурно воспроизводящими формы тела. Среди римских масок, изображающих богов и героев, очень выразительна маска Мифры, культ которого был занесен с Востока и стал особенно популярен в юго-восточных провинциях империи. Известны маски Сатурна, Геракла, Дианы и другие. Все эти новшества как нельзя лучше прижились на карнавальных празднествах Сатурналий, которые особенно пышно и длительно справлялись в императорскую эпоху.¹⁰

Применение этих масок только в качестве ритуально-парадного реквизита полностью выявлено в настоящее время.¹¹

С падением Римской империи и распространением христианства исчезают античные маски, как портретные, так и изображающие богов и героев. Уничтожены были Сатурналии (и Брумалии в Восточно-Римской империи) — веселые языческие праздники, в которых великолепные металлические маски играли большую роль. Но в народе память об этих представлениях не исчезла. Под видом так называемых „готских игр“ Византия пышно справляла древние празднества, бороться с которыми церковь оказалась бессильна.

Константин Багрянородный образно описывает эти святочные игры с ряжеными в масках, для иллюстрации которых важны находки девяти железных масок в раскопках Большого Дворца в Константинополе.¹²

Костюмы и маски были самыми разнообразными, и в этом случае мы располагаем иллюстрацией в виде рисунков на византийских глиняных вазах XII—XIV веков из раскопок в Херсонесе.¹³ (рис. 6). На одной из них изображен византийский воин в зооморфной маске на лице с мечом в поднятой правой руке; на другой бегущий мужчина, также в маске и в парике.

Современные исследователи уловили органическую связь и преемственность между „готскими играми“ и античными Брумалиями и Сатурналиями. Среди русских ученых одним из первых на этом вопросе остановился А.Н. Веселовский. Он развил и другой вопрос — связь „русалий“, в которых он видит символическое отражение борьбы между летом и зимой, как с „готскими играми“, так и с предшествующими им языческими. Автор описывает „русалий“, начиная с первого упоминания о них у Вальсамона (конец XII в.) и кончая современными ему играми в разных областях России.¹⁴

В Русалиях, справлявшихся в XV—XVI веках в Малой Азии и Македонии, отражена борьба христиан с османами. Османов представляет паша, расплачивающийся в конце игровой распри свободой и жизнью. Все участники игр — ряженные в маски.

Будет вполне правомерным увязать с этими играми кубачинские игры, где фигурировал иранский шах в железной ритуальной маске.¹⁵

Последнее, что мы знаем о завершении пути развития кочевнических железных масок — железные и медные шаманские маски на Севере Сибири, хранящиеся в Музее Антропологии и Этнографии в Ленинграде и в других музеях. Особенно выразительны маски северо-байкальских и монгольских эвенков. Специально занимавшийся ими С.В. Иванов исследовал функционально-смысловое назначение этих масок, технику изготовления, способы крепления к шлемовидному головному убору.¹⁶ (Рис. 7).

Очень выразительны металлические маски, отличающиеся мягкой моделировкой лица со скульптурно выделанными чертами и отверстиями между губами и веками глаз.¹⁷ (Рис. 7). Некоторые маски дополнены сделанными из меха бровями и усами.

Автор отмечает, что маски изготавливали местные кузнецы нередко с большим искусством.¹⁸

В книге С.В. Иванова на рис. 221 представлен шаман с железной маской на лице. Шаман только входил в чум в маске, а затем вешал ее перед собой. Портретная маска — символ особой значимости шамана, в то время, как прикрепленная к одежде маскетка — вместилище его души.¹⁹

Можно высказать предположение, что именно от кочевников-шаманистов Южно-Русских степей прямыми или косвенными путями попала железная маска к некоторым сибирским племенам.

По-видимому, прототипами металлических масок, сохранившихся как этнографическая особенность эвенков до нашего времени, являлись и Серенская и другие средневековые кочевнические маски.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГИМ. инв. № ¹⁰¹⁰⁰⁷/₂₀₁₇₇; НИКОЛЬСКАЯ Т.Н. Древнерусский Серенск — город вятических ремесленников. КСИА, 1971, вып. 125, стр. 179, 81, рис. 27

² ПЯТЫШЕВА Н.В. Железная маска из Херсонеса. М., 1964

³ В настоящее время одно бронзовое ухо сохранилось только у херсонесской маски, хранящейся в ГИМ. Маска из Ковалей, находившаяся в Киевском Историческом музее, пропала во время оккупации. Судя по фотографиям, изображения ушей на трех масках очень похожи, что и дало мне основание предположить изготовление их в одной форме. Однако при дальнейшем изучении типов масок и не-

возможности наглядного сопоставления таких деталей, как уши, я не решаюсь говорить не только об одной форме для их отливки, но и об одной мастерской. Об условиях находок масок см. Н.В. Пятышева, указ. соч. стр. 3 и след.

⁴ПЛЕТНЕВА С.А. Древности Черных Клобуков. САИ. вып. Е-1-19, М., 1973, стр. 11; А.Н. Кирпичников. Древнерусское оружие. вып. 111, Л., 1971, стр. 29

⁵ПЛЕТНЕВА С.А. Печенеги, торки и половцы в Южно-Русских степях. МИА, вып. 62, М., 1958, стр. 185

⁶НИКОЛЬСКАЯ Т.Н. К истории древне-русского города Серенска. КСИА, 1968, вып. 113, стр. 113.

⁷ПЯТЫШЕВА Н.В. Указ. соч., стр. 14–20; Она же. Серебряные гривны из Херсонеса. Нумизматический сборник ГИМ, М., 1971, стр. 3 и след. табл. 1

⁸КИРПИЧНИКОВ А.Н. Рецензия на железную маску из Херсонеса. СА, М., 1966, № 3, стр. 216–217

⁹ВЕГЕЦИЙ. Краткое изложение военного дела. Перевод С.П. Кондратьева. ВДИ, 1940, № 1, стр. 272

¹⁰ЕЛЬНИЦКИЙ Л.А. Византийский праздник Брумалий и римские Сатурналии. Сб. Античность и Византия. М., 1975, стр. 345 и след.

¹¹ВАСИЛЕВ В. Искусство София, 1974

¹²The Great Palace of the Byzantine Emperors. London, 1947, p. 15, 98, Pl. 58

¹³Хранятся в ГЭ и ГИМ. ЯКОБСОН А.Л. Средневековый Херсонес. МИА, вып. 17, стр. 198, рис. 115, 122, табл. XXVIII, XXIX.

¹⁴ВЕСЕЛОВСКИЙ А.Н. Генварские русалии и готские игры в Византии. ЖМНП, 1885, № 9, стр. 2–18

¹⁵ШИЛЛИНГ Е.М. Кубачинцы и их культура. М.-Л., 1949 стр. 146–173;

ПЯТЫШЕВА Н.В. Железная маска из Херсонеса, стр. 33 и след. Она же. Восточные шлемы с масками в Оружейной палате Московского Кремля. СА, М., 1968, стр. 231, № 3

¹⁶ИВАНОВ С.В. Скульптура народов Севера Сибири. Л., 1970, стр. 234–258

¹⁷ИВАНОВ С.В. Указ. соч. стр. 233, 241, рис. 215, 217

¹⁸ИВАНОВ С.В. Указ. соч., стр. 235

¹⁹ИВАНОВ С.В. Указ. соч., стр. 242

УКРАШЕНИЯ ЖЕНСКОГО ГОЛОВНОГО УБОРА ИЗ СИМФЕРОПОЛЬСКОГО КЛАДА

У многих народов издавна большое внимание уделялось украшениям женских головных уборов. Пышностью и богатством отличались и головные уборы монголо-кипчакских женщин, принадлежавших к верхушке феодального общества. Известный арабский путешественник XIV в. Ибн-Баттута, посетивший Крым и другие владения Золотой Орды, обратил внимание на необыкновенные головные уборы женщин из свиты ханского двора. Он пишет: „Каждая из девочек (невольниц из свиты принцессы) носит на голове шапку, похожую на акруф (высококонусообразный колпак), на верхушке которого пришит золотой кружок, украшенный драгоценными камнями, в который вставлены павлиньи перья“¹. Такого же типа головные уборы носили и женщины не принадлежавшие к свите двора, но достаточно обеспеченные. На это также обратил внимание вышеупомянутый наблюдательный путешественник. Жены купцов по его словам „носили на голове бохтак или акруф — высокую шапку конической формы, украшенную драгоценными камнями и на самой верхушке — павлиньими перьями“².

О пышных головных уборах сообщает и Гонсалес Рюи де-Клавихо — посол кастильского короля Генриха III ко двору Тимура в Самарканде. Клавихо имел возможность наблюдать необыкновенную роскошь, царившую во дворцах и палатках, где он неоднократно бывал на приемах. Клавихо описывает головной убор Сераи-Мульк-Ханым — старшей жены из гарема Тимура, который по его словам был похож на высокий шлем и „на нем было много крупного, светлого и круглого жемчугу, много рубинов и бирюзы и разных других камней, очень красиво вставленных. Над шлемом была точно маленькая беседка и в ней было вставлено три рубина ... ясные и чрезвычайно красивые с сильным блеском. На верху был белый султан. С этого султана некоторые перья спускались вниз ... Эти перья были связаны вместе золотой нитью, на конце которой была белая кисть из птичьих перьев с камнями и жемчугом“³. Из приведенных описаний следует, что головные уборы женщин, принадлежавших к социальной верхушке общества, были чрезвычайно богато и причудливо украшены.

В составе клада, случайно обнаруженного близ г. Симферополя и поступившего в Государственный Исторический музей в 1967 году, имеется ряд золотых предметов, которые можно отнести к украшениям головного убора. Среди этих вещей выделяется большая золотая бляха (рис. 1), составлявшая несомненно навершие убора. Она круглая, несколько выпуклая, украшенная геометрическим и растительным орнаментом на фоне черни. Края бляхи ажурные, заканчива-

ющиеся листиками с двумя завитками по сторонам. По ее поверхности расположены камни — три бирюзы, шпинель, два аметиста и шесть жемчужин (одна из них не сохранилась). Между камнями и жемчужинами на изогнутых стержнях укреплены золотые шестилепестковые цветки. Такой же формы цветки, но только меньшей величины, окружают и каждую жемчужину наверху. В центре бляхи помещена небольшая бочковидная бусина, поверх которой припаяна бусина большей величины, украшенная растительным орнаментом на фоне черни. Высота бляхи вместе с бусинами — 4 см, а диаметр основания — 4,5 см. Через центр бляхи и середину бусин проходит металлический стержень, верхний конец которого обломан. Вероятно стержень заканчивался приемником, куда вставлялись перья. В целом эта полусферическая бляха богато орнаментированная и украшенная различными декоративными элементами, напоминала в миниатюре как бы клумбу густо заросшую яркими и разнообразными цветами. Головной убор кроме этой бляхи, венчавшей его вершину, был украшен золотыми фигурными бляшками с цветными камнями и жемчужинами. По форме и орнаменту, а также по расположению на них камней и жемчужин, бляшки различаются. Некоторые из них представляют собой фигурную пластинку, один конец которой, более узкий, имеет фестончатые края, другой — более широкий — округлые боковые стороны (рис. 2) с четырьмя припаянными ушками; в некоторых из них сохранились колечки, при помощи которых бляшки пришивались к головному убору. По всему контуру пластинки имеется бортик шириною в 2,5 см. Вся поверхность бляшки покрыта мелким гравированным растительным и геометрическим узором, который мало заметен, так как его частично закрывают две оправы с камнями и розетка с жемчужиной, укрепленные при помощи трех высоких стержней к пластинке. Жемчужина на этих бляшках всегда находится между двумя камнями.

Другие бляшки (рис. 3) в отличие от первых имеют не округлые стороны, а вогнутые, к которым также прикреплены четыре ушка. В центре этих бляшек находится камень, а по бокам жемчужины разной величины, причем меньшего размера жемчужина обычно расположена у узкого фестончатого конца бляшки. Розетки для жемчуга и оправы для камней на всех бляшках и бляхе-навершии имеют одинаковое устройство. Оправа состоит из узкой тонкой ленточки, припаянной на ребро по контуру пластинки, повторяющей форму камня, но только большей величины. Края пластинки вырезаны зубчиками. Там, где ленточка припаяна к пластинке, наложена кайма из проволочных колечек, а выше расположены прямоугольники, заполненные чернью. Оправа камня в верхней части несколько суживается для лучшего зажима камня и четыре лапки, припаянные поверх нее, служат той же цели. Для каждой жемчужины приспособлена розетка, состоящая из трех или шести узких листиков и маленьких шестилепестковых цветков, расположенных между ними. Всех бляшек в кладе насчитывается 19 экземпляров (рис. 4).

К этому нарядному, необычно пышному головному убору, сверкающему золотом, жемчугом и камнями, среди которых сапфир, изумруд, бирюза, аметист, шпинель, хризопраз и галька яшмовая⁴, принадлежит, очевидно, и золотая привеска с двумя фестончатыми сторонами и полукруглой выемкой на третьей стороне (рис. 5). По всему контуру привески проходит бортик такой же ширины, что и на бляшках с камнями и такие же ушки, в одно из которых продето небольшое золотое колечко.

Помимо перечисленных украшений в составе клада имеется второе навершие головного убора (рис. 6), значительно скромнее первого. Это навершие состоит из слегка выпуклой серебряной с позолотой круглой бляхи с ажурными краями. Она украшена растительным узором, выполненным в технике штампа. Диаметр бляхи — 5 см, высота — 4 см. В центре бляхи находится бочковидная бусина, на которой укреплена другая бусина бипирамидальной формы с перламутровой розеткой. Обе бусины гладкие, без орнамента. На бляхе рядом с бусинами припаяна небольшая трубочка, разделенная перегородкой на две части, куда, по-видимому, вставлялись перья. На поверхности бляхи-навершии укреплены три камня и три жемчужины (один камень и одна жемчужина не сохранились). Из сохранившихся камней один — шпинель, а другой — хрусталик с цветной подкладкой. Оправа камней состоит из гладкой тонкой пластинки, припаянной на ребро. Оправу опоясывают только кайма из проволочных колечек и четыре лапки, зажимающие камень. Розетка для жемчужины сделана в виде чашечки с шестью зубцами.

Центральная часть этой серебряной бляхи почти полностью повторяет орнамент золотой тисненой ажурной бляхи из собрания Эрмитажа, место находки которой неизвестно, а также имеет близкую аналогию и с золотой бляхой, известной под названием короны Джанибека. Обе вещи опубликованы А. А. Спицыным⁵. Корона Джанибека была найдена в Новом Сарае в 1840 году. Это название она получила за сходство отдельных элементов орнамента с орнаментом, имеющимся на некоторых монетах хана Джанибека (1339—1356 гг.). Деталь орнамента монет в виде трилистника имеется не только на короне Джанибека, но и на двух других выше упомянутых бляхах. Исключением является лишь золотая бляха-навершие из клада. Орнамент из трилистников, расположенный на бляхах по кругу, образует единую замкнутую линию узора. Общей чертой для всех упомянутых блях является также элемент орнамента в виде завитков по обе стороны листиков. Золотую бляху из клада и корону Джанибека сближают и одинаковые шестилепестковые цветки, в изобилии разбросанные по их поверхности. При рассмотрении обеих блях бросается в глаза чрезмерная перегруженность их различными декоративными деталями. Золотая бляха клада так густо усыпана драгоценными камнями, жемчужинами и шестилепестковыми цветками, что орнамент самой бляхи и бусин, расположенных в центре ее, совсем не заметен, также как не виден орнамент и на золотых фигурных бляшках с камнями и жемчужи-

нами. В свою очередь каждый камень и каждая жемчужина заключены в весьма сложные оправы. Эта перегруженность изделия различными орнаментальными деталями, пышная и причудливая его форма являются характерными чертами ювелирного искусства Золотоордынского государства.

Рассмотренные украшения головных уборов из симферопольского клада следует датировать концом XIV века, принимая во внимание наличие в клада индийских золотых динаров, из которых самые младшие относятся к середине века. Некоторые из монет уже использовались в качестве привесок, о чем свидетельствуют припаянные к ним ушки, а одна монета имеет пять пробитых отверстий — четыре по окружности и одно в центре, вероятно и она использовалась как украшение. Этой дате не противоречат и другие вещи клада.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ЛИХАЧЕВ А.Ф. Бытовые памятники Великой Булгарии. Труды II, Археологического съезда. т. I СПб., 1876, стр. 47

²Там же, стр. 48

³Сочинение Клавихо. Дневник путешествия к двору Тимура в Самарканд. 1403—1406. Подлинный текст с переводом и примечаниями составлен под ред. И.И. Срезневского. Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1881, т. 28

⁴Камни клада определены Ю.Д. Аксентоном — научным сотрудником ювелирного института, за что, пользуясь случаем, приношу ему глубокую благодарность.

⁵ЗОРСА, т. VIII, вып. 1, СПб. 1906, стр. 269, 173, рис. 43, 44, 46, 75

О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ ЗЕРКАЛ АЛАНСКОЙ ГРУППЫ НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ

Яркая и самобытная культура Волжско-Камской Болгарии, складывавшаяся на протяжении длительного отрезка времени, вобрала в себя достижения и традиции многих племен и народов. Выявление основных компонентов этой культуры, характерных для определенных этнических групп, составляет проблему, давно привлекавшую внимание ученых. Однако ее разработка еще далека от завершения. Для этого необходим детальный анализ всей совокупности вещественных находок, что под силу лишь большому коллективу исследователей.

В настоящей статье автор высказывает некоторые соображения о времени появления в Среднем Поволжье одной из групп металлических зеркал, составляющих обширную коллекцию находок, собранных на территории Волжской Болгарии. Рассматриваемая группа представлена зеркалами из белого металлического сплава (оловянистой бронзы), с небольшим валикообразным утолщением по краю, петлевидным ушком в центре, выполненным в невысоком рельефе, чаще всего, геометрическим орнаментом, составленным из тонких линий. Эти признаки указывают на сходство данной группы изделий с зеркалами сармато-аланских племен, намечая, таким образом, общее направление поиска в решении вопроса о генезисе рассматриваемой группы болгарских зеркал. Для конкретных выводов о начале массового производства зеркал в Среднем Поволжье необходимо учитывать ту роль, которую сыграли на разных этапах своей истории сармато-аланские племена в формировании культуры народов Волго-Камья.

Сарматы, в ареал которых до IV века н.э. входили наряду с другими обширными областями, также степные районы Среднего Поволжья, были непосредственными соседями местных финно-угорских племен. Многообразные связи сарматов и поволжских финно-угров достаточно полно отражены в научной литературе.¹ Эти связи носили не только культурный и торговый характер. Мирные взаимоотношения сменялись военными столкновениями и даже проникновением отдельных групп сарматов в среду финно-угорского населения. В итоге сарматы оказали заметное влияние на культуру местных племен Среднего Поволжья. Об этом свидетельствует большое количество изделий южного происхождения, обнаруженных в финно-угорских памятниках. Среди них встречаются как собственно сарматские вещи, так и предметы, изготовленные местными мастерами по привозным образцам. Таковы некоторые виды оружия, детали поясов и отдельные украшения. Но в целом влияние сарматов не затрагивало экономических, религиозных и этнических основ финно-угров. Культура кочевых сарматских племен в своей основе была чужда оседлому населению Среднего Поволжья, и многие ее специфические элементы:

не воспринимались в этом районе. Таковы, например, зеркала, являвшиеся у сарматов не только предметом туалета, но и культовым предметом. Они часто встречаются в сарматских могилах, куда клались в соответствии с господствовавшим у этих племен обрядом погребения. Вместе с проникавшими в Волго-Камье сарматами, отдельные экземпляры зеркал попадали и в среду финно-угров, но не получили у них распространения. Эти изделия не отвечали местным традициям как предметы туалета и не представляли для финно-угров интереса как культовые вещи, поскольку сарматский обряд погребения был им неизвестен. Что же касается пришлых сарматов, то их группы были не настолько велики, чтобы произвести какие-либо существенные изменения в местной истории. Итак, в сарматскую эпоху металлические зеркала не получили распространения в Волго-Камье.

В IV веке н.э. сарматы были разгромлены гуннами. Под натиском орд тюркских кочевников крупное племенное объединение, генетически связанное с сарматами и известное под именем алан, продвинулось из волго-донских степей в районы Северного Кавказа. В многочисленных памятниках, оставленных аланами, обитавшими в Предкавказье вплоть до татаро-монгольского нашествия, характерной и распространенной находкой были металлические зеркала. „Встречаются они, — как указывает Т.М. Минаева, — в могильниках, на городищах и поселениях. Появляясь в IV веке н.э. они бытуют здесь до XIV века.”² Таким образом, зеркала встречаются всюду, где археологически зафиксировано пребывание алан. Это относится и к областям, значительно отдаленным от Северного Кавказа. Примером могут служить катакомбные могильники салтово-маяцкой культуры в бассейне верхнего течения Дона, этническая принадлежность которых аланам убедительно доказана многими исследователями. Зеркала, обнаруженные в этих могильниках, имеют многочисленные аналогии в северо-кавказских памятниках. Подобное явление было отмечено и в Крыму.³ Можно с уверенностью сказать, что из всех племен Восточной Европы со времени разгрома сарматов гуннами только у аланов существовало ярко выраженное массовое производство зеркал. Это дает основание объединить зеркала с указанными выше признаками в одну группу, условно назвав ее аланской, в отличие от более ранних сарматских зеркал.

С созданием в VIII веке на огромной территории Волго-Донских степей единой салтово-маяцкой культуры, в формировании которой первостепенную роль сыграли болгары и аланы, наблюдается широкое распространение зеркал аланской группы. В частности, несколько находок было сделано в Волго-Камье, в могильниках VIII—X веков, давших обширный материал, сходный с салтовским. Однако, вполне закономерен тот факт, что зеркал в могильниках немного. Нам известно лишь три экземпляра указанных изделий, происходящих из Больше-Тарханского⁴, Кокрятского⁵ и Танкеевского⁶ могильников. Это объясняется этнической принадлежностью основной группы населения, принесшей на Среднюю Волгу салтовские традиции. Такой

группой являлись болгары, откочевавшие из Подонья и Приазовья. Зеркала для них не характерны, как не характерны они были для местных племен Волго-Камья VIII—X веков. Эти изделия, как уже отмечалось, встречаются, главным образом, в памятниках аланского варианта салтово-маяцкой культуры. Наличие зеркал в раннеболгарских могильниках, возможно, отражает присутствие аланов в среде продвинувшихся на Волгу болгар, но число аланских переселенцев было настолько мало, что говорить об их культурном влиянии не приходится.

Развитие салтово-маяцкой культуры было прервано на рубеже IX—X веков новым нашествием в степи Восточной Европы тюркских кочевых племен, сначала печенегов, затем торков и половцев. Обосновавшись в южнорусских степях, кочевники заимствовали у соседних земледельческих народов некоторые элементы материальной культуры. В обиход кочевников, судя по погребальному инвентарю, широко входят металлические зеркала аланской группы. С этого времени указанные предметы перестают быть специфической особенностью только носителей аланской культуры.

В связи с широким распространением зеркал в южнорусских степях, встает вопрос о месте их производства. Собственное ремесло кочевников X—XIV веков было развито слабо. Его низкий уровень, обусловленный кочевым образом жизни населения, исключал возможность массового производства зеркал. Основным районом их изготовления по-прежнему оставался Северный Кавказ — центр аланской культуры. Значительная территория этой области входила в ареал кочевников, преимущественно половцев, и была достаточно плотно ими заселена. Являясь непосредственными соседями аланов, кочевники вступали с ними в тесные контакты, что прослеживается на археологическом материале.⁷ Более того, отдельные группы аланов входили в состав кочевых племен,⁸ внося в их среду элементы своей культуры.

Кроме аланов зеркала для кочевников изготавливали, как отмечает С.А. Плетнева, мастера древней Руси, отливавшие их специально на экспорт в кочевнические степи.⁹ Большое число этих изделий было встречено в русском слое городища Княжая Гора.

В литературе называется еще один район производства зеркал в Восточной Европе домонгольского времени — Волжская Болгария.¹⁰ Однако анализ археологического материала требует более осторожного подхода к решению этого вопроса. Прежде всего следует отметить, что пока неизвестно ни одной находки зеркал, достоверно связанной с домонгольскими культурными отложениями. Все зеркала, которые были отнесены к домонгольскому времени, являются подъемным материалом, еще не подвергавшимся тщательной типологической обработке и не сопоставлявшимся с четко датированными комплексами. Большая часть „домонгольских“ зеркал, происходящих из Болгар, как установил А.П. Смирнов, „принадлежит в основном монгольской эпохе, тогда как слой X—XII веков в нем сравнительно

невелик и вся древняя его часть характеризуется слабой насыщенностью культурными остатками."¹¹ Вместе с тем, при исследовании Биляра, крупнейшего ремесленного центра домонгольской эпохи, установлено преобладание отложений X — начала XIII веков, а золотоордынский слой слабо выражен. В нем насчитывалось не более 10 экземпляров зеркал рассматриваемой группы. Таким образом, даже простое сопоставление количества находок зеркал в культурных напластованиях двух крупнейших городищ Болгарского государства выявляет связь зеркал с золотоордынскими слоями. Следует учитывать и еще одно обстоятельство. Выше отмечалось, что зеркала не были специфичны для этнокультурных общностей, участвовавших в создании Волжской Болгарии. С X до начала XIII веков заметных изменений в этнической истории государства не произошло. Следовательно, по-прежнему, не было таких групп населения, у которых зеркала пользовались бы спросом. Но окончательно вопрос о производстве зеркал в Волжской Болгарии в домонгольское время может быть решен лишь после тщательной обработки имеющегося материала.

Не вызывает сомнений пока лишь факт массового изготовления зеркал в Болгарском государстве в золотоордынскую эпоху. Их производство составляет одну из новых черт болгарской культуры после монгольского нашествия и включения Волжской Болгарии в состав Золотой Орды. „Булгария, — писал А. П. Смирнов, — явилась одним из элементов, из которых сформировалась золотоордынская культура Нижнего Поволжья”.¹² Вместе с тем, отдельные черты сформировавшейся культуры нижневолжских городов получили распространение во всех периферийных центрах Золотой Орды.¹³ Такой новой чертой в культуре Волжской Болгарии явилось производство зеркал. Эти изделия составляют обычную находку в золотоордынских слоях болгарских памятников. К настоящему времени собраны обширные коллекции зеркал, среди которых преобладают изделия с неоднократно упоминавшимися признаками, позволяющими объединить их в аланскую группу. Вместе с тем, поражает обилие типов зеркал. Однако типологический разбор не входит в задачу данной статьи.

ПРЕМЕЧАНИЯ

¹ СМЕРНОВ А. П. Очерки древней и средневековой истории Поволжья и Прикамья. МИА, 28, М., 1952, стр. 70 и след.

² МИНАЕВА Т. М. К истории алан верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь. 1971, стр. 149

³ Там же, стр. 149, 208

⁴ ГЕНИНГ В. Ф. и ХАЛИКОВ А. Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964, стр. 58

⁵ Там же, стр. 87

⁶КАЗАКОВ Е.П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника. Сб. „Археология и этнография Татарии“. Вып. 1, Казань, 1971, стр. 143

⁷МИНАЕВА Т.М. Указ. соч., стр. 157

⁸ФЕДОРОВ-ДАВИДОВ Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов М., 1966, стр. 163

⁹ПЛЕТНЕВА С.А. Древности Черных Клобуков. САИ, М., 1973, стр. 11

¹⁰ВАЛЕЕВ Ф.Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1975, стр. 104 и след.

¹¹СМИРНОВ А.П. Волжские булгары. ТГИМ, вып. XIX, М., 1951, стр. 46

¹²Там же, стр. 53

¹³ФЕДОРОВ-ДАВИДОВ Г.А. Указ. соч., стр. 209

ШЛЕМ ИЗ ГОРОДА БЕЛАЯ КАЛИТВА

В 1972 году в Государственный Исторический музей был передан шлем из горда Бела́я Кали́тва Ростовской области. Он был найден учениками школы № 2 поселка Шолоховского, во время посадки деревьев в городском парке. Шлем был обнаружен на глубине около одного метра. Никаких других сопутствующих материалов школьники не нашли. Некоторое время шлем хранился в школьном музее, а затем о нем сообщили в ГИМ. К сожалению, прибывшему в Белую Кали́тву сотруднику ГИМа не удалось произвести подробное археологическое обследование местности и заложить разведочные шурфы, так как в этом месте вокруг памятника героям „Слова о полку Игореве“ расположен городской парк. В музее шлем сначала экспонировался на выставке „Сокровища ГИМа“, а затем поступил на внутреннюю экспозицию отдела оружия.

Шлем (ГИМ № 99858 ор. № 14373) имеет следующие размеры: общая высота — 230 мм, ширина в поперечнике — 220 мм, окружность — 660 мм, высота венца сзади — 139 мм, высота венца спереди — 58 мм.

Шлем имеет цилиндро-коническую форму. Он изготовлен из двух металлических пластин, предположительно железных, соединенных между собой заклепками, большинство из которых сохранилось. Шлем подвергался переделке, о чем будет подробно сказано ниже. Переделка, в основном, коснулась нижней части венца. Сохранившееся в первоначальном виде тулово позволяет провести сравнение с подобным шлемом из Артиллерийского музея Парижа и восстановить начальную форму нашего экспоната.

Туля шлема Исторического музея конической формы. Она сварнута из одной металлической пластины, склепанной спереди пятью заклепками в один ряд. Навершие шлема отсутствует. В верхней части тулеи сохранились только четыре отверстия для прикрепления навершия. По расположению этих отверстий, по размерам всего шлема и верхней части конуса, по аналогии со шлемом подобного типа, можно с уверенностью предположить, что навершие по размеру было небольшим и могло иметь форму нащепки или небольшого конуса. Нижняя часть тулеи представляет собой узкий обод, высотой в 20 мм, служащий для крепления венца. Венец шлема вырублен из одной металлической пластины, соединенной сзади шестью заклепками в два ряда. Он прикреплен к ободу тулеи по всей окружности одиннадцатью заклепками. Первоначально венец имел своеобразную форму: в передней части высота его равнялась 58 мм, и прикрывала лоб, а сбоку и сзади высота венца достигала 139 мм и прикрывала затылок, шею, височные кости, скулы и частично щеки. Таким образом шлем оставлял незащищенными только глаза, нос и рот воина.

Предположение о такой форме шлема подтверждается аналогичным шлемом Из Артиллерийского музея Парижа который был опубликован в 1903 г¹. К сожалению, это единственная известная нам публикация шлема, аналогичного нашему. Шлем из Парижа имеет такую же цилиндро-коническую форму, подобные тулею, навершие и венец. Характерный широкий венец защищал голову сзади, а спереди образовывал маску, которая оставляла открытыми глаза, нос и подбородок. Навершие изготовлено из одной металлической пластины, тулея из четырех, венец из двух. Все части шлема и составляющие их пластины крепятся на заклепках. По бокам шлема, против ушей, пробито по четыре отверстия, служащих для улучшения слышимости.

Все это: форма шлема, его размеры, способ крепления частей и деталей, боевое применение неоспоримо доказывают аналогичность шлема из г. Белая Калитва и шлема, хранящегося в Париже. Ряд незначительных отклонений вызваны, скорее всего, местом и временем изготовления. Шлем из Артиллерийского музея, достаточно точно датируется концом XIII — самым началом XIV века. Место его изготовления — Германия. Доктор Хефнер-Альтенек отмечает, что подобного типа шлемы, несмотря на кажущуюся примитивность, были широко распространены во всех христианских странах XIII—XIV веков. И так, можно сделать два предположения о возможности появления шлема в районе г. Белая Калитва. Первое: шлем был завезен в этот район из Западной Европы купцами или воинами. Второе: он был изготовлен на месте по какому-то определенному образцу. И в том и в другом случае его можно с уверенностью датировать концом XIII — первой половиной XIV века. По-видимому, где-то в XVI веке он подвергся переделке и уже в новом виде дошел до нас.

Из широкого венца шлема, по его бокам, были вырублены две науши, прикрывающие уши, виски и верхнюю часть скул. Оставшаяся часть венца стала выполнять роль затыльника, защищая шею и затылок. На шлеме сохранилась только одна правая наушь ромбовидной формы, высотой 81 мм, шириной в поперечнике 105 мм. Левая наушь отломана, но на нижней кромке венца четко прослеживается место отлома. Лицо воина было защищено вертикальной стрелкой, приклепанной к венцу спереди над лбом. Это довольно надежная защита от поперечного удара. Причем интересен тот факт, что было пробито два отверстия для крепления стрелки. Первое, по-видимому, было сделано до того, как из венца вырубili науши. И тогда оно соответствовало центру шлема. Но после окончательной переделки стало ясно, что отверстие смещено. Мастеру не удалось строго симметрично вырубить науши и ему пришлось пробить новое отверстие для крепления стрелки.

Такое изменение внешнего вида шлема и его усовершенствование, по нашему мнению, могло быть произведено в XVI веке, так как именно в этот период район находки шлема подвергся определенному турецкому влиянию, что и сказалось на предметах вооружения. Турецкие шлемы XV—XVI веков как раз и характеризуются наличием

ромбовидных наушей, прикрепляемых к венцу ремнями, что позволяло поднимать их в походных условиях, улучшая слышимость. Особенностью этих шлемов была и вертикальная стрелка, защищающая лицо от поперечного удара или от скользявшего по шлему меча противника. Такая стрелка имела приспособление для ее поднятия и регулирования длины.

Можно предположить, что такой турецкий шлем и стал образцом, по которому переделали старый шлем. Необходимо отметить, что мастер выбрал самый простой путь. Он вырубил науши прямо из венца, повторив ромбовидную форму, но не сделал приспособления для их поднятия. И просто приклепал стрелку к ободу тулеи. Работа была произведена очень грубо, сохранились следы рубки зубилом, края в местах вырубки не зачищены. Наличие двух отверстий для стрелки ясно говорит о неумелости мастера. Ему не удалось точно рассчитать расположение наушей. Все это свидетельствует о местном характере произведенной работы. Работал, скорее всего, сельский кузнец, так как мастеров-оружейников XVI века отличают высокая степень обработки оружия, большие технические навыки в его изготовлении и тщательность отделки.

Публикуемый в данной статье шлем — явление уникальное. На протяжении трех столетий — XIV, XV, XVI он являлся предметом боевого вооружения. В XVI веке после переделки он еще какое-то время нес свою службу. Сохранившиеся на шлеме следы двух сильных ударов прямо указывают на его боевое применение. Слой коррозии одинаково покрывает весь шлем и свидетельствует о том, что вмятины были получены до того, как шлем оказался в земле. Простота в отделке шлема и некоторая примитивность доказывают, что он принадлежал, скорее всего, простому воину. А это очень важно, так как, в основном, музейные коллекции хранят предметы вооружения периода средневековья, принадлежавшие феодальной знати.

И, конечно, шлем имеющий такую богатую и долгую жизнь еще привлечет к себе внимание исследователей. К сожалению, автору не удалось пока провести необходимые структурные и химические анализы, позволяющие более точно определить место и время изготовления шлема. Но это дело недалекого будущего.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Dr. S.H. von Hefner-Altenek. Waffen, Frankfurt am Main, 1903, s. 13, taf. 15

СТВОЛ ДРЕВНЕЙШЕГО ПИСТОЛЕТА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ГИМ

В коллекции отдела оружия Государственного Исторического музея хранится интересный предмет, на который было обращено внимание лишь недавно. Это небольшой ствол ручного огнестрельного оружия.¹ Техника изготовления и конструкция этого ствола позволяют отнести его к архаическим образцам XV века. Ручное огнестрельное оружие конца XIV — первой половины XV века сохранилось в музеях СССР и в европейских музеях буквально в единичных экземплярах. Предмет обязывает к его тщательному изучению, поскольку он может дать новые сведения для заполнения имеющихся лакун в истории огнестрельного оружия. Настоящая публикация не решает все поднятые в ней вопросы, а ставит своей целью лишь привлечь внимание специалистов к имеющемуся в музее образцу.

Образец имеет следующие данные: длина общая 195 мм, калибр 13 мм, вес 575 г.

Ствол представляет собой узкую железную трубку, сварной шов которой визуально не обнаружен. Ствольный канал незначительно расширен к дульному срезу. Ствол снабжен тремя „усилительными“ кольцами — у дульного среза, посередине и в тыльной части (рис. 1). Дульное кольцо в разрезе имеет вид усеченного конуса и соединено встык внизу ствола. Ширина кольца — 18 мм, толщина спереди — 4 мм, сзади — 1 мм. Срединное кольцо (ширина 20 мм) не замкнуто внизу ствола, концы его не сходятся на 7 мм (рис. 2). Тыльное кольцо (ширина 22 мм) охватывает ствол сзади, оставляя сверху ствола зазор в 8 мм, образующий „канавку“. На торец ствола приварена заклепка заподлицо с тыльным кольцом. „Канавка“ служила для затравочного пороха, что подтверждается наличием в ней затравочного отверстия, — то есть выполняла роль затравочной полки в более позднем оружии. Затравочное отверстие имеет диаметр 4,5 мм и находится на расстоянии 22 мм от торца. Рядом с затравочным расположено второе отверстие диаметром 3 мм, функциональное назначение которого не ясно (рис. 1). Вполне возможно, оно появилось позднее. На поверхности ствола около колец и на тыльном кольце имеются следы омеднения и патины, что дает основание предположить, что кольца были припаяны к стволу медным припоем, который в некоторых местах растекся. Сейчас ствол сильно коррозирован.

Исследуемый предмет представляет собой только ствол ручного огнестрельного оружия. Для уточнения датировки и выяснения его типа как оружия необходимо провести сравнение с аналогичными или подобными экземплярами XIV—XV веков. В Государственном Историческом музее однотипного оружия не имеется. Из десяти образцов в европейских музеях, приведенных в книге Э. Вагнера, и четырех —

в советских музеях, описанных А.Н. Кирпичниковым², ствол из ГИМа аналогичен имеющемуся в Военно-Историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи в Ленинграде. Этот ствол, впервые описанный В. Арендтом³, был обнаружен им в фонде Государственного Исторического музея и в 1937 г. передан в Военно-Исторический музей артиллерии. Ствол имеет следующие данные: длина общая 190 мм, калибр 12,5 мм, вес 640 г. Так же, как и ствол из ГИМа, он сделан из железа, имеет три „усилительных“ кольца и „затравочную канавку“ с отверстием вверху в казенной части. Сохранность его та же: поверхность изъедена коррозией, имеются следы патины на месте спайки колец со стволом. Единственное отличие состоит в том, что нет второго отверстия рядом с затравочным.

Совпадение по внешним данным и по конструкции настолько поразительно, что вызвало подозрение в реальности существования второго ствола в ленинградском музее. Но после проверки оно отпало, и сейчас мы имеем дело с двумя одинаковыми предметами. Единственно возможное объяснение этого в том, что оба эти ствола сделаны одним и тем же мастером или мастерской.

Ствол в Военно-Историческом музее артиллерии был датирован В. Арендтом началом XV века. С этой или чуть более ранней датировкой согласен и А.Н. Кирпичников. Следовательно, описываемый ствол тоже относится к началу XV века, возможно, даже к концу XIV в. Более точного определения времени его изготовления в настоящий момент дать нельзя, поскольку точно датировемых аналогичных образцов в публикациях не имеется.

Исключительно важное значение имеет установление места производства обоих стволов. Здесь могло бы помочь их происхождение, то есть источники поступления в Исторический музей. Но к сожалению, в этом вопросе существует полная неясность. В. Арендт, описывая обнаруженный им ствол, констатировал, что обстоятельства его поступления в музей неизвестны, предполагал его случайной находкой при археологических раскопках, не указывая конкретно их места. Что же касается исследуемого ствола, то и здесь, несмотря на все попытки, выяснить его происхождение не удалось. Можно только предполагать, что это случайное поступление середины 50-х гг. Внимание на нем зафиксировано не было из-за того, что ствол сразу не попал в руки специалистов-оружиеведов.

Наличие двух одинаковых предметов предполагает существование какого-то единого типа оружия, достаточно распространенного, поскольку сомнительно, чтобы эти стволы были нетипичными или экспериментальными образцами. Кроме того, их плохая сохранность исключает специальное хранение, характерное для экспериментальных изделий.

Обратимся теперь к другим сохранившимся образцам, чтобы установить более четко, к какому виду ручного огнестрельного оружия относятся интересующие нас стволы. Самыми ранними дошедшими до нас типами этого оружия являются так называемые „ручницы“. Они

имеют железные или литые из бронзы стволы сравнительно небольшой длины — 180—290 мм. Некоторые из них, имеющие калибр 25—35 мм, снабжены специальным крюком в дульной части для погашения отдачи. Стволы меньшего калибра — 14—25 мм — крюков, как правило, не имели. Вес стволов этих ручниц в зависимости от калибра и материала в среднем 4 кг. Наименьший вес у Танненбергской бронзовой ручницы — 1,2 кг, калибр ее 14,5 мм, длина ствола — 290 мм. Известны два варианта соединения стволов с ложами. Железные стволы укреплялись в жердеобразных колодах длиной 95—144 см с помощью скоб. Другие — бронзовые — имели сзади втулку, которая насаживалась на длинное круглое древко. У обоих типов оружия ложи не прикладывались к плечу, а зажимались под мышкой. Эти ручницы можно считать предшественницами более позднего оружия типа „ружье“.

Исследуемые стволы мне представляются иным видом ручного огнестрельного оружия. Они отличаются по техническим данным от ручниц, так как имеют небольшую длину в сочетании с малым калибром и очень небольшой вес. Полагаю, что можно с большой степенью достоверности говорить о принадлежности данных стволов к короткоствольному малокалиберному оружию ближнего боя и самообороны, позднее получившему название „пистолет“. Размеры и вес стволов находятся в пределах, допустимых для легкого оружия такого типа.

Некоторой аналогией им можно считать два четырехствольных пистолета XV века, описанные немецким исследователем Р. Форером в 1906 г.⁴. Оба они по конструкции отличаются от наших стволов, поскольку представляют собой четыре трубки-ствола, переходящие в одну втулку, которая насаживалась на древко длиной 350 мм. Сближает их с нашими образцами следующее: расположение затравок — сверху в казенниках, небольшая длина стволов со втулкой — 250 мм, а также малый вес — 1,12 кг одного и 1,3 кг другого. Р. Форер отнес их к пистолетам, использовавшимся как огнестрельное оружие, а после израсходования зарядов они применялись как боевые дубинки.

Для наших стволов в настоящий момент не имеется вещевых аналогий, по которым можно было бы представить общий вид этих пистолетов, установить способ скрепления ствола с ложей и ее форму. Предположительно, ствол соединялся с ложей скобой, а ложа могла быть прямой и короткой настолько, чтобы можно было управляться с ней одной рукой⁵. Такое оружие могло использоваться как пехотинцами, так и всадниками⁶. Несколько затруднительно объяснить принцип использования кавалеристами этих пистолетов из-за несовершенства их устройства. Расположение затравочного отверстия вверх затрудняет воспламенение заряда одной рукой. Отсутствие крышки над затравочным углублением дополнительно усложняет задачу всадника, так как требовалось стрелять сразу же после засыпки пороха, иначе он мог ссыпаться раньше времени.

Весьма любопытна гипотеза Р. Форера, объясняющая принцип стрельбы из такого оружия. Исследователь предполагал, что в затра-

вочное отверстие вставлялся короткий фитиль, который поджигался заранее. Время, необходимое для сгорания фитиля и воспламенения заряда в стволе, всадник использовал для приближения к цели, держа пистолет в одной руке, другая же была свободна для управления лошастью.

Это объяснение вполне подходит и для пистолетов с нашими стволами. В этом случае затравочный порох в углублении мог служить для поджигания вставленного фитиля, а не для воспламенения непосредственно заряда, как это было у пушек и ручниц. Насколько это предположение правдоподобно, сказать трудно.

Имеющиеся письменные источники не опровергают существования короткоствольного оружия типа „пистолет“. В хронике итальянского города Перуджи под 1364 годом записано следующее: „... власти нашего города приказали изготовить пятьдесят бомбард длиною в ладонь (приблизительно 17,5 см — Ю.Ш.), которые носят в руке, удобны и пробивают любой доспех...“⁷ Как они выглядели неизвестно, но их размер (указана, вероятно, только длина ствола) близок к длине наших стволов.

Подводя итоги размышлениям по поводу двух одинаковых стволов в коллекциях ГИМ и Военно-Исторического музея артиллерии, можно сказать следующее. Каково бы ни было происхождение этих предметов (В. Арендт считал, что „его“ ствол привезен из Западной Европы), они свидетельствуют, что наряду с „ручницами“ европейцы располагали в конце XIV — начале XV вв. оружием типа „пистолет“. Это позволяет расширить представления о военной оснащенности войск в период распространения огнестрельного оружия в Европе. Вопрос о применении этого оружия войском какой-либо страны пока нельзя решить из-за недостатка данных. Можно только заметить, что находки двух небольших ручниц начала XV века на территории Русского государства⁸ не противоречат гипотезе о возможности оснащения русского войска оружием типа „пистолет“ в рассматриваемую эпоху. В связи с этим немаловажное значение приобретает установление места производства данных стволов. Возможно, будущие исследования с привлечением специальных методов прольют свет на этот сложный вопрос.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Инвентарный номер 85687 ГИМ
15033 оп.

² E. WAGNER. KROJE, ZBROJ A ZBRANĚ DOBY PŘEDHUSITSKĚ A HUSITSKĚ PRAGA, 1956. КИРПИЧНИКОВ А.Н. Военное дело на Руси в XIII—XV вв., Л., 1976, стр. 87—89.

³ Инвентарный номер 38/1245 АИМ. W. ARENDT. ZWEI ESCOPETTES DES HISTORISCHEN MUSEUMS IN MOSKAU, ZWK, 1934, Bd IV (13), s. 224—225

⁴R. FORER. DIE ÄLTESTEN GOTISCHEN EIN- UND MEHRLÄUFIGEN FAUSTROHRSTREITKOLBEN, ZWK, Bd IV 1906, s. 55—61

⁵В Бернском музее в Швейцарии имеется ручница, укрепленная в сравнительно короткой ложе длиной 95 см с крюком. Длина ствола у нее 180 мм, а калибр 31 мм. Короткий ствол по длине близок к исследуемым стволам, но значительно больший калибр, по моему мнению, переводит эту ручницу в разряд ружей, а не пистолетов. Наличие крюка свидетельствует о большой мощности заряда и характерно для оружия типа „ружье“. Для наших же стволов крюки для погашения отдачи не требовались, так как в них мог разместиться небольшой заряд пороха. См. Э. Вагнер, указ. соч., ч. VII табл. 2/2

⁶В некоторых европейских рукописях XV в. имеются рисунки всадников с коротким огнестрельным оружием в одной руке. См. Р. Форер, указ. соч., стр. 55

⁷S. KOBIELSKI. POLSKA BRONŃ.BRONŃ PAINA. WROCLAW, 1975, s.15

⁸КИРПИЧНИКОВ А.Н. Указ. соч., стр. 87—88

О НЕКОТОРЫХ ЧЕРТАХ МИНИАТЮРЫ РУССКОЙ РУКОПИСНОЙ
КНИГИ XV—XVIII вв.

(наука и просвещение)

В истории русской культуры книжная миниатюра XV—XVIII вв. по своему значению занимает особое место в ряду с фреской и иконописью. Значение книжной миниатюры определяется большим сюжетным разнообразием, отражающим многие стороны жизни русского народа, обилием бытовых деталей, своеобразием художественных средств.

На протяжении XV—XVIII веков русская книжная миниатюра сохраняла общие особенности, без знания которых современному человеку трудно понять смысл изображенного и оценить художественные достоинства этих произведений.

Для древнерусской миниатюры характерны обобщенные схематизированные образы, лишенные индивидуальных черт: будь то изображение человека или сопутствующих ему пейзажа, архитектуры и других деталей. Так в миниатюре из „Жития Зосимы и Савватия“ конца XV века „Писцы за работой“ изображен — это следует из текста — игумен Соловецкого монастыря Феодосий (1479 г). Но напрасно мы будем искать в рисунке его портрет. Это всего лишь обобщенный образ монаха. Условным является изображение келий монастыря и окружающего монастырь леса. Здесь нет елей или берез, а есть деревья вообще, неизвестно, какой породы. Подобные деревья встречаются также в миниатюрах „Весна“ из „Лицевого летописного свода“ Ивана Грозного XVI века и „Месяцеслова“ XVII века. Схематизации образа сопутствуют постоянные условные признаки, которые позволяют выразить определенное состояние, действие или чувство. Например, в названной выше миниатюре „Весна“ из „Месяцеслова“ XVII в. (Рис. 1) представлен юноша в царском венце, в ярких дорогих одеждах. Он сидит на троне. В руке он держит подсвечник с двумя свечами — горячей и потушенной — и большой ключ. Свечи символизируют весеннее равноденствие, ключ — вскрытие рек, ледоход, весенние разливы, а сам юноша олицетворяет весну. Другой пример. Писец в любой русской миниатюре, в том числе в миниатюрах „Писец“ из рукописной книги XVII века и „Писец за работой“ из „Жития Зосимы и Савватия“ конца XVI века изображается сидящим за столом, на котором расположены различные принадлежности письма (Рис. 2). В руках у него гусиное перо. На коленях — тетрадь или свиток, в которые он переписывает текст. Хотя в XVII веке русские писцы работали, положив тетрадь на стол, а не на колени, художники продолжали изображать их по традиции пишущими „коленным письмом“, то есть державшими рукописи на своих коленях. В ряде случаев в миниатюре появляются признаки времени ее создания, чаще всего орнамент архитектурных деталей. Так, палата в миниатюре „Писец“ расписана растительным орнаментом, характерным для русских рукописных книг 2-ой половины XVII века. И именно в это

время была написана и украшена книга с изображением писца. В миниатюре „Затмение солнца“ из „Апокалипсиса“ XVIII в. постоянным условным признаком выражено не действие, не состояние, а чувство. Апостол Иоанн ввиду надвигающихся грозных явлений природы обращается с мольбой о милости. Это моление выражено таким художественным приемом, как воздетые к небу руки. Характерной чертой русской книжной иллюстрации является совмещение в одном рисунке разных стадий развития сюжета. В миниатюре „Лечение раненых“ из „Лицевого летописного свода“ Ивана Грозного 2-ой половины XVI века представлено 4 эпизода такого события троянской войны, как заключение перемирия между греками и троянцами. В верхней части миниатюры изображены прием греческих послов троянцами и прием троянских послов греками. В средней части — лечение троянскими врачами раненых воинов, в нижней части — похороны греками своего героя Протеизилая.

И, наконец, еще одна особенность русской книжной миниатюры. Независимо от сюжета книги, миниатюра в большинстве своих деталей — одежде изображаемых лиц, оружии, архитектуре, предметах быта — отражает Россию, современную написанию и украшению самой книги. Так, в упоминавшейся уже миниатюре „Лечение раненых“ можно видеть греческих воинов, одетых не в доспехи времени „Илиады“ и „Одиссей“, а в русские кольчуги и шлемы XVI века. Костюмы царей, послов, лекарей, как и оружие воинов, также взяты художниками с русских образцов XVI века, то есть того времени, когда создавался „Лицевой летописный свод“ с его многочисленными миниатюрами.

Наука и просвещение в России XV—XVIII веков постоянно являлись предметом изображения в книжных миниатюрах. Естественно, за такой большой исторический период, как XV—XVIII века ни сама наука и просвещение, ни их отражение в русской миниатюре не оставались постоянными. Если в XV—XVI веках развитие шло в традиционных древнерусских формах, то начиная с XVII века, эти формы все более приобретали общеевропейский характер. Сюжеты миниатюр становились более светскими, увеличивалось число бытовых реалий, расширялись приемы и средства изображения. В миниатюрах отражалось развитие математических наук, астрономии, истории и географии, медицины и фармакологии.

В „Геометрии“ 1-ой половины XVII века переписанной и переведенной на русский язык с английского издания 1625 г., имеется гравюра с изображением математиков, ведущих вычисления с помощью специальных приборов. Интерес к астрономии, развившийся в России в XVII в., вызвал к жизни любопытную миниатюру, которая появилась в поэтическом сочинении Кариона Истомина „Любови знак“ (1689 г.). Иллюстрируя в характеристике человеческих чувств понятие „зрение“, Карион Истомин написал: „Астрономы зрят хитростию по небу, прознавающе в мире сем потребу“, а художник изобразил двух ученых, наблюдающих в подзорные трубы солнце и луну. Картина солнечного затмения представлена в миниатюре книги о легендарном конце мира „Апокалипсисе“ XVIII века. В „Космографии“ XVIII века — сборнике

кратких сведений по географии и астрономии — дана серия миниатюр со знаками зодиака, в частности рисунок знака „Дева“.

Знания о земле нашли место в широко распространенной в России XV—XVII веках книге „Индикоплов“ (XV век), которая содержала описание путешествия александрийского купца и географа VI века Козьмы Индикоплова. Среди миниатюр этой книги, переписанной в г. Ярославле, особенно интересны те, что сопровождают рассказы Козьмы Индикоплова о виденном им в своих странствиях. Русские мастера-художники, иллюстрировавшие эту рукописную книгу, по своему увидели и передали в рисунках мир путешественника (Рис. 3).

Сведения о временах года имеются в миниатюрах календарей — „Месяцесловов“ с оригинальными изображениями. Весна, лето, осень и зима изображены в виде символических фигур царей — молодого, зрелого, среднего и пожилого возраста (Рис. 4). В более реальной манере времена года написаны художниками в первом томе „Лицевого летописного свода“ Ивана Грзного (миниатюра „Весна“). Созданный в 70 годах XVI века в числе других 10 книг, охватывающих события всемирной и русской истории, первый том „Лицевого летописного свода“, как и остальные девять, украшен высокохудожественными рисунками. Эти рисунки, хотя и иллюстрируют события библейской и греческой истории, отражают, как было сказано ранее, русскую действительность XVI века. Помимо собственно исторических и географических представлений, в них отразились самые разнообразные научные знания, ремесла, быт России XVI века. Большой интерес в этом плане вызывает миниатюра „Лечение раненых“, дающая некоторое понятие об уровне медицинских знаний. Медицина и фармакология представлены в миниатюрах многочисленных русских рукописей „Лечебников“ и „Травников“. На одних — врач экзаменует своего помощника, на других — делает наставление аптекарю. Описания лекарственных трав сопровождались красочными рисунками цветов и трав.

В средневековой России иллюстрировались не только научные, но и учебные книги. Пример этому — „Букварь“ Кариона Истомина, видного деятеля русского просвещения конца XVII — первой четверти XVIII веков. На каждой странице „Букваря“ расположено несколько вариантов написания одной и той же буквы русского, греческого и польского алфавитов. Буквенные начертания дополняются рисунками предметов, названия которых начинаются с воспроизведенной буквы, и syllабическими стихами (Рис. 5). По таким букварям учились дети в начальных школах. Изображения школ также сохранились в русских книжных миниатюрах — (см. рисунок „Школа“ в „Житии Антония-Сийского“ 1648 г.) (Рис. 6). Приказные дьяки, дьячки, подьячие, обучавшие детей грамоте, были и первыми русскими учителями в школах и писцами, переписывавшими и распространявшими книги. С обликом таких писцов можно познакомиться на миниатюрах „Жития Зосимы и Савватия“ конца XVI века и „Евангелия“ XVII века. Создавая книги и обучая по ним, эти люди несли в народ свет знания, будили в умах живую творческую мысль, растили „собственных Ньютонов и Платонов“.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — сб. Археологические открытия

ВВ — Византийский Временник

ГИМ — Государственный исторический музей

ГЭ — Государственный Эрмитаж

ДП — Древности Поднепровья

ЖМНП — Журнал Министерства Народного Просвещения

ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества

ЗРАО — Записки Русского археологического общества

ИАК — Известия императорской Археологической Комиссии

ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры

ИКИИЮВ — Известия краеведческого института изучения южно-волжской области

ИЭ — Институт этнографии АН СССР

КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Москва

КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

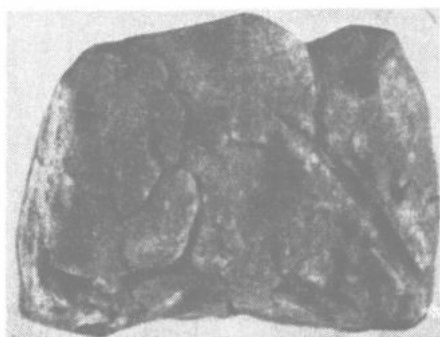
ОАК — Отчет Археологической комиссии

СА — Советская археология

САИ — Свод археологических источников

ИЛЛЮСТРАЦИИ

К статье Греховой
„Фигурка мамонта со стоянки Елисеевичи”

Фигурка мамонта со стоянки Елисеевичи

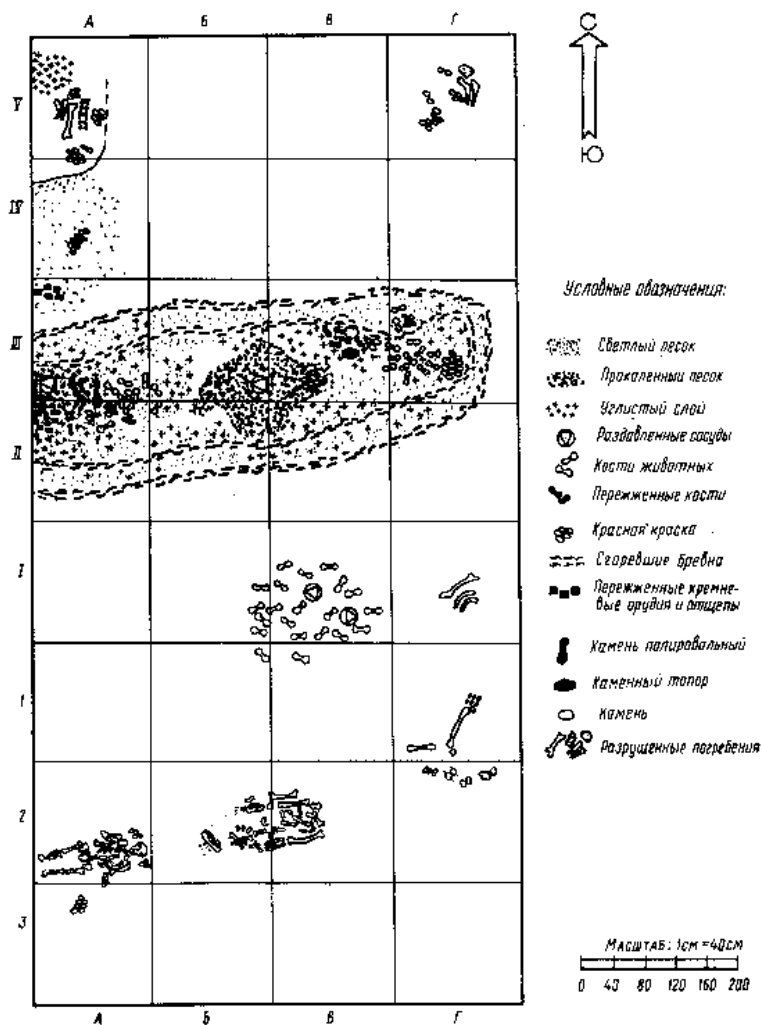

Рис.1. План ритуального сооружения стоянки Владычинская – Береговая

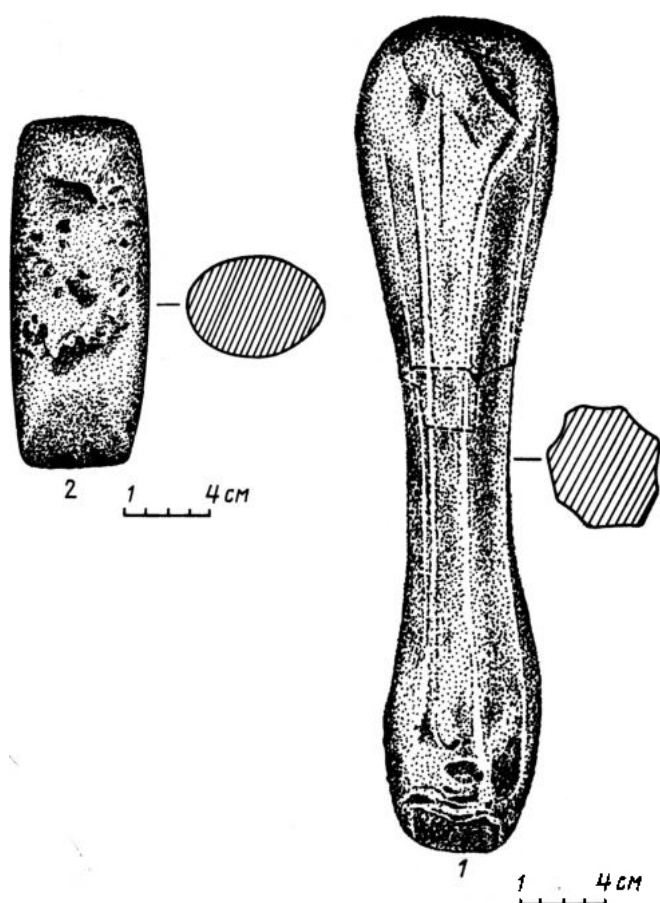

Рис. 2. 1. Полировальный камень
2. Клиновидный топор

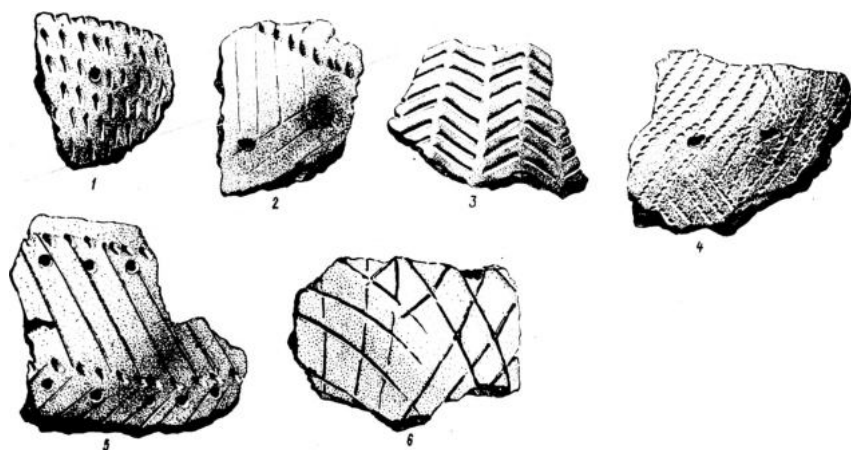

Рис. 1. Поселение Никола-Перевоз I. Раскоп III

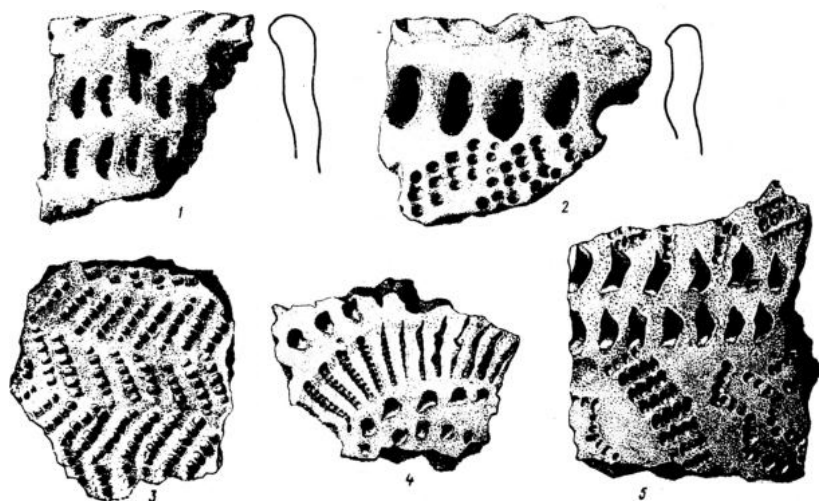

Рис. 2. Поселение Никола-Перевоз II. Раскоп А

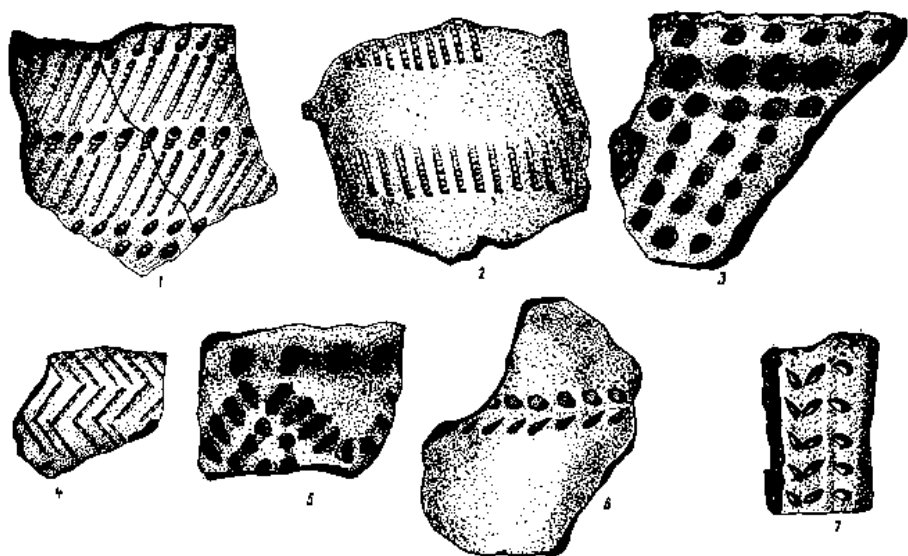

Рис. 3. Поселение Никола-Перевоз III

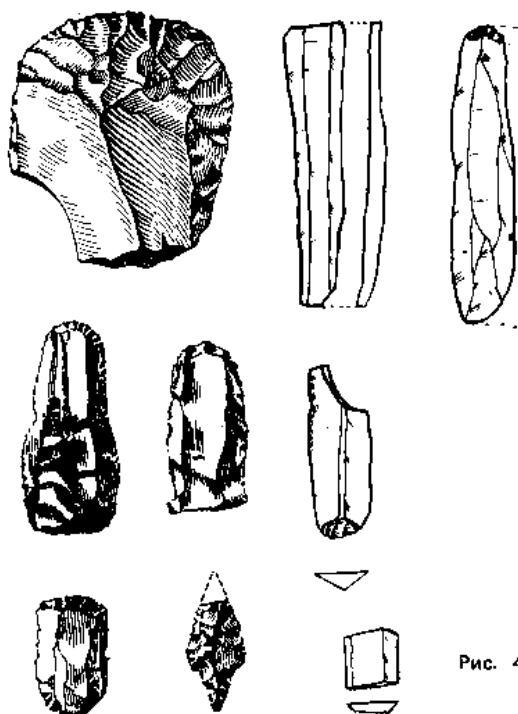

Рис. 4. Поселение Никола-Перевоз I.
Раскоп III

Рис. 5. Поселение Никола-Перевоз III

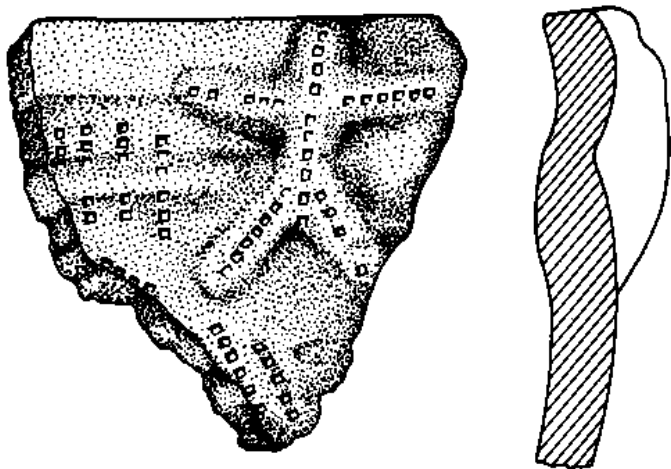

Рис. 1. Фрагмент сосуда с рельефным изображением человека
 со стоянки Волосово

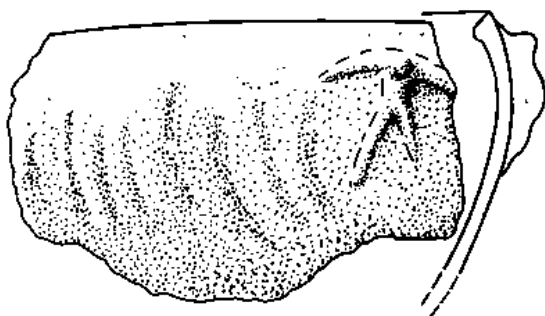

Рис. 2. Фрагмент сосуда с рельефным изображением человека
 со стоянки Швянтойи 3

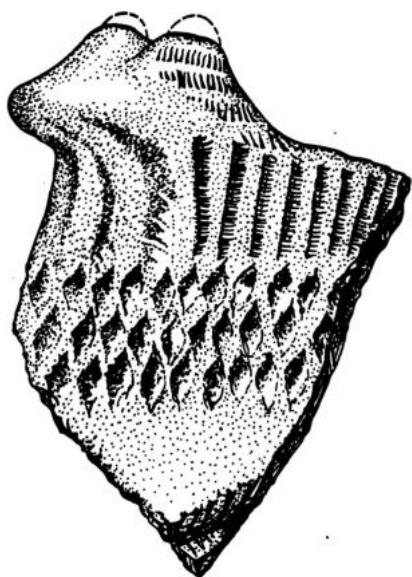

Рис. 3. Фрагмент сосуда с зооморфным наделом со стоянки
Владычинская Береговая

К статье Поповой
„Клад бронзовых серпов у с. Воютино“

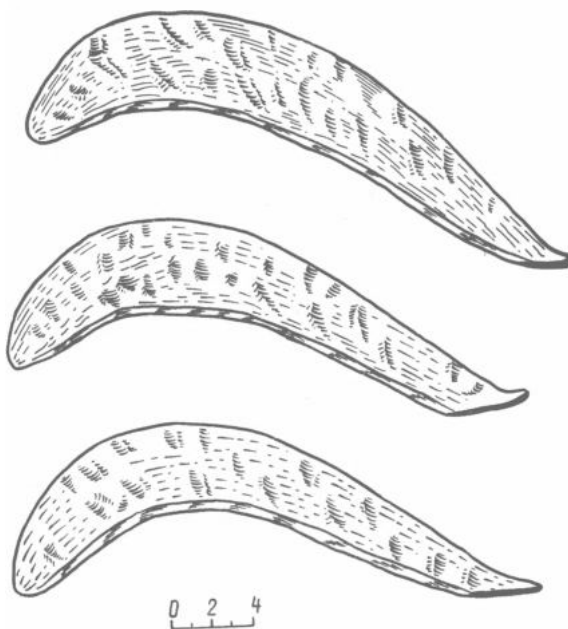
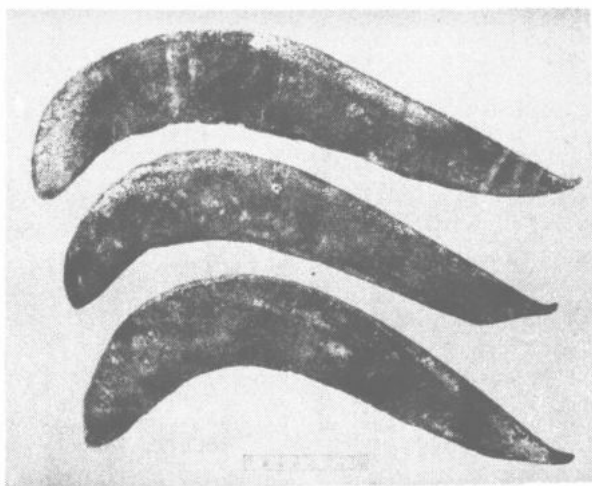

Рис. 1.2.
Серпы из клада
у д. Воютино

К статье Федоровой-Давыдовой
 „Катакомбное погребение с повозкой на Нижнем Дону“

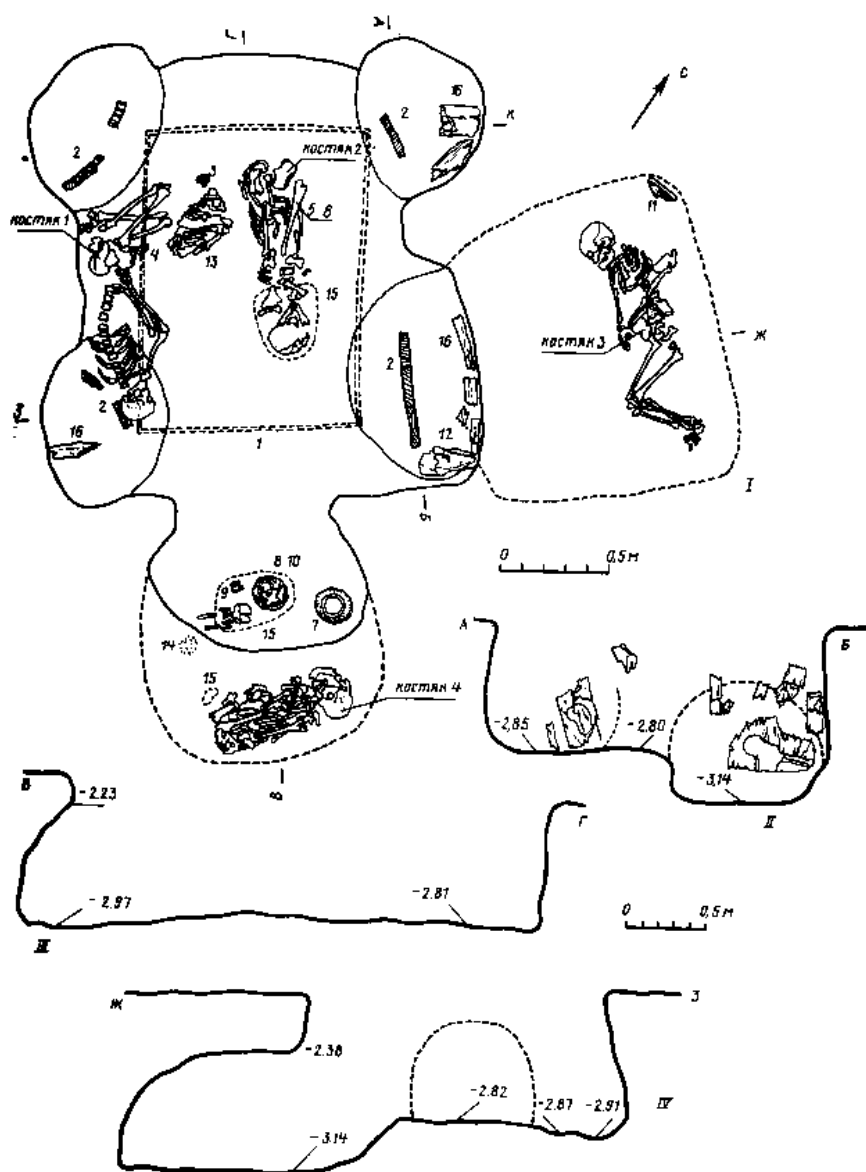

Рис. 1. План и разрезы погребения 8 в кургане 2
 II Шаховского могильника

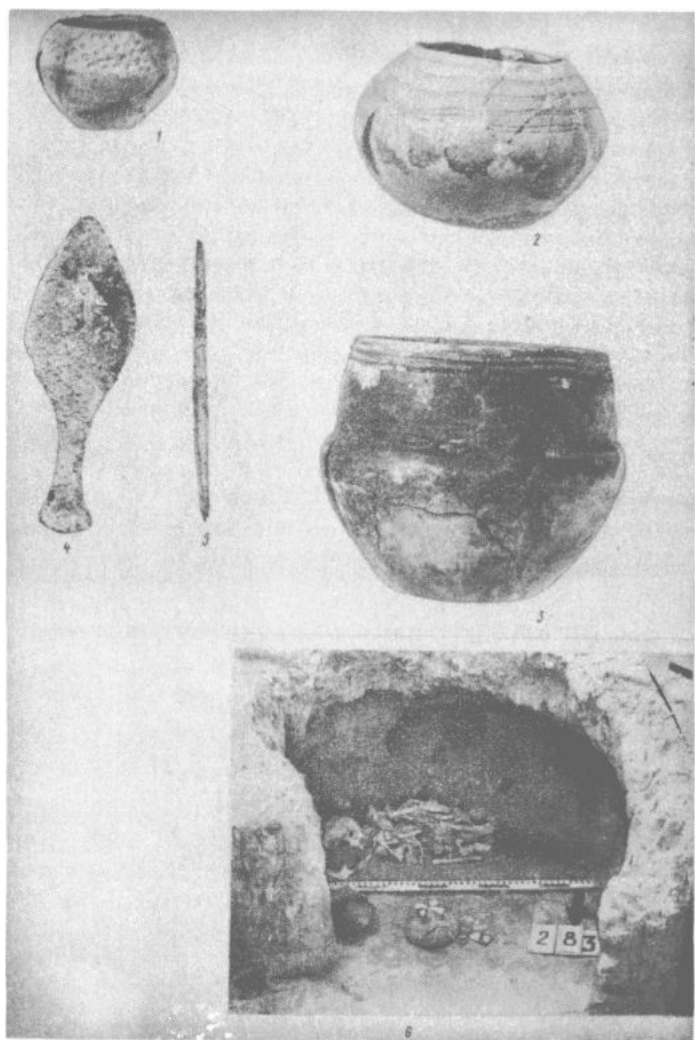

Рис. 2. Инвентарь из погребения 8 кургана 2
II Шахаевского могильника

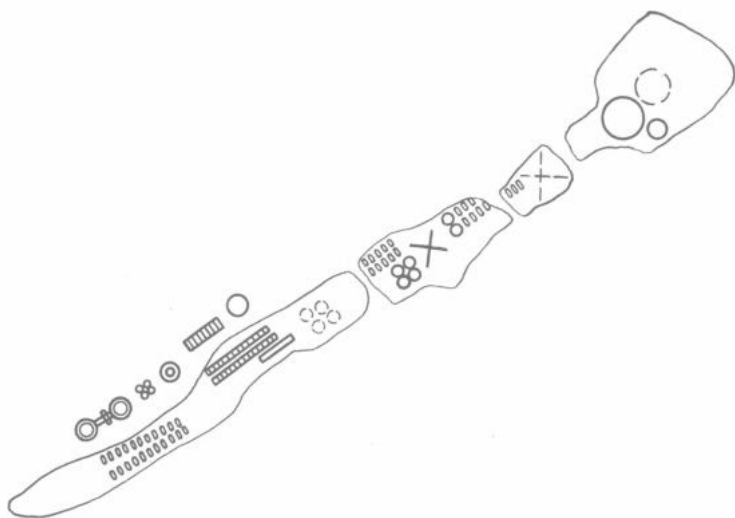

Рис. 1. Фрагмент пояса из погребения 88 Кошибеевского могильника

Рис. 2. Глиняный сосуд из погребения 20Г Кошибеевского могильника

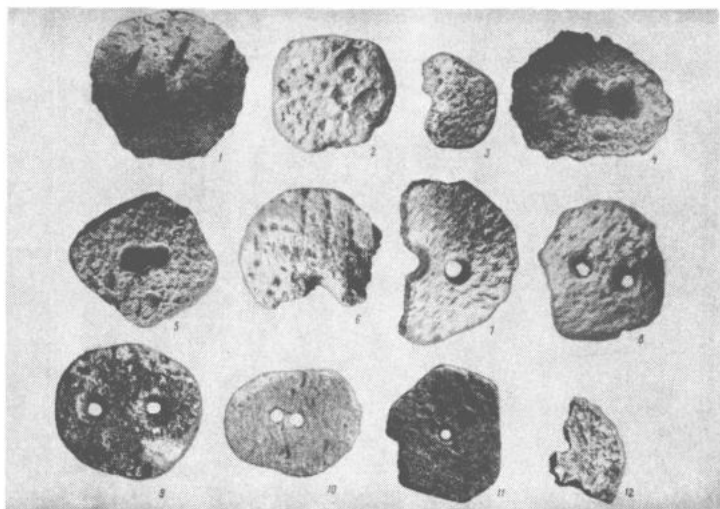

Рис. 1. Глиняные кружочки со стоянки Фефелов Бор 1

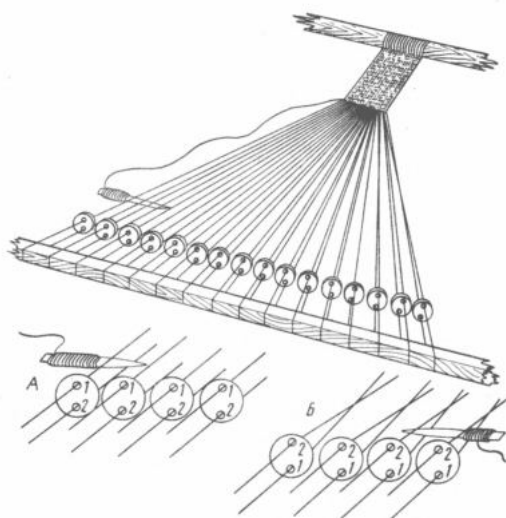
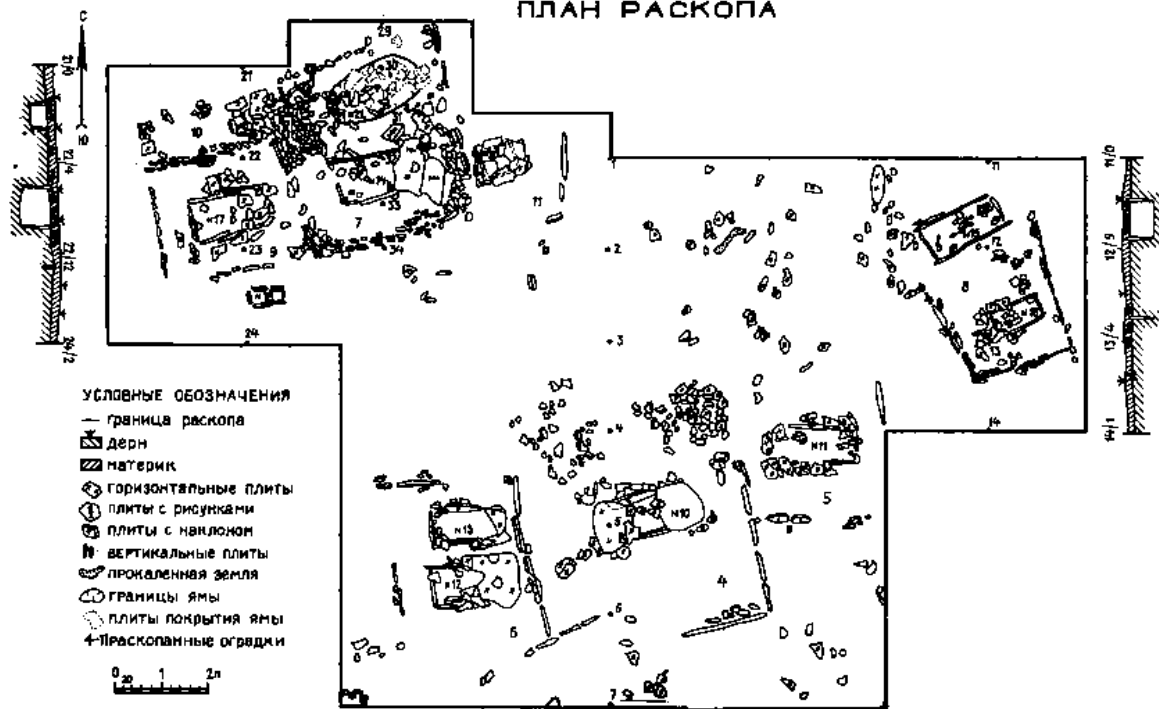

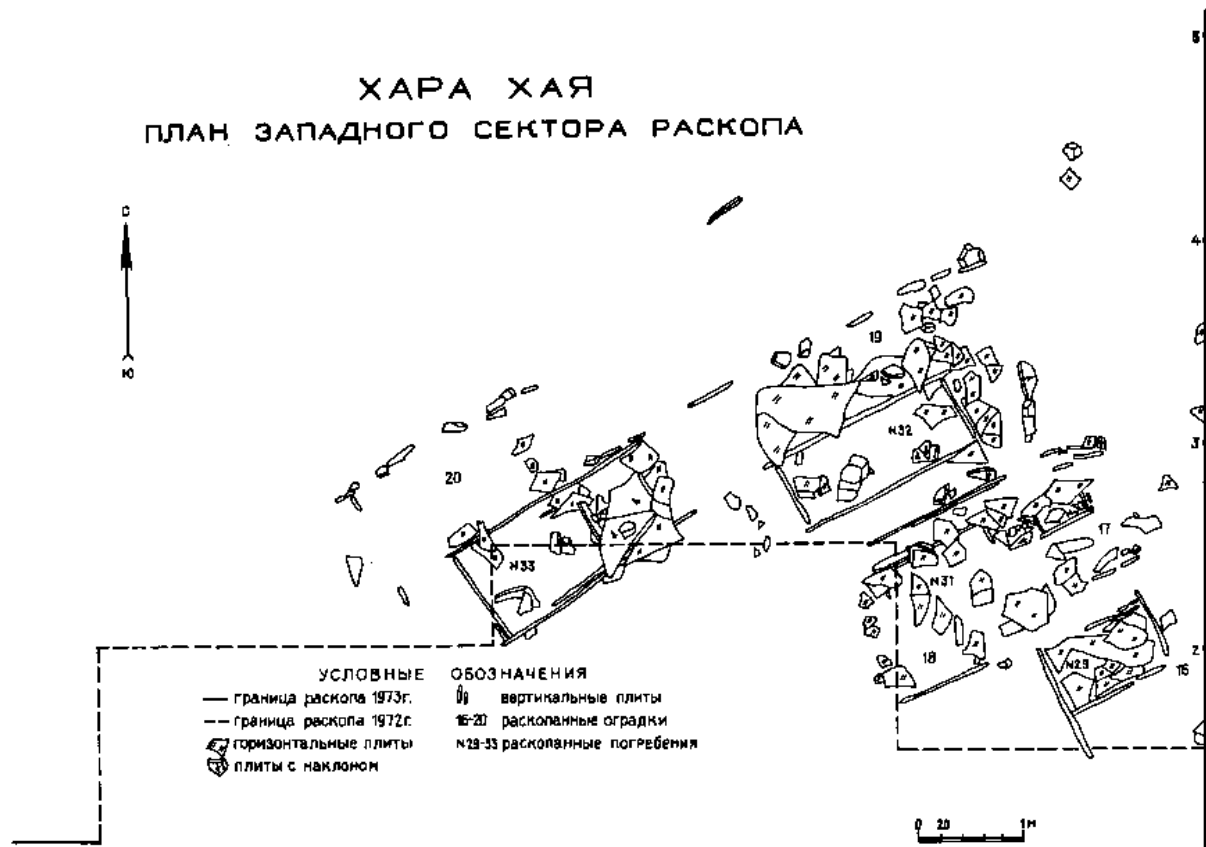
Рис. 2. Реконструкция ткацкого станка

К статье Филипповой
 "Погребальные сооружения могильника Хара Хая (из раскопок 1972—73 годов)"

ХАРА ХАЯ
 ПЛАН РАСКОПА

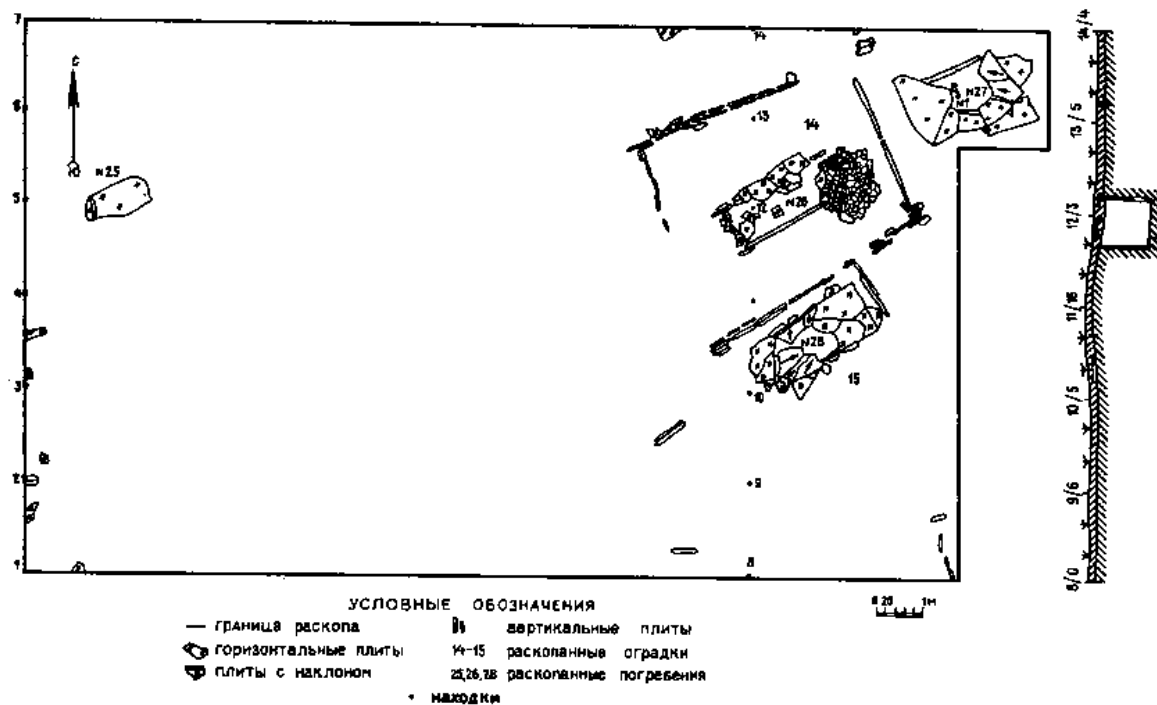

ХАРА ХАЯ ПЛАН ЗАПАДНОГО СЕКТОРА РАСКОПА

ХАРА ХАЯ

ПЛАН ВОСТОЧНОГО СЕКТОРА РАСКОПА

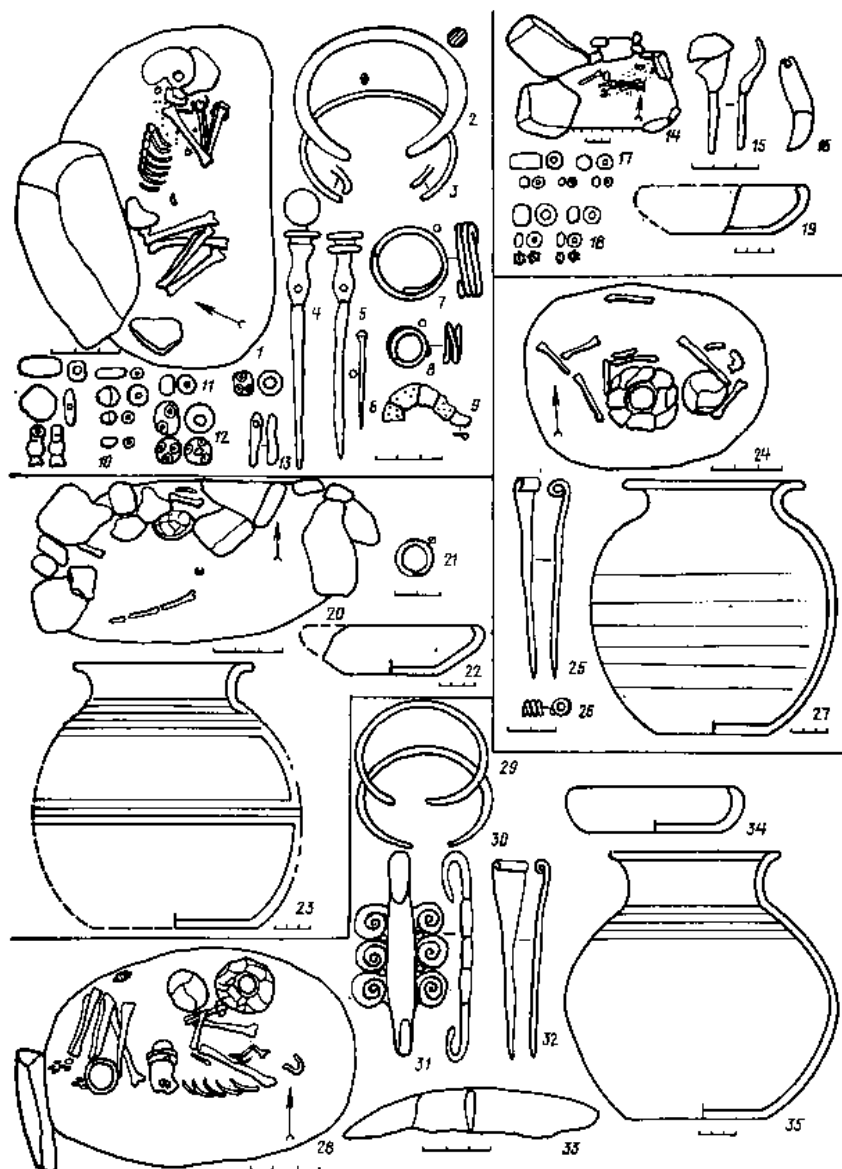

Рис. 1. Погребения №№ 1-5 могильника у с. Карца (1-13 - погребение 1, 14-19 - погребение 2, 20-23 - погребение 3, 24-27 - погребение 4, 28-35 - погребение 5)

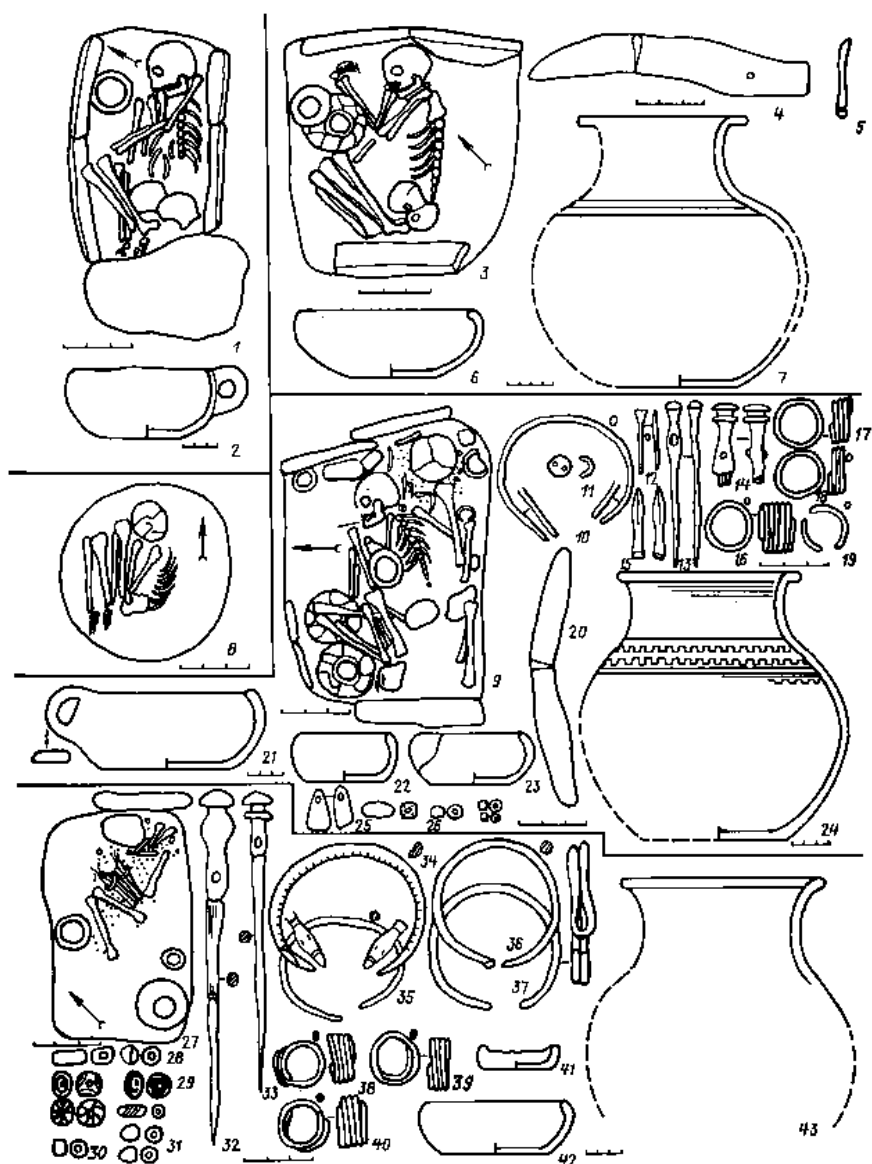

Рис. 2. Погребения №№ 6–10 могильника у с.Карца (1–2 – погребение 6, 3–7 – погребение 7, 8 – погребение 8, 9–26 – погребение 9, 27–43 – погребение 10)

К статье Богдановой
 „Семантика и назначение некоторых амулетов из
 могильников юго-западного Крыма“

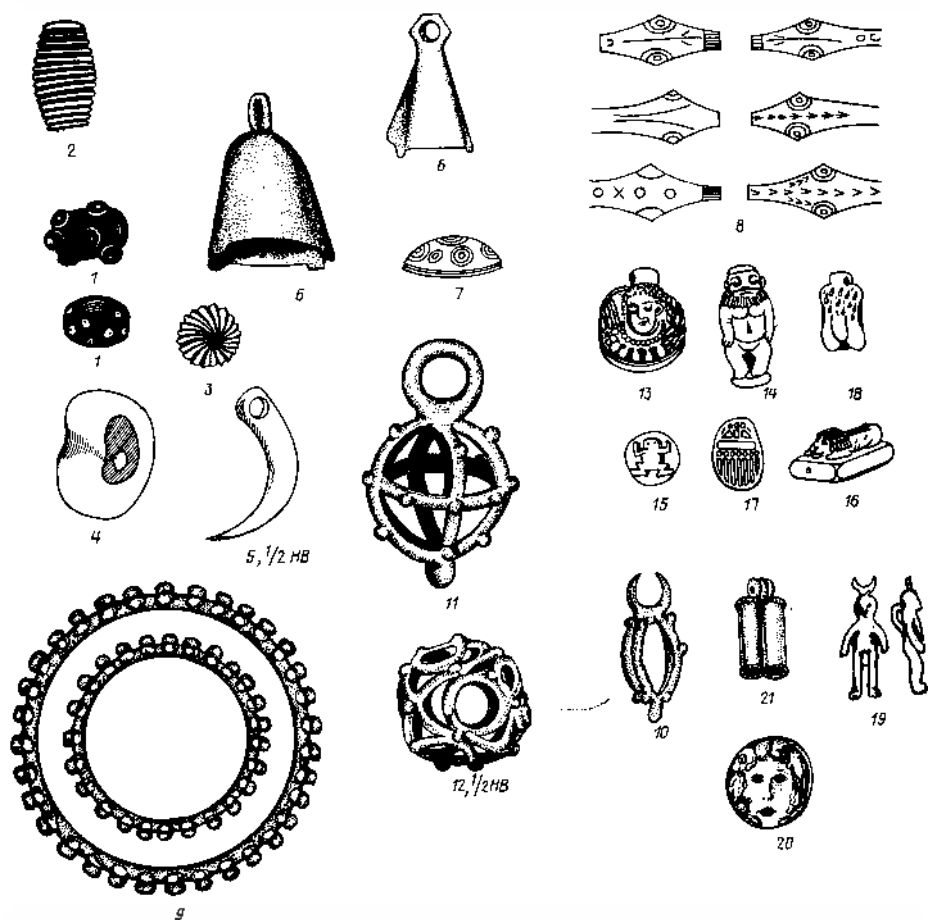

Рис. 1. Амулеты из могильников юго-западного Крыма

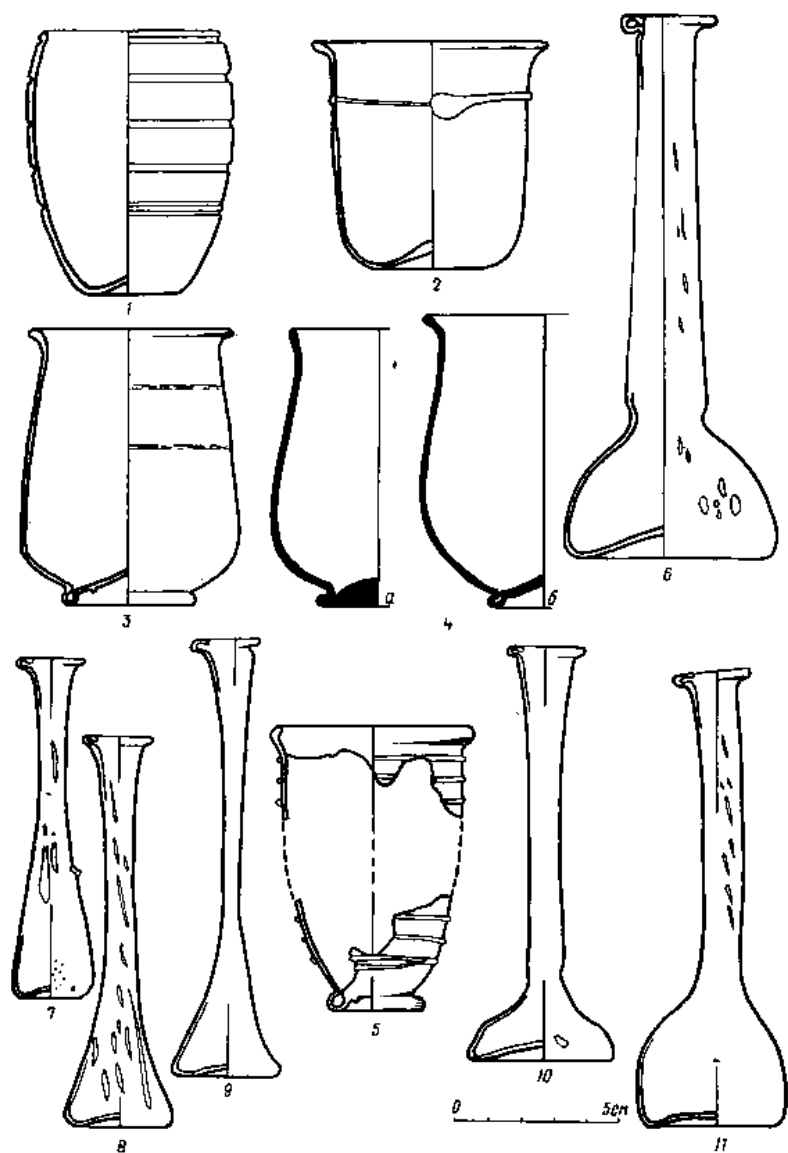

Рис. 1. Стекланные стаканы и типы бальзамариев из могильника Бельбек IV

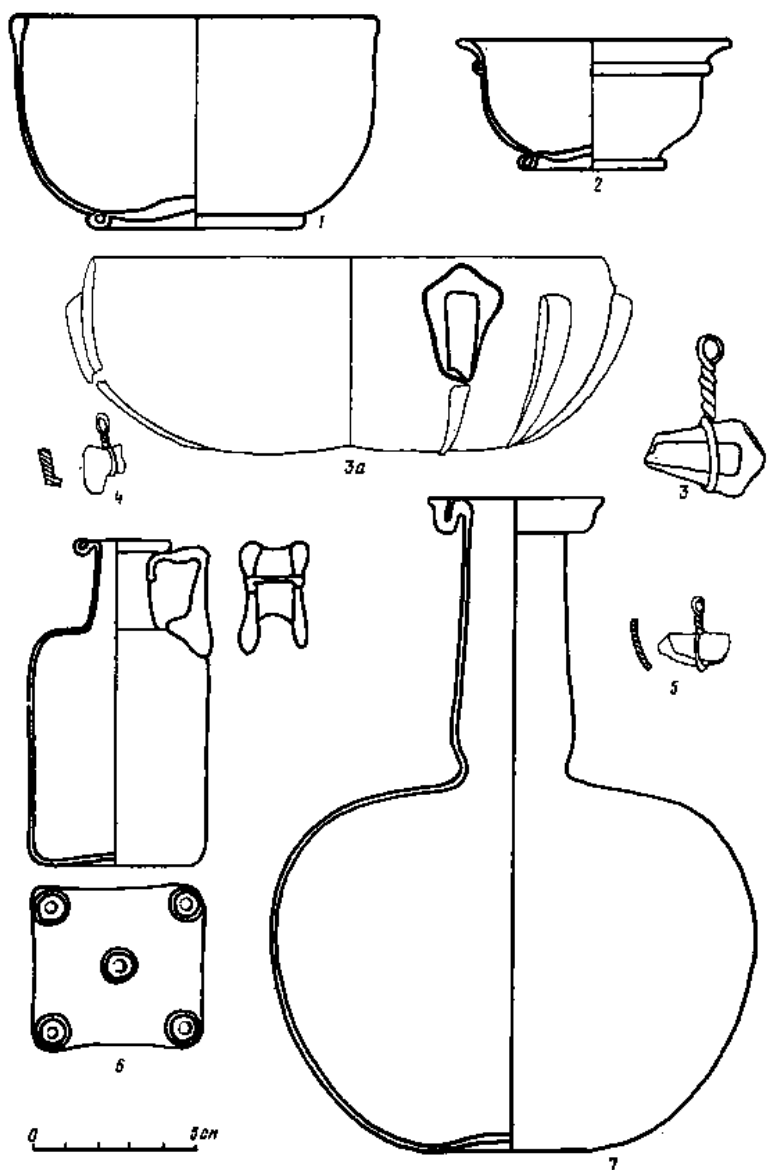

Рис. 2. Стекланные сосуды из могильника Бельбек IV и Бельбек II

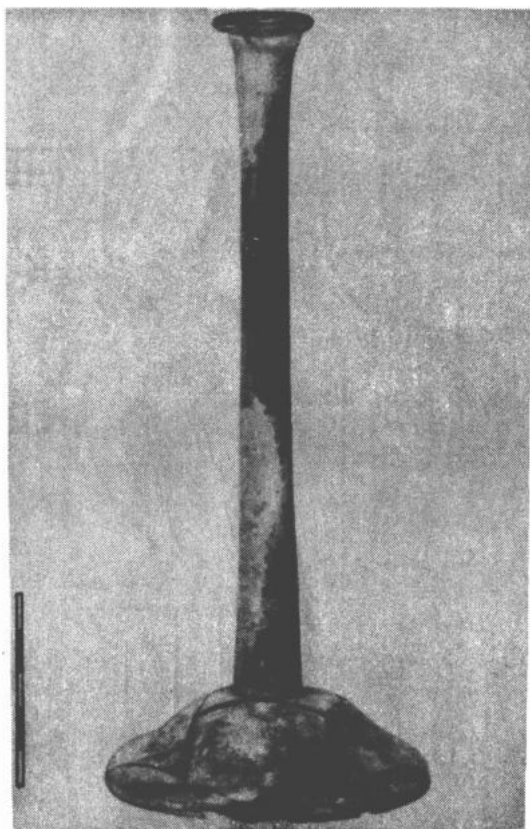

Рис. 3. Стекланный бальзамарий из погребения 102 могильника
Бельбек IV

К статье Талиса
 „Кочевнические компоненты в населении средневековых
 городищ Горного Крыма“

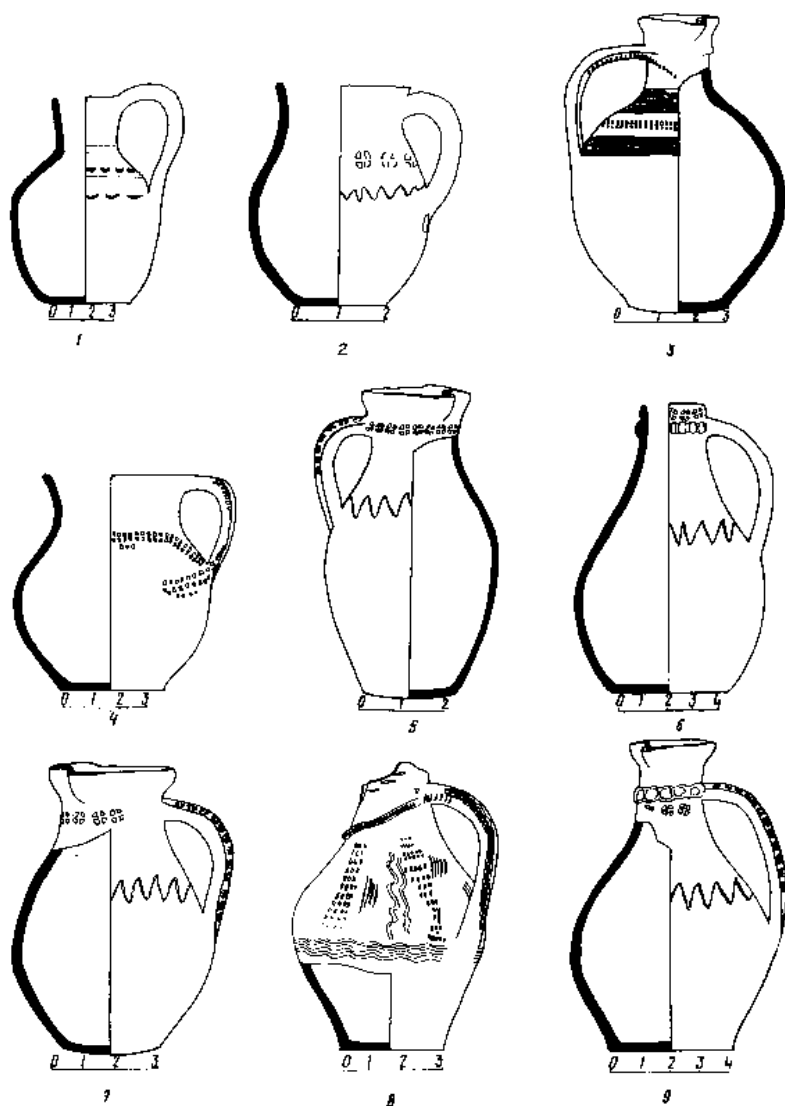

Рис. 1. Керамика Баклинского городища

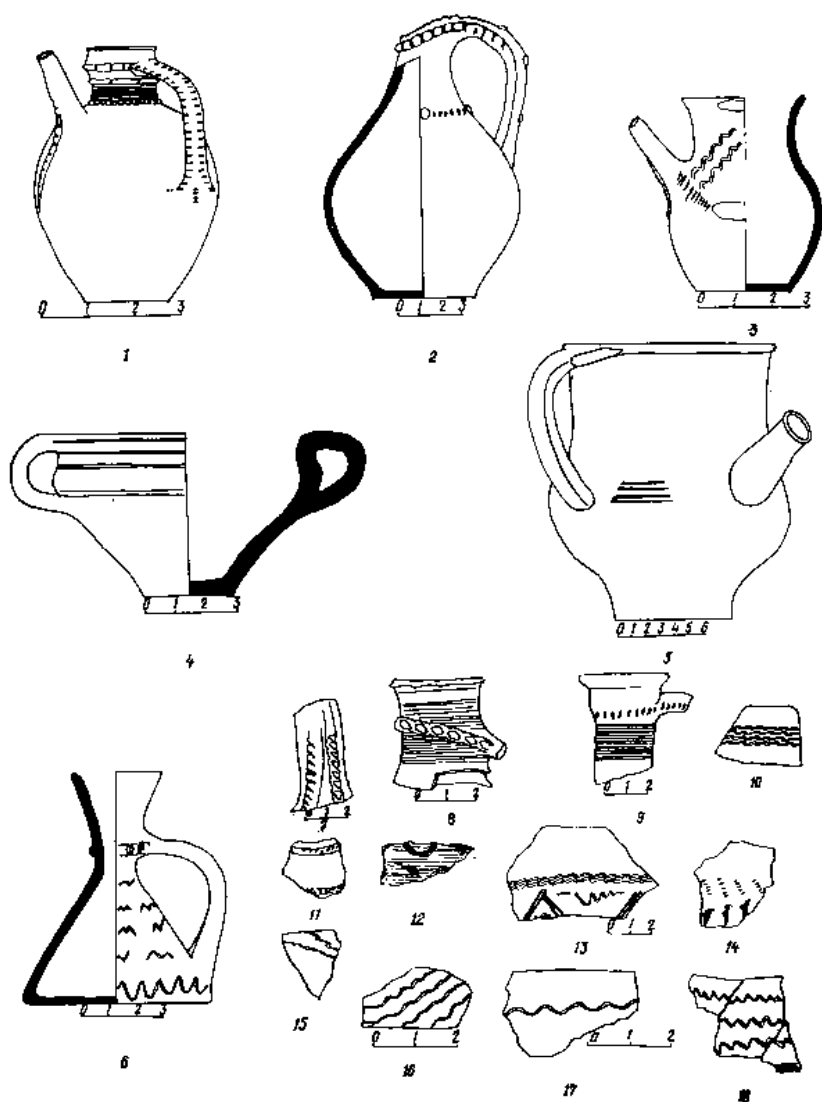

Рис. 2. Керамика Баклинского городища

Височные кольца радимичей и вятичей

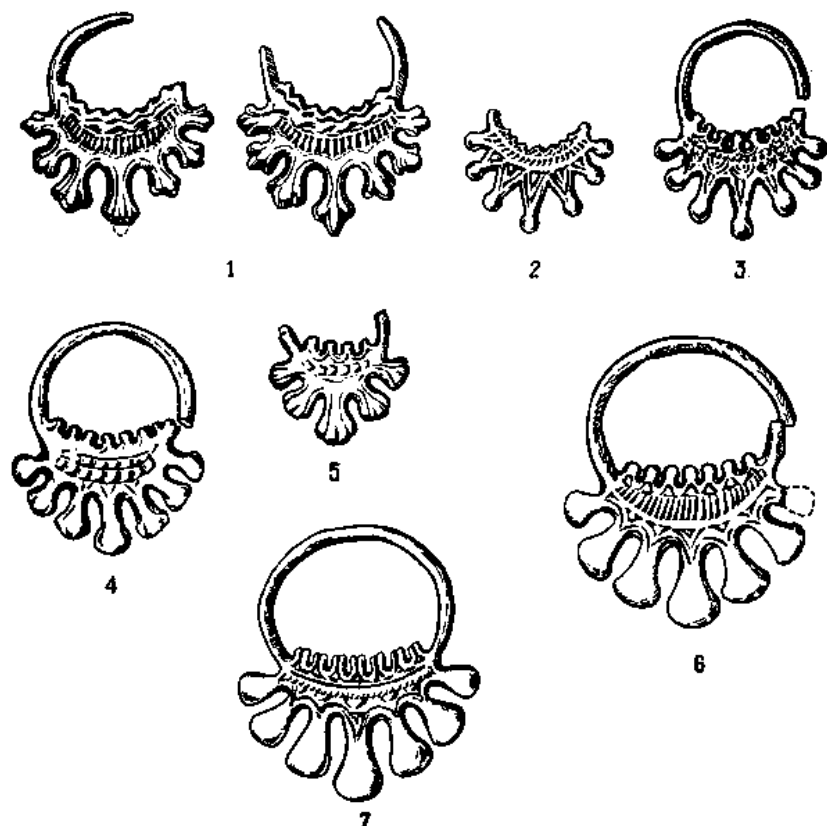

Рис. 1. Смоленская губ. Бельский у. д. Сельцо.
 ГИМ, инв. №78607

Рис. 2. Черниговская губ. Сурожский у. с. Влазовичи.
 ГИМ, инв. № 32884

Рис. 3. Черниговская губ. Сурожский или Новозыбковский у.
 ГИМ, инв. № 32884

Рис. 4. Смоленская губ. Юхновский у. с. Бочарово.
 ГИМ, инв. № 45132

Рис. 5. Московская губ. с. Спас-Тушино. ГИМ, инв. № 42436

Рис. 6. Смоленская губ. Юхновский у. д. Мокрая.
 ГИМ, инв. №78607

Рис. 7. Смоленская губ. Юхновский у. д. Ступенки. ГИМ, инв. № 45132

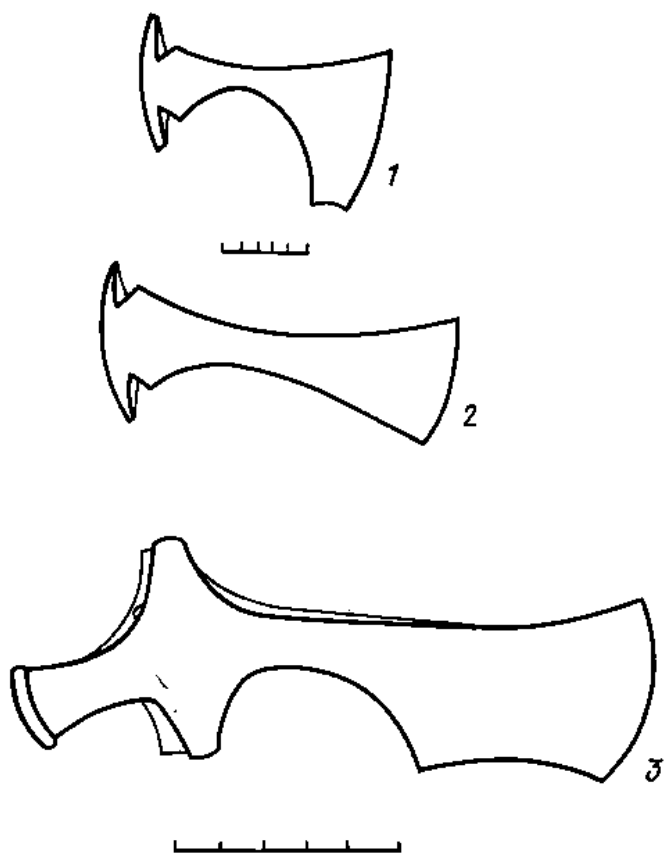

Рис. 1. Топоры Гнёздовского поселения

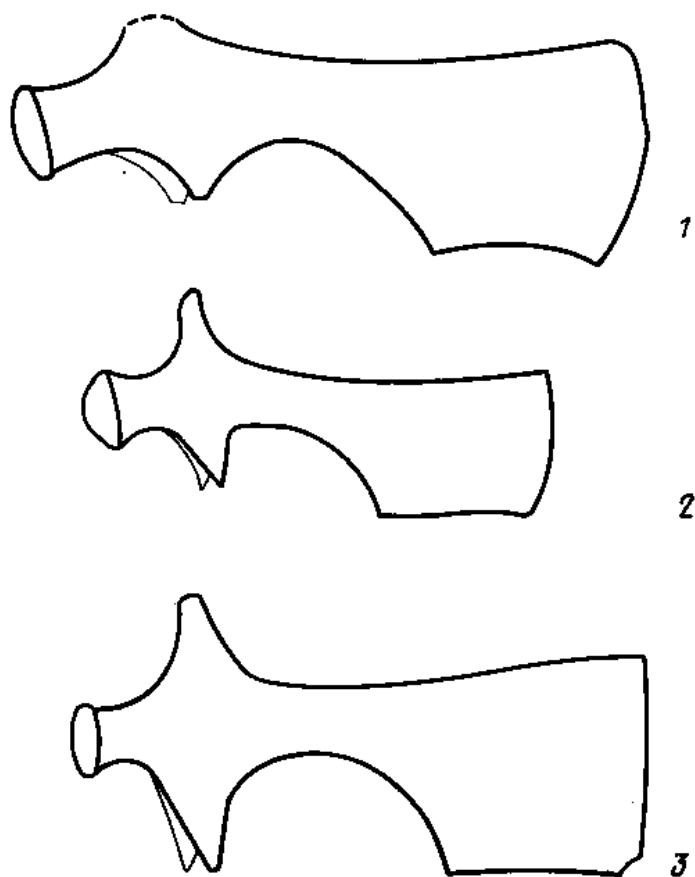

Рис. 2. Секиры блучинского типа

1. Топорик из Старо Место
2. Топорик из городища Попшицы
3. Топорик из Чиряк

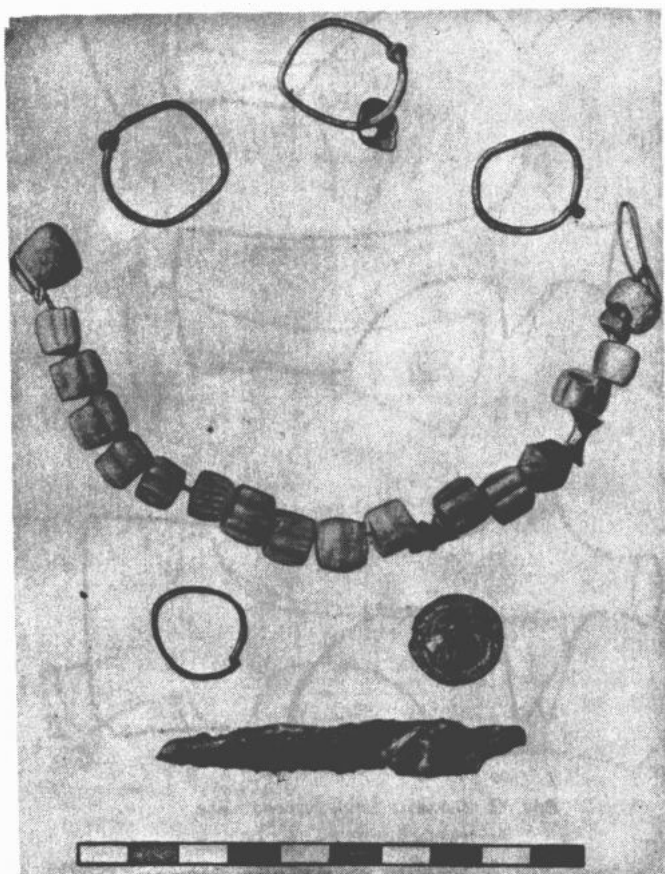

Рис. 1. Погребальный инвентарь из кургана 4

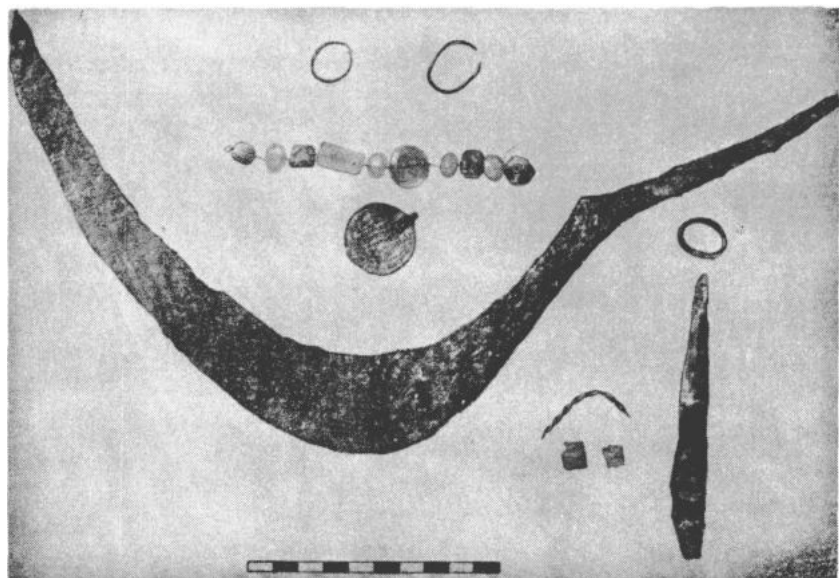

Рис. 2. Погребальный инвентарь из кургана 8

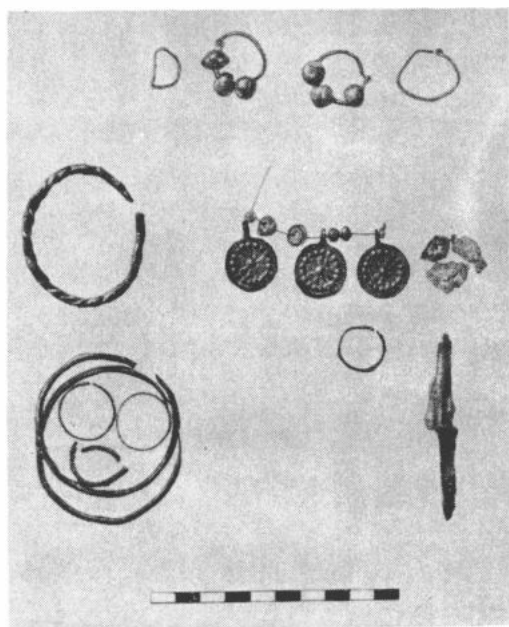

Рис. 3. Погребальный инвентарь из кургана 7

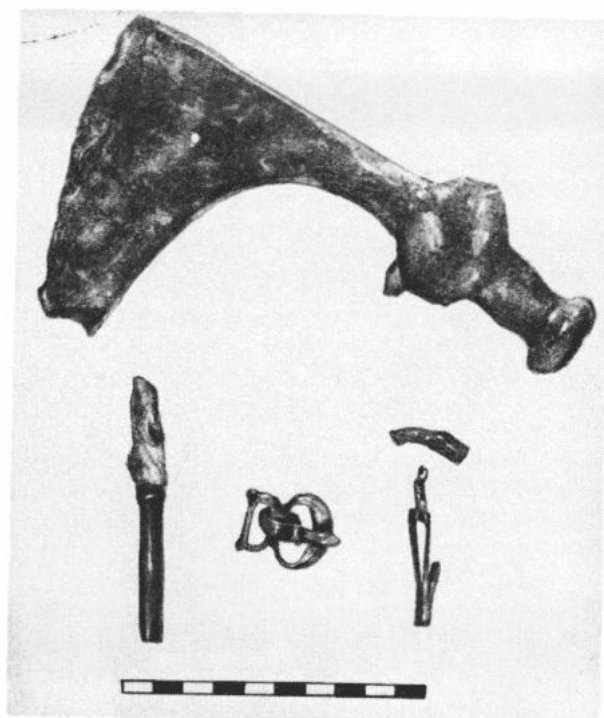

Рис. 4. Погребальный инвентарь из кургана 2

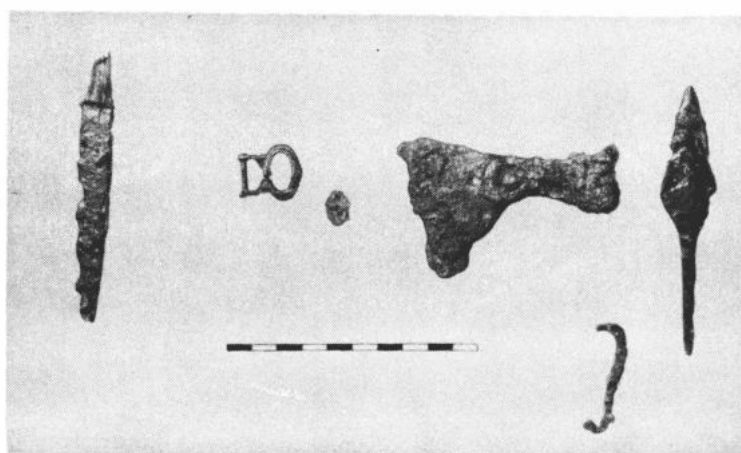

Рис. 5. Погребальный инвентарь из кургана 5

К статье Асташови
 „К вопросу о южных торговых путях Смоленска“

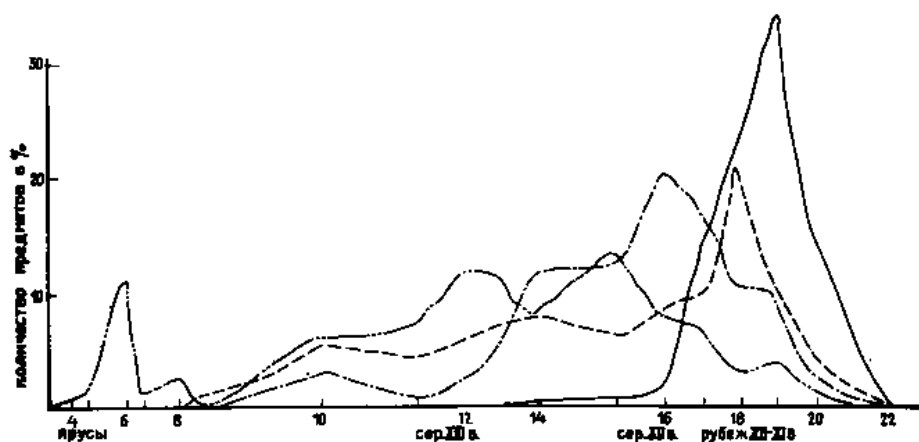

Рис. 1. Распределение материала по ярусам

Кораллы —————
 Шиферные прищипы — — — — —
 Стеклянные браслеты — • — — —
 Самшитовые гребни — п. п. — — —

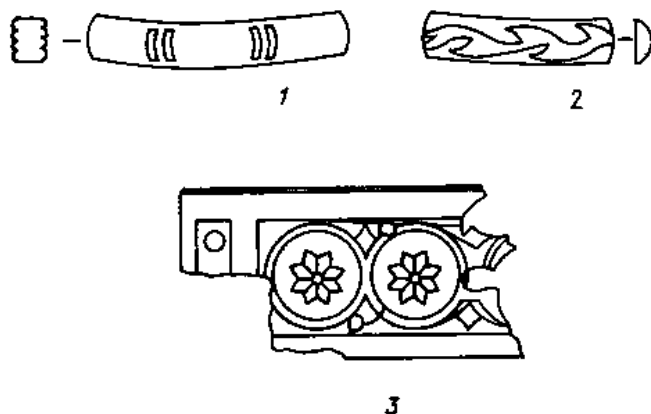

Рис. 2.

1. Браслет стеклянный синий (Византия)
2. Браслет стеклянный синий с желтой росписью (Византия)
3. Костяная накладка на ларец (Византия)

Рис. 1. Ткань из великокняжеской гробницы во Владимире

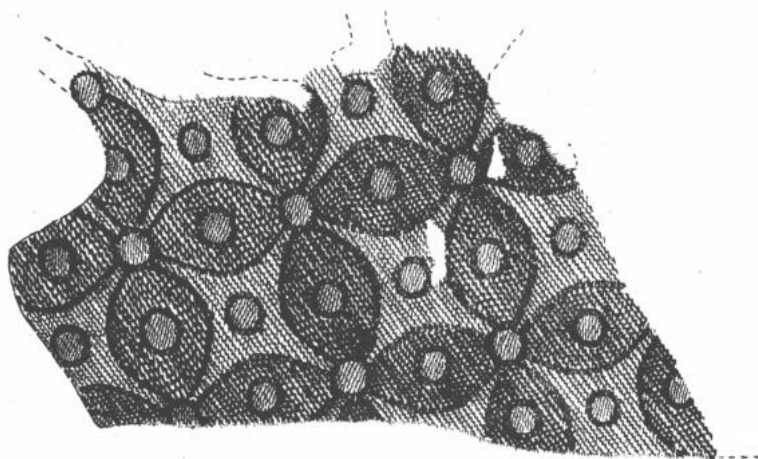

Рис. 2. Ткань из кургана близ с. Россава

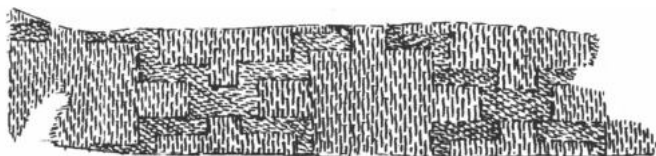

Рис. 3. Ткань из раскопок близ г. Вязники

Рис. 4. Образцы испанской тесьмы

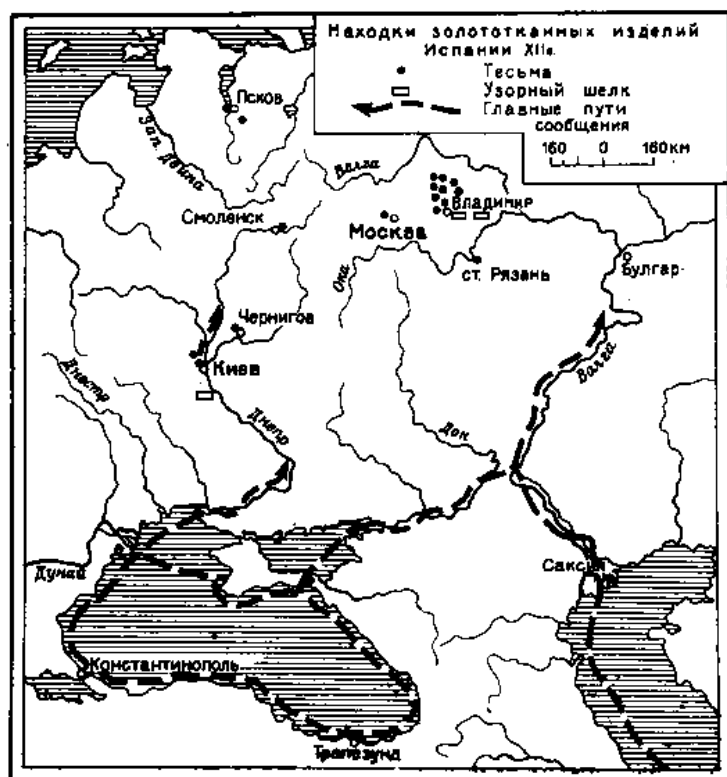

Рис. 5. Находки золототканых изделий Испании XII века

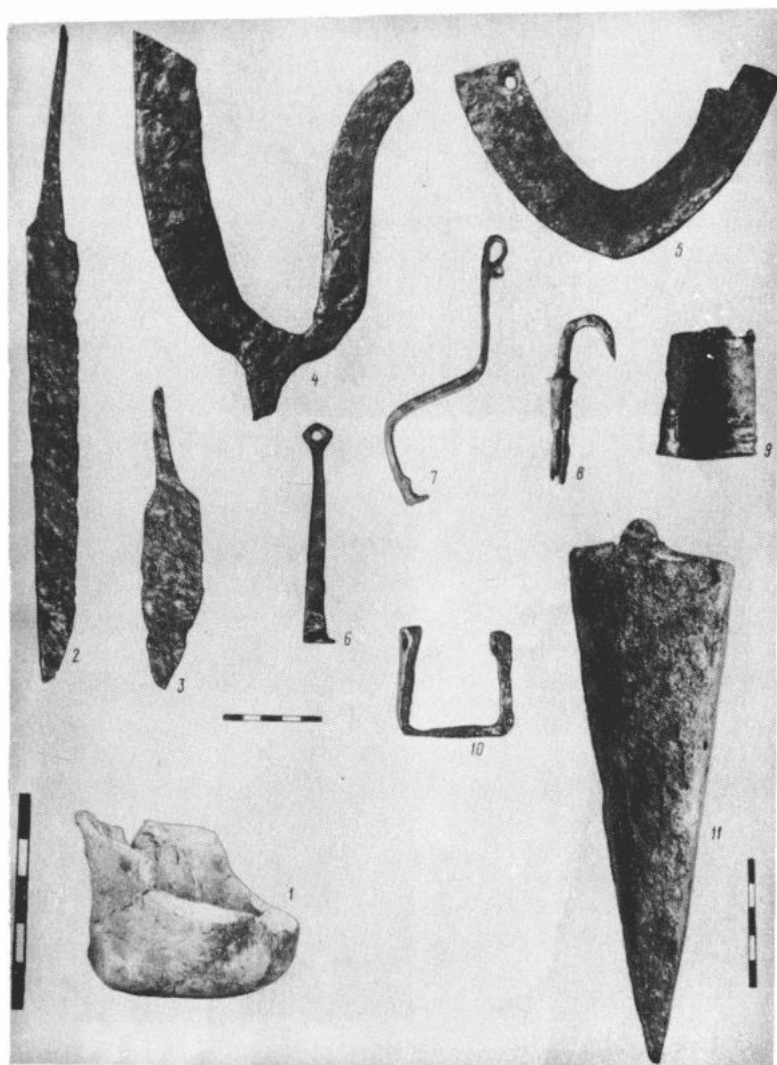

рис. 1. Находки из жилищ Николнабережного селища

Рис. 1. Маска из Серенска. Находка 1967 г.

Рис. 2. Маска из Серенска

Рис. 3. Маска из с. Ротмистровка.
Случайная находка 1887 г.

Рис. 4. Маска из с. Ротмистровка

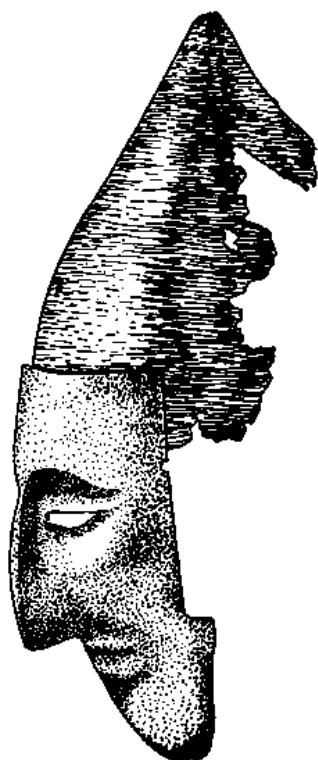
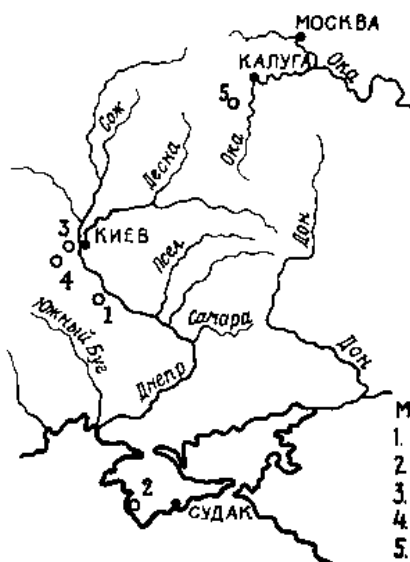

Рис. 5. Карта находок железных масок на территории СССР

МЕСТО И ГОД НАХОДКИ
 1. Ротмистровка 1887 г.
 2. Херсонес 1889 г.
 3. Липовцы 1891 г.
 4. Ковали 1897 г.
 5. Серенск 1967 г.

Рис. 6. Византийский воин в карнавальной маске. Рисунок на поливном блюде XIII—XIV вв.

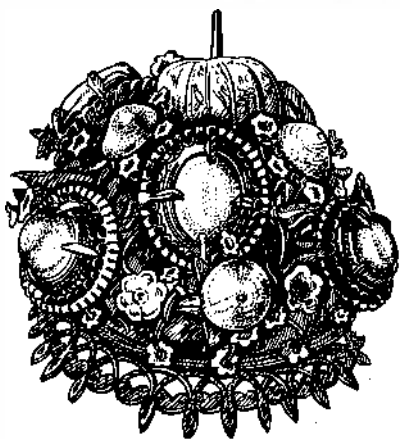

Рис. 1. Золотая бляха-навершие

Рис. 2.
 Золотая бляшка
 с округлыми
 сторонами

Рис. 3.
 Золотая бляшка
 с вогнутыми
 сторонами

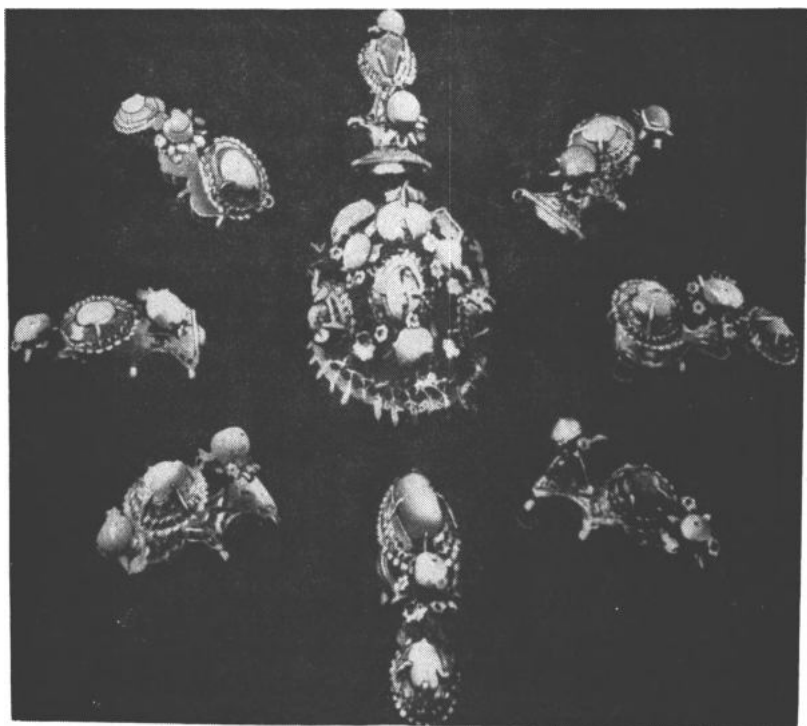

Рис. 4. Бляха-навершие и фигурные бляшки с камнями и жемчугом

Рис. 5. Привеска

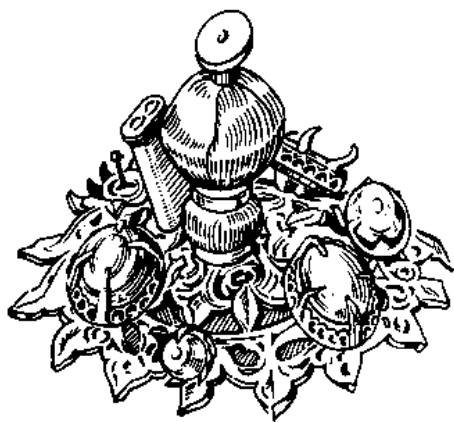

Рис. 6. Серебряная бляха-навершие

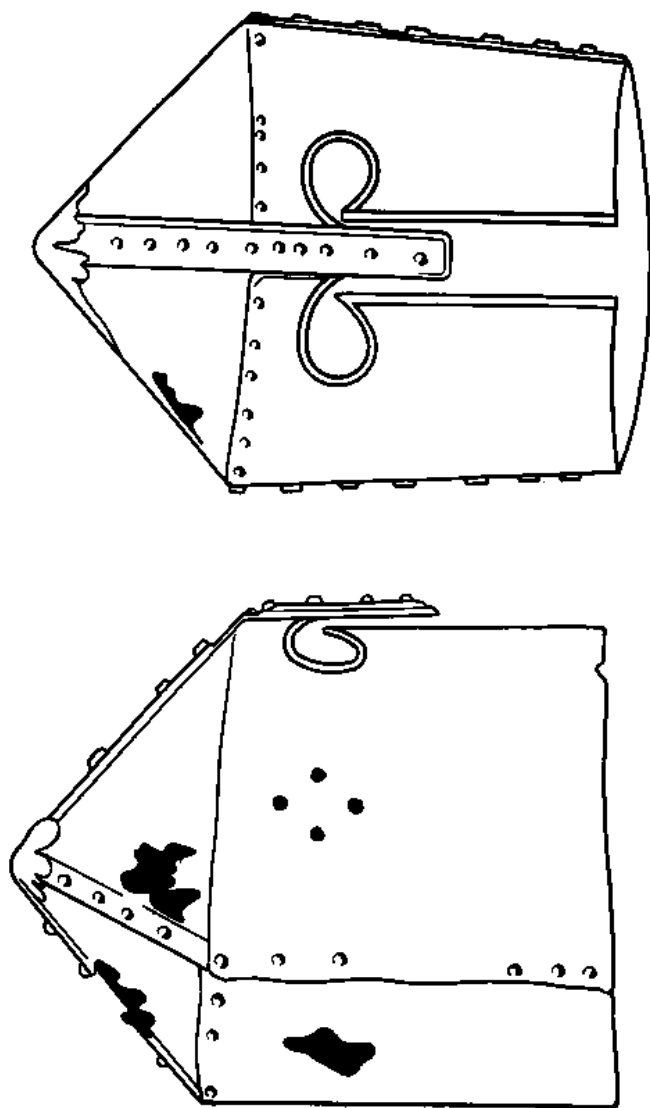

Рис. 1. Шлем конца XIII в. из Артиллерийского музея Парижа

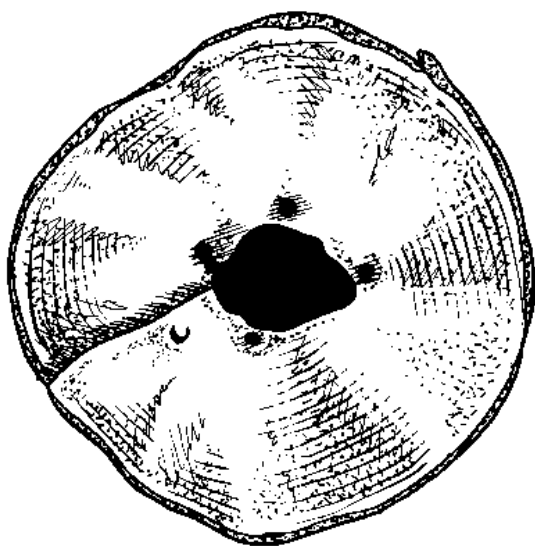
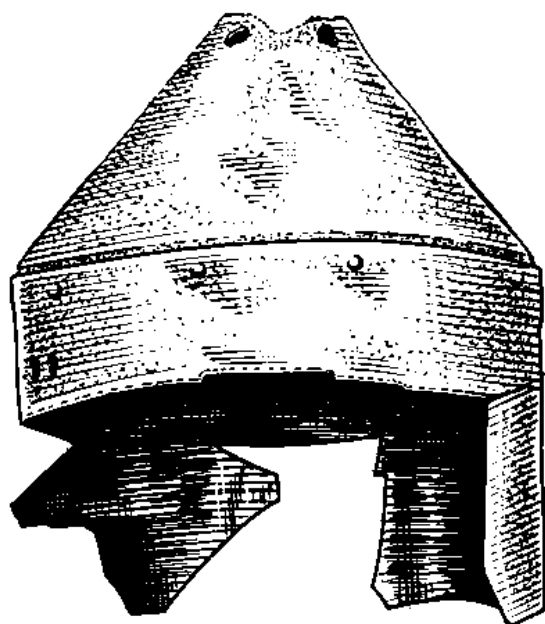

Рис. 2. Шлем конца XIII в. из г. Белая Калитаа

Рис. 1

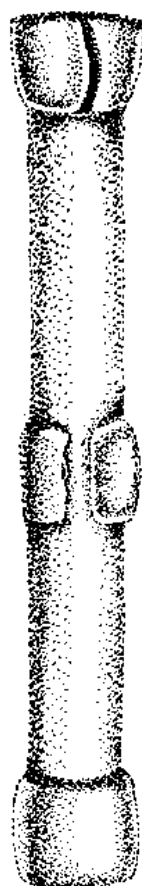

Рис. 2

Рис. 1,2. Ствол пистолета из коллекции ГИМ

К статье Костюхиной
„О некоторых чертах миниатюры
русской рукописной книги XV–XVIII веков“

Рис. 1. Месяцеслов, XVII в., ГИМ, Хлуд. 181, л. 50

Рис. 2. Евангелие, XVII в., ГИМ. Муз. 2541, л. 12об.

Рис. 3. Индикоплов, 1495 г. ГИМ, Увар. 566. л. 124 об.

Рис. 4. Месяцеслов, XVII в., ГИМ, Хлуд. 181, л. 60

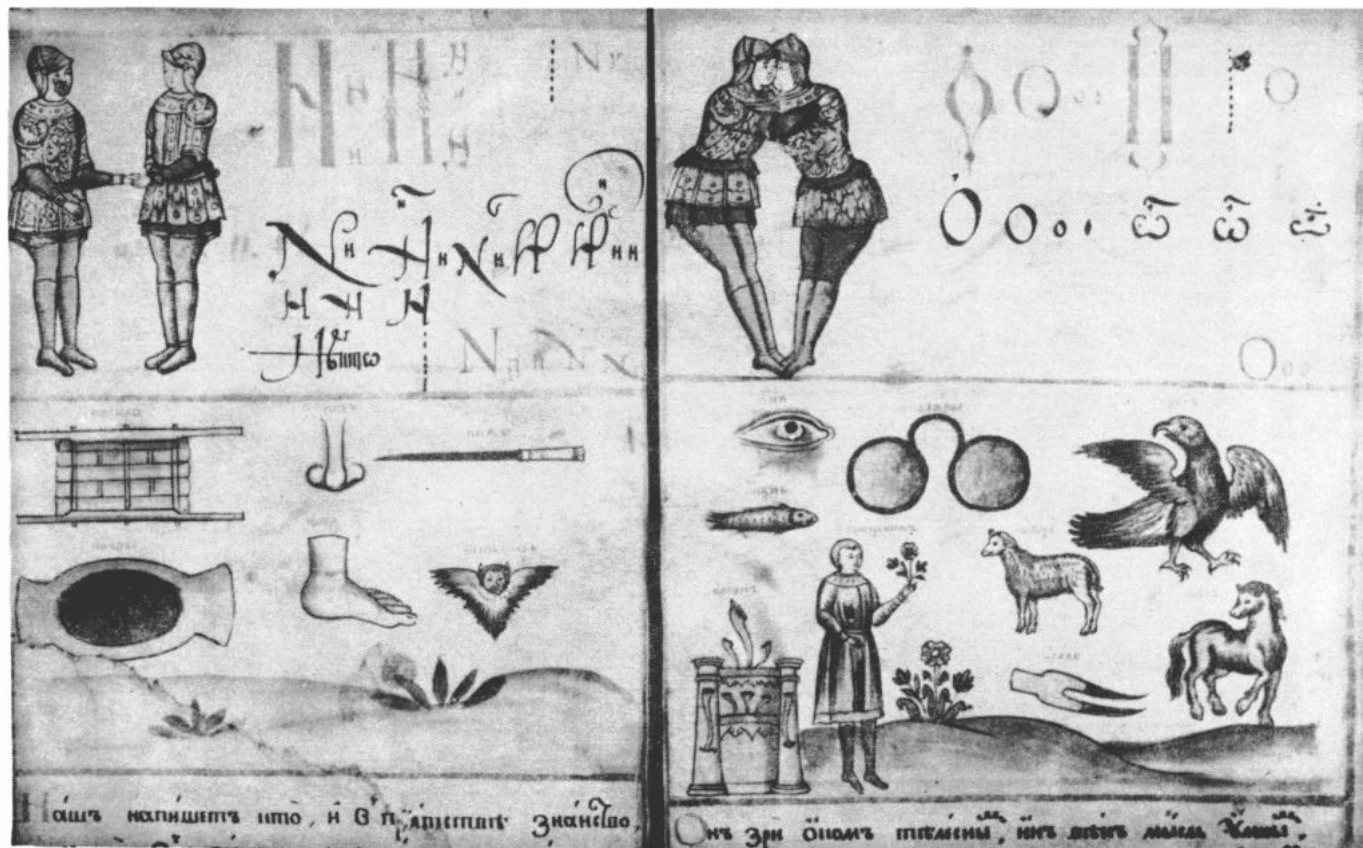

Рис. 5. Букварь Кариона Истомина, 1693 г. ГИМ, Увар. 92, 150б-16

Рис. 6. Житие Антония Сийского, 1648 г., ГИМ, Щук. 750, л. 171 об

СОДЕРЖАНИЕ

Л. В. Грехова	Фигурка мамонта со стойки Елисеевичи	15
И. К. Цветкова	Погребения на стоянке Владычинская-Береговая	
В. М. Раушенбах	К вопросу о верхневолжской керамике в памятниках бассейна р. Дубны	15
С. В. Студзицкая	Фигурные налпы на сосудах со стоянок воло- совской культуры	25
Т. Б. Попова	Клад бронзовых серпов у с. Воютино	32
Э. А. Федорова-Давы- дова	Катакомбное погребение с повозкой на Нижнем Дону	39
Н. В. Трубникова	Элементы культуры эпохи бронзы в Кошибеев- ском могильнике Рязанской области	46
Б. А. Фоломеев и И. Л. Черный	К вопросу о раннем ткачестве в лесной полосе Восточной Европы	49
Е. Е. Филиппова	Погребальные сооружения могильника Хара Хая (из раскопок 1972—73 годов)	53
М. П. Абрамова	Раскопки могильника у с. Карца в Северной Осетии	65
Л. И. Шкурко	Образ лося в искусстве лесостепной Скифии . . .	71
Н. А. Богданова	Семантика и назначение некоторых амулетов из могильников первых веков н.э. юго-западного Крыма	79
Н. П. Сорокина	Стекланные изделия из могильников первых ве- ков н.э. юго-западного Крыма	89
И. И. Гушина	Кочевнические компоненты в населении средне- вековых городищ Горного Крыма	101
Д. Л. Талис	К вопросу о генетической связи радимичских и вятичских височных колец	107
Н. Г. Недошвикина	Топорик-чекан из Гнездова	112
Т. А. Пущкина	Курганы близ д. Пекуново на Верхней Волге . . .	115
А. В. Успенская	К вопросу о южных торговых связях домонголь- ского Смоленска	120
Н. И. Астахова	Испано-русская торговля XII века	124
М. В. Фехнер	Археологические исследования в г. Муроме . . .	131
Н. В. Тухтияла	Железная маска из Серенска в коллекции Госу- дарственного Исторического музея	134
Н. В. Пятыхшева	Украшения женского головного убора из Симфе- ропольского кладя	140
В. А. Мальм	О времени появления зеркал аланской группы на территории Волжской Болгарии	144
Г. Ф. Полякова	Шлем из города Белая Калитва	149
И. Я. Абрамзон	Ствол древнейшего пистолета из коллекции ГИМ	
Ю. В. Шокарев	О некоторых чертах миниатюры русской руко- писной книги XV—XVIII веков (наука и просве- щение)	157
Л. М. Костюхина		

Цена 1р. 50 к.

Внешторгиздат. Изд. № 525р

ВТИ. Зак 718

Подписано в печать 14.07.80г. А-11956

